

Н. В. Маркелов
ПОГОВОРИМ О БУРНЫХ
ДНЯХ КАВКАЗА

Москва «Гелиос АРВ»
2006

УДК94(470+571)"18"(=35) ББК 63.3(2)521-
69+63.3(2)521.1-04 М27

Маркелов, Николай Васильевич
М27 Поговорим о бурных днях Кавказа,
— М.: Гелиос АРВ, 2006. —320 с. ISBN 5-
85438-142-7

Книга посвящена кавказской истории, в основном — драматическим военным событиям XIX века, отразившимся в произведениях русской классической литературы. Читателей ждет встреча с чередой прославленных русских полководцев — М. И. Платовым. А. П. Ермоловым. А. А. Вельяминовым. Раскрыты забытые или малоизвестные страницы кавказских биографий Д. В. Давыдова, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина. Книга содержит много интересных сведений о представителях горских народов, таких, как кабардинский князь Измаил Агажуков, имам Шамиль, художник Петр Захаров-Чеченец, абрек Зелимхан, и др.

Для широкого круга читателей.

БЕК 63.3(2)521-69+63.3(2)521.1-04

С. Маркелов Н. В.. 2006 С Оформление. Издательство «Гелиос АРВ», 2006

От автора

Предлагая своему лицейскому другу «поговорить о бурных днях Кавказа», Пушкин едва ли предполагал, что бесконечно долгая их череда растянется на бурные десятилетия Кавказской войны. Свое владычество на Кавказе Российская империя устанавливала под гром орудий и свист картечи. Еще в 1819 году генерал А. П. Ермолов доносил в Петербург: «Я сделал марш в горы, пользуясь общим ужасом и бегством и местами почти непроходимыми, так что с трудом мог провезти два легких орудия, истребил несколько селений, весь на полях хлеб и ни одного на пути не встретил человека: до такой степени рассеялся неприятель».

Вытоптанные поля дали горькие всходы ненависти и вражды, и война еще долгие годы собирала на них свою скорбную жатву. Полежаев и Бестужев-Марлинский, Лермонтов и Лев Толстой запечатлели ее трагические картины, в которых текли потоки горской и русской крови. Историю невозможно исправить. Но знать и помнить необходимо. Как восклицал поэт: «И горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю..»

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава 1. Битва русских с кабардинцами.....	4
Глава 2. «Услуги, оказанные Отечеству».....	13
Глава 3. -Им Бог — свобода, их закон — война.....	31
Глава 4. «Ваша слава принадлежит России».....	40
«Кавказ — это огромная крепость...».....	50
«Смирись. Кавказ: идет Ермолов!».....	55
«Один из самых умнейших и благонамереннейших людей в России»	60
«Как при Ермолове ходили в Чечню, в Аварию, к горам...».....	63
«Был всели только интригант и никогда не был патриотом».....	65
«Я боюсь, чтобы Ермолова навсегда не зарыли в Грузии».....	66
«Ермолов стал любимцем войска и кумиром офицеров...».....	70
«Преданность, которую он внушал, была беспредельна».....	72
Гордые скалы Кавказа.....	75
Глава 5. Персидский поход Дениса Давыдова.....	78
Глава 6. «Куда ведет вас барабанщик...».....	90
Глава 7. Владыка гор.....	109
«Бич христиан».....	110
Грозный Имам.....	115
«Звезда князей».....	123
«Поздравляю кавказскую армию».....	129
«Я только простой уздень...».....	134
Письма Шамиля.....	136
Награды и кровь.....	140
Последний бросок на юг.....	144
Глава 8. Пленники гор.....	148
«Гнездо разбойничьих племен...».....	148
"В глухих ущельях Кавказа...».....	153
«Попастся на аркан какого-нибудь чеченца...».....	155
«Стихи моего сердца».....	161
«И влек за ним аркан летучий молодого пленника...».....	166
«Пушкин предстал мне в новом свете...».....	170
Трагедия Кизляра.....	175
Кавказский пленник-2 или опасные приключения	

Якубовича в Пятигорске.....	176
Хроника большой дороги.....	185
Я мало жил и жил в плену.....	189
«Смотреть на истину прямыми глазами».....	199
Глава 9. «С свинцом и груди лежал недвижим я...»	205
Глава 10. «Он ранен был в бою у у леса....»	218
Об одном стихотворении, приписанном М. Ю. Лермонтову.....	218
Время и место.....	229
Ранение. Рана. Кровь.....	231
Одиночество, забвение и душевные муки, связанные с ними.....	232
Глава 11. «Все картины военной жизни, которых в был свидетелем...»	236
«Если будет война, клянусь Вам Богом, бузу всегда впереди»....	236
«Вот затрещали барабаны...».....	240
«Я сделался ужасным бродягой...»	242
«Мы странствовали с ним в горах Востока...».....	245
«Я пустился в большой свет».....	249
«Едва мы успели скрестить шпаги».....	253
Глава 12. «Я вошел во вкус войны...»	259
«Штыки горят пол солнцем юга».....	259
Загадка Лермонтове го и акварели.....	263
Рисунок из чеченского альбома.....	269
«Я получил в наследство отборную команду...»	273
«Злой чечен ползет на берег...».....	276
«Скажи им, что навывлет в грудь я пулей ранен был...».....	280
Глава 13. Смерть Зелимхана	286
Глава 14. «Думаю засесть писать в Тегеране»	294
«Хочется куда-нибудь уехать,.....	294
«И больше всех лишь ты. Кавказ...».....	296
«Корабли плывут в Константинополь...».....	303
«Проклятая Персия».....	305
Золотая клетка.....	310

Глава 1

БИТВА РУССКИХ С КАБАРДИНЦАМИ

В 1840 году в России вышла в свет книга, выдержавшая потом множество изданий. Речь в ней шла о военных событиях на Северном Кавказе, а главным образом — о любви русского офицера и горской девушки. Свои суждения об этом произведении высказывали такие великие умы, как Белинский и Достоевский. Если добавить, что автор его и сам носил офицерские эполеты, а книгу писал во многом по личным впечатлениям, то кажется, что речь здесь идет однозначно о Лермонтове и его

повести «Бэла». Но это не так: и название книги другое, и автор ее — Николай Ильич Зряхов, удачливый сочинитель лубочных повестей. Поскольку названный литературный жанр давным-давно существование прекратил, скажем сначала несколько слов об этом удивительном явлении, некогда уникальном по своему широкому распространению в России и почти не оставившем следов в нашей теперешней жизни.

Лубок — это лоскут свежего слоя древесной коры. В старину же называли так и липовые доски, на которых гравировались картинки для печатания. Лубок как вид печати пришел к нам из Европы еще в XVIII веке и первоначально представлял собой примитивные цветные картинки с поясняющими надписями. Со временем лубочные издания стали выходить в виде книжек — с пересказом былин, сказок или житий святых. Особенно любимы в народе были переделки рыцарских и авантюрных романов. Назовем, например, достопамятных Бову Королевича или нашего Еруслана Лазаревича.

Словари относят Зряхова к «низовым прозаикам». Никакого уничижения, впрочем, в этом определении нет. Дело в том, что дешевые лубочные издания выходили большими тиражами, и это была единственная печатная книга, доступная нашему крестьянству и городским низам. По ним учились читать многие поколения простых русских людей, хотя, конечно, примитивное нравоучительное содержание и убогий напыщенный слог этих произведений часто вызывали праведное негодование демократических кругов. Вспомним строки знаменитой поэмы «печальника горя народного» Н. А. Некрасова:

Эх! Эх! Придет ли времечко,
Когда (приди желанное!..).
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

Гебхард-Леберехт Блюхер — прусский фельдмаршал, прославившийся в войне с Наполеоном, глупый милорд — английский милорд Георг, оба они — персонажи наших лубочных изданий XIX века. Лубочную литературу в 1918 году упразднила Советская власть, начав широкий выпуск сочинений русских классиков.

Что касается Зряхова, то в 1820-1840 годах он написал и издал добрую дюжину приключенческих, юмористических и детских книжек. Критика Зряхова не любила, справедливо finding, что он «будет иметь самый блестящий успех в передних», у всех, «кто учился на медные деньги». На медные гроши, по-видимому, учился и сам автор. Николай Ильич Зряхов родился в 1782 (или 1786) году в небогатой дворянской семье. Детство его прошло в Астрахани, а в 1801 году он вступил унтер-офицером в драгунский полк и, как признавался сам, «провел всю молодость свою в походах, военных трудах и разных злоключениях». Довелось повоевать и на Кавказе — против персов и турок. В 1808 году вышел поручиком в отставку, через несколько лет вернулся в строй, но военной карьеры не получилось: в 1816 году Зряхов был отставлен от службы «за дурное поведение». Окончил дни свои в конце 40-х годов и, по существующему предположению, в доме призрения в Москве.

«Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» — не просто самое известное, но и по своему уникальное сочинение Зряхова: выйдя в свет в 1840 году, оно выдержало в дореволюционной России сорок переизданий! Популярность «Битвы» (часто эту повесть называли просто

«Магометанкой») была так велика, что на свет появились ее переделки и подделки, а в наше время повесть выходила уже дважды — в Москве и Нальчике в 1990 году (к 150-летию первого издания).

Кабардинцы. Фотография Г. И. Раева. Начало XX в.

Сюжетную схему повести Зряхов, несомненно, заимствовал из «Кавказского пленника» Пушкина. Сочинение открывается описанием кабардинцев, потом следует грандиозное сражение на берегах Терека. Есаул Гребенского казачьего полка Андрей Победоносцев, получив в бою пять ран, попадает в плен к кабардинскому князю Узбеку. Дочь князя. Селима, выхаживает есаула. Молодые люди полюбили друг друга. Восхищенный силой и отвагой русского воина, Узбек предлагает Андрею принять мусульманство и стать супругом его дочери. Победоносцев предпочитает вернуться к своим, и по

заклучении мира его разменивают среди других пленных. На прощанье старый князь щедро одаривает его: лучшим конем из своего завода, своей драгоценной саблей и прочим. Селима же, переодевшись в мужское платье, проникает в русский военный лагерь, где добивается встречи с Андреем. Представ перед главнокомандующим (командиром Отдельного Кавказского корпуса), влюбленные просят его о покровительстве, тот вызывается быть восприемником при крещении княжны и ее посаженным отцом при бракосочетании. Благословляет молодых и прибывший в ставку князь Узбек. По возвращении войск «на свои квартиры» молодые отправляются к родителям Победоносцева, где вскоре получают известие о награждении Андрея золотой саблей с надписью «За храбрость». Кроме того была пожалована «ему на шею большая золотая медаль с портретом государя, осыпанная алмазами, на Андреевской ленте, с описанием подвигов нашего героя на другой стороне оной». Через пять месяцев после рождения сына Аркадия Победоносцев занемог, старые раны открылись, и он скончался 23 лет отроду на руках жены. София (так при крещении нарекли Селиму), не вынеся потери, умирает буквально на гробе своего супруга, что и было обещано автором в заглавии повести.

В народе «Битву» очень любили. Приведу в пример рассказ одного исследователя, занимавшегося этим вопросом еще в конце XIX века: «Желая проверить, как относится деревенский люд к лубочным изданиям, мы пригласили к себе в праздник бывших учеников и учениц сельской школы, возрастом от 14 до 18 лет, и начали свои чтения «Битвою русских с кабардинцами». Прежде всего, оказалось, что в деревне существует это «сочинение», как выразились слушатели, в трех экземплярах — у старосты перечитывают время от времени в своих семьях, а на руки не дают, особенно школьникам, мотивируя это ревниво тем, что у них, мол, и «своих» книг довольно...».

Причины такой популярности «Битвы» пытались объяснить не раз. Успеху способствовала, видимо, «горячая» и в те времена кавказская тематика и классическая

для нашей литературы сюжетная формула: плен плюс любовь. В наши дни подобный сценарий мог бы породить, пожалуй, сорокачасовой сентиментальный сериал.

Признавая необыкновенный успех «Битвы» в народе, Белинский находил, что «это не глупость, а только неразвитость, необразованность с его стороны»². Смысл суждений Достоевского на этот счет несколько иной. «Ведь что-нибудь должна же заключать в себе «Магометанка», что нравится и расходится... Главная и первая причина, — писал он, — по-нашему, та, что это книга не барская или перестала быть барскою... Отвергнутая «господами», книжка тотчас же нашла кредит в народе, и, может быть, ей очень помогло, в глазах народа, именно то, что она не господская»³.

Итак, с литературной природой «Битвы» все, кажется, ясно. Теперь попробуем разобраться с историей. Сведения о первом боевом столкновении русских с кабардинцами приводятся уже в «Слове о полку Игореве», где упомянуто о «храбром Мстиславе, иже зареза Редедю предъ пълкы косожькыми». Касоги русских летописей — предки современных кабардинцев. В дальнейшем наши отношения складывались по-разному. Так, союз русских с кабардинцами был закреплен в 1561 году браком Ивана Грозного с дочерью князя Темрюка Идаровича — Кученей, принявшей при крещении имя Марии (в народе же, что интересно, царица получила прозвище Пятигорки). При Иване Грозном на левом берегу Терека появилась первая русская крепость, она так и называлась — Терки и находилась напротив устья Сунжи. В материалах Посольского приказа за 1718 год сообщается о

возможной численности кабардинского войска, для совместного с русскими похода на Кубань против крымского хана: «Черкасских и кабардинских войск выходит в поле до 10 тысяч. И ежели б к тем прибавить донских казаков или иных российских войск, столько же 10, а по вышшей мере 15 тысяч, то довольно с теми на Кубань напасть и разорить; а соединитца им надобно у Кумы реки, у места Бестова»⁴,

С другой стороны, как пишет тот же Зряхов, «одно только помрачает славу кабардинцев: врожденное желание к набегам, грабегам и даже убийствам. Они часто, большими партиями переправляясь чрез реку Терек, избирают праздничные и воскресные дни, посвященные христианами на моления, нападают на селения и деревни, захватывают народ в церквах, берут в плен, грабят имения и скот, и гонят в своя жилища, перепродавая пленных в дальния страны — туркам и другим народам»⁵.

В 1779 году Азово-Моздокская линия выдержала ряд нападений крупных сил кабардинцев. Они разгромили небольшой русский отряд. «Офицер и сорок нижних чинов были изрублены, остальные бежали, оставив пушку в руках у кабардинцев», — сообщает в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто. Генералы Якоби и Фабрициан приняли ответные меры: лагерь противника на реке Малке был окружен и уничтожен. Кабардинские князья, признав поражение, возместили нанесенный русским ущерб скотом и деньгами, а Малку торжественно признали границей российских владений. Но остановить продвижение молодой и могучей империи на юг кабардинцы, разумеется, не могли.

Сам автор «Битвы» относит действие повести к началу XIX столетия, с ноября 1803 года на Кавказской линии начальствовал генерал-лейтенант Г. И. Глазенап. Военных событий, достойных именоваться столь громко, тогда на

Северном Кавказе не происходило, но нападения горцев на казачьи посты и пикеты, стычки, перестрелки и набеги были обычным явлением. В мае 1804 года разгорелось сражение на реке Баксан, где «кабардинцы были разбиты наголову», как пишет Потто. В марте 1805 года Глазенап предпринял новый успешный поход в Кабарду, отбил у кабардинцев многочисленные табуны и стада, но и на этот раз все события происходили на берегах Баксана, а не Терека, как в повести Зряхова. Впрочем, писателя можно понять: к документальной точности в описании военных действий он вовсе не стремился, а «седой Терек», в отличие от безвестных Баксана или Малки, был к тому времени уже достаточно прославлен в русской поэзии.

Вскоре по высочайшему повелению учредили золотую медаль, которой было «награждено всего восемь офицеров казачьих полков, отличившихся в сражении 11 марта 1805 года против кабардинцев»⁶. Что касается персональной медали Победоносцева, имевшей даже описание его подвигов, то подобные факты награждения, хотя и крайне редко, но действительно случались. Так, в 1804 году особой золотой медали были удостоены всего двое казачьих старшин, причем на ее оборотной стороне значилось следующее: «За храбрость, оказанную в сражении с персиянами 30 июня 1804 года, в коем с товарищами отбил 4 знамя и 4 фальконета.

Век зряховской «Битвы» оказался необыкновенно долгим. Пожалуй, это единственный образец лубочных произведений, дотянувший до наших дней. Само слово «лубочный» применительно к литературе означает в наши дни невысокую, пренебрежительную оценку. Название же повести давно вошло в разряд крылатых выражений и, как ведают словари, употребляется, «когда насмешливо говорится о ссоре, шуме и пр.» Ну что же, древние не зря считали, что книги имеют свою судьбу...

Примечания

1. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Т. 2. — СПб., 1889. — С. 548.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. — М.: АН СССР, 1955. — С. 259.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 19. — Л.: Наука, 1979. — С. 49.
4. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках. Т. 2. — М., 1957. — С. 19.

Портрет и графский герб М. И. Платова с девизом
«За верность, храбрость и неутомимость»
Гравюра А. Угловского. 1821 г.

5. Зряхов Н. Битва русских с кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга. — М., 1845. — С. 14 (репринтное издание: Нальчик, 1990).

6. Петере Д. И. Наградные медали России первой половины XIX в. Каталог. — М., 1989. — С. 32.

7. Там же. С. 31.

8. Акушин Н. С, Акушина М. Г. Крылатые слова. — М • ГИХЛ. 1955. — С. 43.

Глава 2

«УСЛУГИ, ОКАЗАННЫЕ ОТЕЧЕСТВУ»

Матвей Иванович Платов — личность легендарная и прославленная в нашей военной истории. Правда, теперь уже редко вспоминают, что первые боевые успехи и первая известность пришли к нему именно на Кавказе. «Платову, — как сообщают кавказские хроники, впоследствии знаменитому атаману донцев, имя которого облетело всю Европу, — в то время было всего 23 года. Наиболее видная деятельность его протекала вне Кавказа, среди кровавых войн наполеоновской эпохи, но колыбелью его известности был все-таки Кавказ — свидетель героической обороны его в глухих, тогда еще пустынных степях нынешней ставропольской губернии»¹.

Сын войскового старшины, ратный путь он начал с 13 лет, в 19 получил первый офицерский чин, а в 20 уже командовал казачьим полком. Его стремительный взлет пришелся на доблестный век Екатерины, предпринявшей ряд тяжелых войн с Турцией. Основные события происходили на дунайском театре, где блистали Румянцев и Суворов. На Кавказ же в 1774 году вторглись скопища крымского хана Девлет-Гирея. Платов в это время находился на Кубани, и продовольственный транспорт, который он конвоировал, был неожиданно настигнут врагом. Отвергнув мысли о сдаче, молодой офицер произнес слова, ставшие девизом его боевой судьбы: «Честь дороже жизни!» Устроив на высоте укрепленный лагерь, составленный из телег и повозок, донцы заняли круговую оборону и отбили семь нападений, прежде чем подоспела подмога. В решающий момент боя Платов и сам предпринял неожиданную атаку и, смешав ряды многочисленной вражеской конницы, погнал ее навстречу подходившим на выручку своим, 13 под залпы походной артиллерии. Восхищенная подвигом Екатерина приказала отчеканить особую золотую медаль, которой наградила всех участников сражения и на которой были выбиты слова, запечатлевшие «имя совершенного силою и храбростью». Платов, получивший впоследствии многие из высших наград империи, всегда с гордостью носил ее на груди. Как о примере исключительной доблести говорил об этом бое Денис Давыдов: «Если кому-нибудь придется быть в таком же положении, то пусть приведет себе на память подвиг молодого Платова и успех увенчает его оружие»².

Имя отважного донца стало известно среди высших военачальников, стремившихся получить его под свою команду, но «никто столько не жаловал Платова, — сообщает биограф атамана. — как бессмертный Потемкин». Молодого казачьего офицера не раз отмечал и Суворов. Платов участвовал в штурме турецких крепостей Очакова и Измаила, заслужив при этом два Георгиевских креста. После двух неудачных попыток взять Измаил Суворов собрал военный совет, на котором каждый должен был высказать свое мнение. Как младший по чину. Платов, согласно традиции тех лет, первым подал свой голос, решительно заявив о штурме крепости. По представлению Суворова он был произведен в генерал-майоры. В это время он уже командовал особым казачьим полком, составленным из «охочих людей», то есть добровольцев. В последующих войнах атаман полной мере сумел использовать свойственные донцам боевые качества: подвижность, неутомимость и главное — их неотразимый натиск. «Но ничто столько ни делало его отличным в глазах воинских искусное и осторожное содержание передовых караулов, скорое открытию неприятеля, доставление о нем всегда вернейших и точных сведений и потом изнурение неприятеля разными хитрыми, легкости и проворству казацкого войска свойственными изворотами»³.

В звании походного атамана Платов участвовал в грандиозной военной экспедиции — Персидском походе 1796 года, когда тридцатитысячный Каспийский

корпус пересек Кавказские горы, покорил ханства восточного Закавказья и оказался у стен Баку. Во главе войск Екатерина поставила своего любимца Валериана Зубова. Это был двадцатичетырехлетний генерал-поручик и Андреевский кавалер, младший брат ее фаворита Платона Зубова. В помощь юному полководцу матушка-императрица не забыла назначить и опытных боевых командиров, среди которых, помимо Платова, числились, например, П. Д. Цицианов, Н. Н. Раевский, А. П. Ермолов. Три казачьих полка двигались в авангарде отряда. Платовские казаки оказали корпусу неоценимые услуги: они не только первыми форсировали полноводный могучий Самур, но и спасли многих пехотинцев, унесенных бурным течением реки.

Казаки заняли Баку, их передовые разъезды преодолели Куру и готовы были идти на Тегеран, но смерть престарелой императрицы круто изменила положение дел. Восшедший на престол Павел, враждебно настроенный ко всем начинаниям матери, вернул войска в прежние границы, и при этом эксцентричном императоре Платову довелось пережить не лучшие времена, в том числе ссылку в Кострому и заключение в крепость. Неожиданное сближение с Бонапартом придало замыслам Павла поистине наполеоновский характер: он не только поддержал планы о вытеснении англичан из Индии, но сделал первые шаги к осуществлению этой сумасбродной идеи. Вот как рассказывает об этом историк Е. В. Тарле:

«Казачий атаман Матвей Иванович Платов, по неведомой причине засаженный Павлом в Петропавловскую крепость и находившийся там уже полгода, внезапно был извлечен из своего каземата и доставлен прямо в царский кабинет. Тут ему без всяких предисловий был задан изумительный вопрос: знает ли он дорогу в Индию? Ничего абсолютно не понимая, но, сообразив, что в случае отрицательного ответа его, вероятно, немедленно отвезут обратно в крепость, Платов поспешил ответить, что знает. Немедленно он был назначен начальником одного из четырех эшелонов войска Донского, которому почти в полном составе приказано было идти в Индию. Всего же выступили в поход все четыре эшелона — 22500 человек. Выступили они с Дона 27 февраля 1801 г., но шли недолго...»⁴.

Николай Смирной, служивший правителем дел атамана, выпустил в 1821 году его биографию под названием «Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова», в которой приводит (вероятно, со слов своего героя) некоторые интересные подробности достопамятной аудиенции: «Платов долженствовал предстать пред монарха своего, недавно гневного и вдруг гнев на милость применившего: минута важная, положение затруднительное; но Платов и тут не потерял присутствия духа. Несмотря на слабость изнуренных сил своих, он явился во дворец с тою же самою бодростью духа, с тою же непринужденности, какая свойственна ему была во всех чрезвычайных случаях... Прием неописанной милости, благоприветливости и снисхождения исполненный, самым приятнейшим образом изумил и порастил Платова. Казалось, государь желал истощить все средства, чтобы заставить Платова забыть прошедшее. Он явился ему в образе ангела утешителя. Глубоко пронзенный нежнейшими чувствами верноподданнической благодарности, Платов в восторге радостном, с слезящимися глазами, повергся к стопам великодушного монарха и облобызал его десницу. Государь в сердечном умилении поспешил приподнять его — и тут же, в ознаменование особенной милости и высочайшего благоволения своего, украсил его командорственным крестом ордена св. Иоанна Иерусалимского. По тогдашней слабости сил Платова государь простер снисхождение свое до того, что дозволил ему пред собою сесть, и в таком положении начал весьма милостиво расспрашивать его о многих предметах, до войска Донского относящихся. Как - то: о порядке управления оного, об образе службы и проч. Скорые решительные и точные ответы Платова удовлетворили ожиданиям монарха и более еще удостоверили в тех способностях его,

которые государю были уже известны. Следствием сего было то, что его величество изволил открыть Платову тайные преднамерения свои о предназначенном тогда весьма важном походе в Астрахань и далее, в котором войско Донское долженствовало принять главнейшее участие... Император повелел Платову немедленно отправиться на Дон...»5.

Заглянем еще в «Записки декабриста» Николая Ивановича Лорера, слышавшего рассказ об индийской экспедиции из уст самого атамана. Переведенный в 1837 году из сибирской ссылки рядовым в войска Отдельного кавказского корпуса, по дороге на юг, в Новочеркасске, он посетил могилу прославленного героя, с которым был знаком в прежние времена:

«Заговорив о Платове, я привел себе на память рассказ его, слышанный мною еще в Варшаве в 1815 году, по возвращении наших войск из-за границы, от него самого. Он так любопытен, что помещаю его. В одном доме, после сытного обеда, Матвей Иванович, по обыкновению немного подвыпивший, сел на диван, со многими сотоварищами-генералами, а мы, молодежь, окружали эту любопытную группу. Кто-то спросил Платова, чем он был при императоре Павле Петровиче? Матвей Иванович, почесав у себя в голове, с расстановкою, своим малороссийским наречием сказал:

"Я, господа, при императоре Павле Петровиче по доносу одного из сослуживцев своих сидел в Петропавловской крепости вместе с Алексеем Петровичем Ермоловым. Я был тогда в чине генерал-майора и заправлял до сего донцами. Крепко грустил я в крепости, не зная, чем кончится моя участь. «Не грусти казак — атаманом будешь», — сказал мне А. П. Ермолов. В одну ночь меня потребо-18 вали во дворец, и ввели в кабинет государя, пред которым я упал на колени. Государь велел мне встать и сказал: «Генерал Платов, вот тебе табакерка с моим портретом». Не понимая причины такой милости, я однако ж облобызал ею царскую руку. Государь продолжал: «Поезжай на Дон, собери полки и выступай в поход. Пред выступлением получишь маршрут, карту и узнаешь, куда идти, и тогда же пришлешь мне рапорт с надежным офицером об исполнении моего повеления, Ступай...». С Павлом шутить нельзя было, не такой был человек, но я чувствовал, что не к добру взвалил он на меня это поручение... Я знал, что Павел верил доносу на меня, и был убежден, что дело идет о том, чтоб меня погубить. Так или иначе, а действовать было надобно. Поехал я на Дон, живо собрал 20 тысяч казачков, отслужил молебен и готовился потянуться в неизвестный путь, как получил, по обещанию государя, карту, маршрут и приказ: открыть путь в Индию... Легкое дело!.. Я хранил все это в тайне, по приказу царя. Вот прошли мы Саратовскую губернию. Астраханскую и втянулись в необозримые киргизские степи. Пока были мы в своих границах, донцы мои были веселы, и песни их раздавались беспрестанно. Полковники и офицеры старались узнать, куда я их веду, но я крепко хранил тайну. Жары нас одолевали, провиант истощался, воды часто не было, и только отвратительные гадюки (змеи) ползали вокруг нас. Уже шесть недель, что мы в походе, а нет надежды к нашему возвращению, и, кажется, придется всем нам сложить свои головы. Сначала, правда, думал я, что государь хочет нас наказать небольшой прогулкой, а там помилует и возвратит. Но нет... И часто оглядывался я на родную сторону, не пошлет ли она нам вестника возвращения... В одно утро старшины и сотники объявили мне, что полки два дня уже без воды, в войске ропот, что казачки отказываются идти далее. Полководцы просили меня сказать, куда я их веду... плохо! «Погодите до завтра, детушки, — сказал я, — утром вынесу свой походный образ, отслужим молебен, и тогда скажу войску, куда мы идем». Грустно разошлись мои товарищи, печально полез я в свой шатер и, на бурке лежа, так рассуждал; или свои меня убьют, или Павел повесит, за неисполнение приказания. Тут смерть и там смерть. Ежели завтра не будет нам приказа вернуться, то передам я со всем войском туркам

и, буду служить новому царю... Так пролежал я целую ночь и не смыкал глаз. Стало светать. Вдруг полы шатра моего зашевелились, и лезет ко мне на четвереньках человек не человек, черт не черт, зверь не зверь, и мычит каким-то хриплым голосом: «Воды... воды...» Я вскочил на ноги и подал несчастному, лежавшему на земле, несколько глотков, и тогда только он проговорил: «Павел скончался... Императором — Александр, и возвратитесь на Дон!...» Я так напутался, что в первые минуты не знал, радоваться ли мне или печалиться, а все-таки думал, не шпион ли это какой-нибудь, и потому только по прочтении приказа действительно возрадовался. При воцарении Александра первый указ, им подписанный, был о нашем возвращении на Дон. Послано было шесть гонцов с приказанием непременно настичь нас и вернуть, и только один, едва живой, исполнил поручение. Остальные не довели. Утром мы весело присягнули новому царю и поплелись в наши станицы, потеряв, однако, много людей и лошадей".

*Граф Платов, войска Донского атаман.
Гравюра Кофиди по рис. А. Орловского*

Так кончил свой рассказ Матвей Иванович»⁶.

Александр 1 постарался возместить Платову превратности фортуны, произведя его в генерал-лейтенанты. Его слава рождалась уже в наполеоновских войнах, когда Платов командовал крупными соединениями легкой кавалерии, собранными в основном из казачьих полков. Их губительные рейды по тылам наводили ужас на противника. «Атаман Платов загремел в Европе чрез кампанию 1807 года, — пишет Денис Давыдов. — Начальствуя отрядом, составленном из полков: десяти казачьих, 1-го егерского, Павлоградского гусарского и двенадцати орудий донской конной артиллерии, он взял в плен в течение всей вышеозначенной кампании сто тридцать девять штаб- и обер-офицеров и четыре тысячи сто девяносто шесть рядовых»⁷.

Казачи, эти «новые скифы», по выражению Вальтера Скотта, принесли на поля европейских сражений неведомую там тактику боевых действий, к которой наполеоновские генералы так и не смогли приспособиться. Говоря современным языком, это были части быстрого реагирования. Легкие на подъем, молниеносные в атаке, они, казалось, возникали из ниоткуда и, неуязвимые, вновь исчезали в никуда. Столь стремительный и слаженный маневр нескольких кавалерийских полков требовал, разумеется, и высокой боевой выучки, и умелого, грамотного руководства.

В 1807 году в битве при Прейсиш-Эйлау, которую историки называют кровавым предисловием к вторжению Наполеона в Россию, казаки отличились тем, что первыми ворвались в город, оставленный отступавшими французами. «Пятого февраля, — вспоминает участвовавший в сражении Давыдов, — Наполеон решил отступить за Пассаргу для занятия кантонир-квартир и оставил Эйлау, преследуемый нашим авангардом и всеми казачьими полками под начальством своего атамана Платова, который с того дня начал свою европейскую репутацию»⁸.

При заключении Тильзитского мира предполагалось, что Платов в числе других наших генералов будет удостоен французского ордена почетного легиона, но тот твердо дал понять, что не примет награды из рук Наполеона, чем, впрочем, только подогрел интерес императора к своей персоне. Вот как рассказывает об этом Николай

Смирной: «Наполеон, вероятно слышав от своих генералов об искусстве, с каким Платов стреляет из лука, пожелал удостовериться в том своими глазами. Государь император удовлетворив просьбе его повелеть соизволил Платову показать Наполеону сие искусство калмыков и башкиров, которых французы вообще представляют себе весьма в ужасном виде. Государь при сем случае был столько снисходителен, что соизволил принять на себя посредство во взаимном объяснении Платова с Наполеоном. Для сего назначена была приличная комната. По вступлении в оную императора с Наполеоном предстал пред них тотчас и Платов. При первой встрече Наполеон сделал ему много лстивых приветствий относительно службы его и военного искусства; потом делал многие вопросы о Донском войске, о его быстрых и неутомимых действиях, о его чудесной легкости и изворотливости и вообще о необыкновенном его роде служения. Несмотря на сбивчивость сих расспросов, Наполеону не удалось смешать Платова. Противопоставляя тонкости Наполеона свою хитрость, всегда имевшую вид простоты, Платов отвечал двусмысленно и вообще вел так сей разговор, чтоб при окончании оного Наполеон о настоящем положении Донского войска не более бы узнал того, как и пред началом разговора; а о силе, неутомимости и храбрости оного остался бы с понятиями самыми высокими. Короче, Платов желал более устроить, нежели наставить в тактике Донцов. Необыкновенная ловкость, искусство и проворство, с коими Платов показал умение свое стрелять из лука, привели Наполеона в удивление. В восторге он несколько раз подбегал к Платову и напоследок, в изъявление своего удовольствия и признательности, просил его принять от него на память табакерку с своим портретом, осыпанную драгоценными камнями. Одна высочайшая воля государя императора заставила Платова принять от Наполеона сей подарок. Но чтобы не остаться в долгу. Платов тот же час поднес Наполеону тот самый, прекрасно впрочем, отделанный, лук, из которого он стре-

Драгоценные камни Платов из табакерки выломал и отправил в подарок дочерям, а после взятия Парижа и отречения Наполеона сорвал и его портрет. В Отечественную войну атаман привел с Дона огромное ополчение и командовал всеми казачьими войсками, обрушив их атакующую мощь на отступающую армию Наполеона. Он взял в плен около сорока тысяч французов, а среди них и десять генералов. Платовским казакам едва не попался и сам Наполеон, за которого они, по словам Давыдова, хватились рукой. Наутро после сражения при Малоярославце император осматривал поле битвы, когда из леса вдруг появились, выражаясь по-французски, *Les infants du Don* (сыны Дона). Французский генерал Рапп так вспоминал впоследствии об этом драматическом эпизоде: «Едва успели мы оставить шалаши, где провели ночь, как прилетели тучи казаков. Они выезжали из леса, находившегося впереди нас на правой стороне. Так как они были порядочно построены, то мы приняли их за французскую кавалерию. Герцог Виченский первый догадался: "Государь, это — казаки!" — "Не может быть", — отвечал Наполеон. Они уже скакали на нас с ужасным криком. Я схватил лошадь его за узлу и поворотил ее сам собою. "Да это наши!" — "Это казаки, не медлите."¹ — "Точно, они", — сказал Бсртье. — "Без малейшего сомнения", — прибавил Мутон. Наполеон дал несколько повелений и отъехал. Я двинулся вперед с конвойным эскадроном; нас опрокинули; лошадь моя получила удар пикою в шесть пальцев глубины и повалилась на меня; мы были затоптаны сими варварами. К счастью, они заметили артиллерийский парк в некотором расстоянии.

Эти же события отражены и в четвертом томе «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Писатель полагал, что Наполеона в этот критический момент спасло именно то, что вообще губило французов, — добыча. На этот раз казаки отбили из-под носа императора одиннадцать пушек. Подводя итоги кампании, Кутузов писал атаману: «Услуги, оказанные Вами отечеству... не имеют примеров! Вы доказали целой Европе

могущество и силу обитателей благословенного 24 дона... Я не в силах изъяснить Вам той благодарности, которою преисполнено мое сердце»".

Платов стал поистине любимым народным героем, его имя вошло в песни, в одной из которых отразился даже эпизод встречи атамана с Наполеоном. В статье о народных сказках В. Г. Белинский привел эту песню в пример как «поразительный образчик переложения чуждой жизни на свои национальные понятия». Приводим ее сюжет в пересказе самого Белинского: «...В наше время существует песня, в которой рассказывается, как граф Платов надул Бонапарта: он, видите ли, пришел к нему инкогнито, а Бонапарт-то сдуру, не догадавшись, кто у него в гостях, велел и «банюшку истопить»; когда Платов выпарился в банюшке и наелся за столом, то откланялся Бонапарту, говоря ему: "Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать", — да и был таков. А Бонапарту, разумеется, куда больно досадно стало, что Платов-то его так одурачил: ведь если бы он не дал промаха и не разинул рта, и смекнул бы, кто был его гость, то сейчас же велел бы с Платова с живого содрать кожу»¹².

Денис Давыдов прославился не только как поэт и партизан, но и как прекрасный военный писатель и мемуарист. Много повидав на своем боевом веку, он называл себя живым лексиконом (то есть словарем) «как людей, так и происшествий от Аустерлица до последней Персидской войны». Со слов Ермолова (Давыдов приходился ему двоюродным братом) и Платова он составил собрание анекдотов или, иначе говоря, занимательных историй, реально случившихся с различными известными лицами. Мы выбрали оттуда несколько эпизодов, рисующих характер атамана, так сказать, вне строя.

При Павле Ермолов отбывал ссылку в Костроме. «Здесь Алексей Петрович встретился и долго жил с знаменитым впоследствии Матвеем Ивановичем Платовым, имевшим уже восемь человек детей. Платов, уже украшенный знаками св. Анны I-й степени. Владимира 2-й степени, св. Георгия 3-го класса, был сослан по следующей причине. Государь, прогневавшись однажды на генерал-майоров Трегубова, князя Алексея Ивановича Горчакова и Платова, приказал посадить их на главную дворцовую гауптвахту, где они оставались в течение трех месяцев. Платов видел во время своего ареста следующий сон, который произвел на него сильное впечатление: закинув будто бы невод в Неву, он вытащил тяжелый груз; осмотрев его, он нашел свою саблю, которая от действия сырости покрылась большою ржавчиною. Вскоре после того пришел к нему генерал-адъютант Ратьков... Ратьков принес, по высочайшему повелению. Платову его саблю, которую Платов вынул из ножен, обтер об мундир свой и воскликнул "Она еще не заржавела, теперь она меня оправдает..." Ратьков, видя в этом намерение бунтовать казаков против правительства, воспользовался первым встретившимся случаем, чтобы донести о том государю, который приказал сослать Платова в Кострому. Между тем Платов, выхлопотавший себе отпуск, отправился чрез Москву на Дон, но посланный по высочайшему повелению курьер, нагнав его за Москвой, повез в Кострому.

Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе, предложил ему, после освобождения своего, жениться на одной из своих дочерей; он, в случае согласия, обещал назначить его командиром Атаманского полка. Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая Ермолову на различные звезды небосклона, говорил: "Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу; эта — над Кавказом, куда мы бы с тобой бежали, если бы у меня не было столько детей; вот эта над местом, откуда я еще мальчишкою гонял свиней на ярмарку"

Вскоре Платов был прошен и вызван в Петербург. Так как он был доставлен в Петербург весьма поздно вечером, то его. По приказанию Лопухина, свезли на ночь в крепость, где он был посажен рядом с врагом своим графом Денисовым. Так как

государь должен был принимать его на другой день, то он, за неимением собственного мундира, надел мундир Денисова, с которого спорили две звезды. Государь был весьма милостив к Платову получившему приказание следовать чрез Оренбург в Индию...

Князь Багратион, имевший всегда большое влияние на Платова, любившего предаваться пьянству, приучил его в 1812 году к некоторому воздержанию от горчишной водки — надеждой на скорое получение графского достоинства. Платов часто осведомлялся у Ермолова, не привезен ли был в числе бумаг указ о возведении его в графское достоинство. Ермолову долгое время удавалось обманывать Платова, но атаман, потеряв наконец всякую надежду быть графом, стал ужасно пить; он был поэтому выслан из армии в Москву. Кутузов же, отправляясь в армию, вызвал его опять туда и в октябре того года доставил ему графский титул»¹³.

Медаль Кутузова-Смольникова и атаману Платову.

Нам сегодня трудно представить, какой невероятной он сопровождал Александра в Англию и, как пишут, "здесь на долю Платова выпали исключительные почести: Лондон преподнес ему драгоценную саблю. Оксфордский университет — почетный диплом доктора наук, в его честь были выбиты памятные медали, его имя присвоили спущенному на воду военному кораблю. Матвеями называли многих новорожденных мальчиков, дамы выпрашивали у Платова прядки волос, чтобы носить их «на счастье» в медальонах. Громкая слава возглавляемых им донских «летучих» полков доставила Платову исключительную популярность не только в Англии, но и во всей Европе.

Бесчисленные его портреты — поясные, в рост, на коне, окруженного казаками на походе и другие — выполнялись английскими, немецкими, австрийскими художниками. Был выпущен и находил покупателей портрет одетой в сарафан и кокошник «мисс» Платовой — дочери Матвея Ивановича, которую он будто бы обещал в жены.

Историю с поездкой в Англию использовал в «Левше» Н. С. Лесков. И хотя у него Платов изображен в несколько шаржированных тонах (пьет стаканами водку-кизлярку, курит, но целому фунту табак Жукова), но и здесь он является примером неиссякающего народного здравомыслия.

Начав службу урядником. Платов завершил ее полным генералом. Ему присвоили титул графа. К столетию атамана в основанном им Новочеркасске воздвигли памятник герою. «Этот прекрасный монумент, — читаем в «Кавказской войне» В. А. Потто, — исполненный бароном Клодтом, стоит в Новочеркасске среди обширной площади и представляет «вихря атамана» в развевающейся бурке, с гетманской булавой в одной и с обнаженной саблей в другой руке, как бы устремляющегося с восставшим населением Дона в битвы на врагов России. Вся фигура, отлитая из бронзы, дышит энергией и силой»¹. Пьедестал окружали французские пушки, отбитые платовскими казаками у противника в 1812 году. Однако грозные некогда орудия защитить бронзового атамана не смогли: в советское время памятник был уничтожен, а пьедестал долгие юлы занимал посторонний мужчина с протянутой рукой. Слава легендарного казачьего полководца едва ли от этого пострадала. Памятник ему воссоздан на прежнем месте в 1993 году.

Примечания

- 1 Очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. (Составители Потто В. А и др.) — Тифлис, 1899. — С. 63-64.
2. Георгиевские кавалеры. Сборник в 4-х томах. Т. 1: 1769-1850.— М: Патриот, 1993.—С. 133.
3. *Смирной //*. Жить и подвиг |рафа Матвея Ивановича Платова Ч. 1. —М.. 1821 —С 17.
4. *Тарле Е. В.* Сочинения в 12 том ал. Т. 7. — М.: Изд. АН СССР. 1959. —С. 114.
5. *Смирной И.* Указ. соч. — С. 45-48.
6. *Лорер Н.И.* Записки декабриста. — М.. 1931. — С. 183-185.
- Т. Давыдов Д.* Сочинения. — М.: ГИХЛ, 1962. — С. 542.
8. Там же. С. 225.
9. *Смирной Н.* Указ. соч. — С. 157-159,
10. *Давыдов Д.* Указ. соч. — С. 305-306.
11. Георгиевские кавалеры. Указ. соч.—С. 138.
12. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Т. 5. — М.; Изд. АН СССР, 1954. — С. 660-661.
13. *Давыдов Д.* Указ. соч. — С. 480-481, 496.
14. *Линка В. М., Помарнацкий А. В.* Военная галерея Зимнего дворца. — Л., 1974. — С. 139-140.
- 15- *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 1.—Ставрополь: Кавказский край. 1994. — С. 76.

Глава 3

«ИМ БОГ — СВОБОДА, ИХ ЗАКОН — ВОЙНА...»

В молодые годы декабрист Александр Иванович Якубович несколько лет прослужил офицером на Кавказе и приобрел репутацию отчаянного храбреца. Когда в 1825 году в петербургской «Северной пчеле» под инициалами «А. Я.» была опубликована его статья «Отрывки о Кавказе. Из походных записок», то догадку о полном подлинном имени автора первым высказал Пушкин. Находясь у себя в Михайловском, он обратился в письме к Александру Бестужеву, близкому приятелю Якубовича, прекрасно к тому же осведомленному о столичных литературных делах. «Кстати: кто написал о горцах в «Пчеле»? Вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? — спрашивал поэт. — Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе... Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше».

После декабрьского мятежа Якубович попал в сибирские рудники. Бестужеву удалось вымолить монаршее снисхождение: из якутской ссылки его перевели рядовым на Кавказ. На каторге Якубович с увлечением перечитывал кавказские повести Бестужева (опубликованные под псевдонимом Марлинский) и просил его передать привет своим старым знакомцам. «Якубович благодарит тебя за поклон и приписку, — сообщал из Сибири Бестужеву брат Николай. — велит сказать, что ему снится и видится Кавказ...» Особенно сильным оказалось впечатление от повести «Мулла-Нур», восхищенный Якубович даже составил для Бестужева перечень различных примечательных событий кавказской жизни, известных ему по прежней службе,

полагая, очевидно, что какая-либо из этих драматических историй послужит знаменитому писателю материалом для будущих творений. Среди прочего имеется в письме и такая заметка: «...братоубийство князя Рослам-бека Мисостова; адъютант Потемкина, человек образованный, — злодей, убийца; ступив на родную землю: угрызение совести и раздел крови между убийцами, — вот канва для целого романа»¹. Здесь Якубович проявил тонкое литературное чутье справедливо находя, что этот темный кровавый эпизод недавнего кавказского прошлого перо «беллетриста способно развернуть в увлекательный роман». Он, разумеется, не мог и представить тогда, что произведение на этот сюжет уже написано, правда, не в прозе, а в стихах. Речь идет об одной из ранних кавказских поэм Лермонтова.

*Встреча Измаила с Зарой. Иллюстрация к поэме
М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей». Гравюра
по рис. К. Д. Фастовского*

Поэма или, как сам автор определил ее жанр, восточная повесть «Измаил - Бей» — самое крупное стихотворное произведение Лермонтова, превосходящее по объему «Демона» и «Мцыри» вместе взятых. Главные герои — братья Измаил и Рослаббек, черкесские князья — имеют реальных прототипов, а изображенные события — историческую подоплеку. Что касается картин природы, описания быта горцев, их вооружения, обычаев и тому подобного, тут можно использовать формулу Пушкина по

отношению к его же «Пленнику» — «местные краски верны». Автор предваряет свой рассказ замечанием, что историю борьбы и смерти Измаила ему поведал на Кавказе, где-то в горах ..под камнем Рослаббека», какой-то старик-чеченец («Про старину мне повесть рассказал»). Действие начинает развиваться в районе Пятигорья, куда из России возвращается Измаил. О нем становится известно, что был «отцом в Россию послан Измаил», что «четырнадцать лет оставил он края, где был воспитан и рожден», и еще то, что <«лужил в российском войске Измаил». Путника поражает пустынный вид края, где еще недавно в цветущих мирных аулах жили «черкесы». Причиной происшедшей перемены явилось нашествие опасного врага:

Покинуть прах отцов своих
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицание?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасной.
Неумолимый и ужасной.
Что все громам его подвластно,
Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть — кинжал двойной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степей
Их удалить позор цепей
Несли ним вражеские силы!

Смерть Измаила. Иллюстрация к поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей». Гравюра В. Навера по рис. Медведева

Скрывшись от русских я Аргунском
ущелье, горцы, возглавляемые князем
Росламбеком наносят оттуда мстительные
удар.

Черкес готовил дерзостный набег.
Союзники собирались потаенно.
И умный князь, лукавый Росламбек.
Склонялся перед русскими смиренно.
А между тем с отважною толпой
Станицы разорял во тьме ночной...

Исмаил появляется среди
соплеменников в канун решительного
выступления и став их предводителем,

вызывает зависть Росламбека. В повествование вплетается линия Зары, полюбившей
Измаила. Переодевшись в мужское платье, она под именем юноши Селима, повсюду
сопровождает князя. Однажды ночью у костра Измаила ищет спасения русский
офицер, его бывший соперник в любви к русской девушке; впоследствии в сражении
на Оссаевском поле между ними происходит поединок: выстрелив из пистолета,
офицер дает промах, а Измаил наносит ему смертельный удар шашкой. Война длится
два года, русские теснят горцев:

Горят аулы, нет у них защиты.
Врагом сыны отечества разбиты.
И зарево, как вечный метеор.
Играя в облаках, путает втор...

Прощание Зары с Измаилом. Иллюстрация к поэме М. Ю. Лермонтова «Измаил-Бей». Гравюра по рис. К. Д. Флавицкого

В финале поэмы предательскую
пулю в грудь Измаилу посылает
Росламбек — «Жестокий брат, завистник
вероломный!» Черкесы, пытаясь обмыть
смертельную рану, обнаружили на груди
князя крест и, приняв своего вожака за
отступника мусульманской веры,
осыпают его бранью:

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; растянут их рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?

Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвернулись?
Зачем? — какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятой,

И белый крест на ленте полосатой
Блистали на груди у мертвеца!..
«И кто бы отгадал? — Джаур проклятый!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин верный — Измаилу
Отступнику не выроет могилу!..»

Поэма Лермонтова, разумеется, не хроника исторических событий и его Измаил не во всем похож на своего прототипа. Но выбор поэта здесь не случаен: романтические мотивы его ранних произведений требовали ярких образов и необычных обстоятельств. Незаурядная личность и причудливая судьба реального Измаила, стоявшего в центре многих важных событий на Пятигорье и в Кабарде, как нельзя лучше подходили для этой цели.

Князь Измаил Атажуков (иногда встречается написание Атажукин, в кабардинском звучании — пши Исмель Хатакшоко) происходил из знатного кабардинского рода. Год рождения Измаила неизвестен, предположения же биографов весьма расходятся в определении этой даты: называют и 1750 и 1171 год. В юности он был послан отцом в Россию, хотя последний никакими симпатиями к северным соседям никогда не отличался. Измаил, как полагают, был просто выдан русским в качестве аманата (то есть заложника), что являлось обычной практикой тех лет. Такими же аманатами были, например, и двоюродные братья Измаила — Темирбулат и Росламбек Мисостовы. В России Измаил получил светское и военное образование, служил в Бугском казачьем полку и за отличия при штурме Очакова удостоился чина подполковника. В качестве одного из «депутатов и посланников народов кавказских» состоял в свите Г. А. Потемкина, который лично ходатайствовал о нем перед Екатериной II: «Исмаил бей, из лутчей фамилии кабардинской, подполковник в службе Вашего Императорского Величества, ревностно и храбро служивший под Очаковым и штурме оногo, желает оказать себя противу шведов, и его отправляя, всеподданнейше прошу о награждении его убранныю каменьями медалью»². За храбрость, проявленную при взятии Измаила, князь был награжден орденом святого Георгия 4-й степени.

Когда в 1794 году Атажуков вернулся в Кабарду, там сложилась напряженная обстановка: притеснения со стороны русских военных властей вызывали протесты населения. Управляющий Кавказской областью И. В. Гудович счел за лучшее выслать отсюда в Екатеринославскую губернию Измаила и еще двух офицеров-кабардинцев, в том числе и его родного брата майора Адильгирея Атажукова. Адильгирей бежал из ссылки в Крым и, вернувшись отгула в Кабарду, возглавил борьбу против русских. Измаил же предпочел обратиться с прошением к Павлу I, ответный рескрипт которого ничего в судьбе князя не изменил. И только с воцарением Александра I с Атажукова сняли опалу: он был произведен в полковники и получил разрешение вернуться на родину. Предполагалось и назначение Измаила командиром Кабардинского гвардейского эскадрона. Некоторые сведения об этом сообщает в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто: «Князь Цицианов также писал Александру о пользе содержать в Петербурге лейб-гвардии конный кавказский эскадрон и даже предлагал в командиры его полковника Измаил-бея, отлично знавшего русский язык, но дело не было приведено в исполнение сколько из-за финансовых соображений, столько же, если не более, от неумения внушить кабардинцам доверие к этому новому для них делу»¹.

Измаил предпочел вернуться на родину. Известно, что он несколько раз обращался к властям по поводу кавказских дел. В 1804 году Атажуковым была составлена «Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить

оние», в которой утверждалось, что «...успокоить силою сих горских жителей никогда возможности не будет». Измаил же предлагал путь «добровольного покорения»: Россия должна была сначала привлечь на свою сторону кабардинский народ в качестве благого примера остальным. Одной из первоочередных мер он называл при этом возвращение кабардинцам земель, отрезанных у них с устройством Кавказской линии. Однако командующий на Кавказе генерал П. Д. Цицианов отозвался, что это предложение «превышает меру дерзости», а об авторе его высказался в том смысле, что «Измаил-бей, который, живя столько в С.-Петербурге и имея чин российского полковника, более для нас вреден, нежели полезен, и вообще можно заметить, что кто из кабардинцев побывает в России, а особливо получив какие-либо награждения, возвратится в Кабарду, то много теряет уважения от своих собратий, как и сей Измаил-бей, сколько в Кабарде ни сильна его фа-38 мидия, доселе не мог приобрести себе доверия от своих единоверцев».

Когда осенью того же 1804 года Измаил вернулся на родину, он оказался здесь в сложной ситуации, еще более драматичной, чем герой лермонтовской поэмы. Покинув Кабарду почти двадцать лет назад, теперь он был не только чужой среди своих, но и среди чужих тоже не свой. Он чувствовал опасность со стороны враждебно настроенных к России кабардинских князей, в том числе — своего двоюродного брата Росламбека Мисостова. Известен документ — «Письмо кабардинских эфендий генерал-майору Дельпоцо», в котором мусульманское духовенство требовало выдачи Измаила для разбирательства в шариатском суде. В то же время и местные военные власти не доверяли ему до конца, хотя Атажуков официально был направлен сюда для службы на Кавказской линии. Он был даже подвергнут аресту, а его кош близ Бештау уничтожен. Один из кавказских генералов, пристав при кабардинском народе И. П. Дельпоцо характеризует его в осуждающем смысле: «Владелец полковник Измаил Атажуков служил в армии и был послан вместе с тем в Екатеринослав; после того долго жил в Петербурге; пожалован кавалером ордена святого великомученика Георгия 4-го класса и брильянтовой медалью; говорит и пишет по-русски и по-французски и имеет жалованья 3000 рублей. Получивши столь много милостей, как бы надлежало мыслить о нем? Правда, что он живет в Георгиевске, но в прочем все напротив: он жену свою держит в Кабарде, сына родного, который имеет 10 лет отроду, отдал на воспитание одному своему узденю, молодому и весьма глупому человеку. Когда едет в Кабарду, снимает с себя крест, медаль и темляк: положит в карман».

Черный шелковый темляк с серебряными каймой и кистью был в то время обязательной принадлежностью 39 офицерского холодного оружия. Тем более понятно нежелание Атажукова, находясь среди соплеменников мусульман, носить на груди знак отличия в виде креста. Напомним, что и лермонтовский Измаил прятал свою награду под одеждой. «Белый крест на ленте полосатой», то есть эмалевый орден на черно-оранжевой георгиевской ленте, который черкесы ошибочно принимают за символ принадлежности христианству, на самом деле есть давняя боевая награда Измаила — «Георгий» 4-й степени.

В отличие от героя лермонтовской поэмы Измаил Атажуков никогда не переходил в стан противников России. Напротив, он не оставлял усилий, чтобы убедить своих соотечественников в необходимости прочного союза с северным соседом, исходя при этом вовсе не из абстрактных соображений «дружбы народов» и не из слепой преданности российскому престолу. Атажуков проявил себя как трезвый прагматик, дальновидно оценивая сложившуюся в регионе геополитическую реальность. В речи, произнесенной на народном собрании кабардинцев в мае 1805 года, он призывал их оставить междоусобные распри и «замешательства противу России»:

«Богатство, силы и могущество российского государства невероятны, оно имеет тридцать шесть миллионов жителей и, если государь захочет, почти третья часть оно могут быть воинами. Положение нашего края подле сильного государства должно обратить все наше внимание, дабы сохранить себя и пользоваться нашим имуществом в спокойствии. Поверьте мне, любезные соотечественники, что нам, не потеряв разума, нельзя и думать раздражать сих сильных соседей... Вы сами знаете, что турецкая империя, нам единоверная, в совершенной слабости и готова уступить во всем сильным соседям, христианским державам. Персия, хотя и магометанского закона, но нам противного раскола, вся в раздроблении... Откровенно вам скажу, что сия видимая опасность заставила меня, не окончивши моего ходатайства за народ кабардинский пред престолом всероссийского государя, поспешить к вам и сказать, как самовидцу, что российское правительство теряет терпение, видя народ наш уклонившимся от порядка. Я видел готовые громы упасть на главы наши. Остановитесь, несчастные народы...»⁶.

Дальнейший ход истории подтвердил правоту Измаила. Россия установила свое безраздельное владычество на Кавказе. Иное дело, что, с одной стороны, имперские амбиции военных властей, требовавших от кабардинцев безусловного послушания и подкреплявших эти требования потоками пролитой крови, а с другой стороны и «воинственный разбой», который исповедовала значительная часть горской феодальной знати, вели к тому, что грозное зарево Кавказской войны полыхало еще несколько десятилетий, и в ее бесконечных битвах, в череде прочих русских писателей, принимал участие и сам автор «Измаил-Бей».

Двоюродный брат Измаила — князь Росламбек Мисостов также некоторое время жил в России, где содержался в качестве аманата. Сохранилось письмо командующего кавказскими войсками П. С. Потемкина (от 19 декабря 1782 года) к отцу Росламбека, извещавшее его о положении сына: «В бытность мою в Астрахани видел я вашего сына, находящегося залогом, которого, принимая в крепость св. Георгина, и буду содержать при себе, как собственно своего сына. Между тем препровождаю к вам от него письмо. Ежели вы захотите послать к нему родительское свое благословение, сие послужит много к обрадованию его. Я могу вас удостоверить, что сын ваш в рассуждении остроты и разума обещает много, и что из него может быть весьма полезный человек...»⁷.

Подобно Измаилу Росламбек состоял и среди горских «депутатов» при светлейшем князе Г. А. Потемкине Таврическом и дослужился до чина полковника. Однако дальнейшие его действия показали, что он вполне оправдывает эпитеты, которые сопровождают имя Росламбека лермонтовской поэме: лукавый, злобный, жестокий, вероломный.

Интересный эпизод, вполне характеризующий Росламбека, находим в новооткрытых мемуарах графа А. Х. Бекендорфа. Этот хорошо всем известный николаевский шеф жандармов молодым офицером участвовал в экспедиции генерала Б. М. Спренгтпортена, посланной Александром I для военно-стратегического осмотра России. В 1803 году экспедиция побывала на Кавказе: «Мы направились вдоль пограничной Кавказской линии и остановились в Георгиевске, главном городе Кавказской губернии. Вся эта пограничная линия защищает жителей Кавказских гор... Проехали в Константиногорск, маленькую крепость у подножия пяти гор, именуемых Бештау, примерно в 20 верстах от Георгиевска. Здесь находятся сернистые горячие воды, которые привлекают сюда великое множество самых разных больных. Мы оставили генерала и его супругу согревать их любовь в сере, а сами отправились еще на добрых 30 верст дальше, к минеральным водам, именуемым кислыми водами, которые имеют много сходства с водами Зельцера. Там мы обнаружили общество на

водах, радушно предложившее нам разделить с ними их развлечения. Один полк стрелков и два казачьих полка охраняли здесь источники и защищали их от посягательств черкесов, которые с крайним неудовольствием смотрят на это чужеземное заведение, расположенное в их горах. Здесь я познакомился с одним 42 черкесским князем, именуемым Рослаббек, братом Исмаил-бека, который служил в наших войсках и был в тот момент в Петербурге. Сам Рослаббек имел чин полковника и получал довольно значительную пенсию, но поскольку он уже несколько раз воевал против нас, то большого доверия к его лояльности не было. Тем не менее, я с удовольствием принял его княжеское предложение поехать с ним на добрые 30 верст в горы, увидеть его жилище, его воинов и его сестру, которая слыла красавицей. Надо сказать, здесь почти невозможно увидеть ни одну черкешенку, а их красота столь славится, что я пренебрег предостережениями, которые мне делали, об опасности, подстерегающей русских в горах, к тому же еще несколько молодых людей присоединились к нам. Мы ехали несколько часов по горам мимо живописных селений и, наконец, прибыли в селение нашего князя. Он дал в нашу честь очень хороший обед на манер своей страны, показал нам своих лошадей, свое оружие и только мельком — свою сестру, у которой мы, правда, смогли рассмотреть фигуру, которая была великолепна, как у всех черкешенок — их элегантное одеяние...

... коней, и по сигналу — стрелы, которую Рослаббек самолично пустил из своего лука на невероятную высоту, более 400 черкесов в кольчугах и шлемах, вооруженных различным оружием прискакали к нам во весь опор. Это была кавалерия наивысшего уровня, самая искусная и наилучшим образом вооруженная из всех, какие только могут быть. Наблюдая с самодовольным видом, как мы любовались его войском, князь заметил нам, как бы, между прочим, что у нас всего один конвой казаков. После того, как нам показали их манеру ведения боя и как точно они стреляют по цели во время скачки во весь опор из ружья, из пистолета и из лука, он так же церемониально препроводил нас в наш лагерь, где все уже отчаялись вновь увидеть нас живыми и дружно укоряли нас за такое легкомыслие. Между прочим, этот самый Рослаббек два года спустя разбил две роты наших стрелков, лишил двух пушек и объявил себя навсегда самым непримиримым врагом России»¹.

Рослаббек, если и не стремился в данной ситуации захватить опрометчиво отдавшихся его власти русских офицеров, то, во всяком случае, имел полную возможность это сделать. И, судя по его словам о немногочисленном казачьем конвое, сопровождавшем наших искателей приключений, испытывал все же некоторые колебания. Прежде чем окончательно перейти свой черкесский Рубикон, который в пределах реального кавказского ландшафта служила пограничная Кубань. Имеется и продолжение этой истории. Несколько страниц измене Рослаббека посвятил в первом томе «Кавказской войны» В. А. Потто, где речь идет о весенней экспедиции 1804 года генерала Г. И. Глазенапа: «С самого начала похода в русском отряде был виден кабардинский князь Рослаббек Мисостов, считавшийся полковником в лейб-гвардии казачьем полку и принадлежавший к одной из лучших кабардинских фамилий. Вдруг, к общему изумлению, он скрылся из лагеря. Оказалось, что Рослаббек бежал за Кубань вместе с подвластными ему аулами, и что мотивом к тому послужила канла — кровомщение за смерть родного племянника, убитого в одном из кабардинских набегов на Линию». За Рослаббеком отрядили в погоню егерский полк. У Каменного моста в верховьях Кубани произошло кровопролитное сражение. Егеря вынуждены были отступить и на переправе потеряли в реке артиллерийское орудие. Рослаббек неожиданно вступил в переговоры, изъявляя желание примириться и вновь служить русскому царю. Он обещал даже поднять из воды затонувшее орудие. На деле же все обернулось новой изменой и нападением из засады с большими потерями для РУССКИХ.

«Рослаббек. — заканчивает Потто, — остался в горах и с тех пор сделался одним из самых отчаянных и бешеных абреков»⁹.

Но опасная острота отношений Измаила и Рослаббека определялась не только их различным расположением к России. Современный биограф Измаила приводит сведения о документе — рапорте генерала П. А. Текелли генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину-Таврическому от 14 апреля 1788 года, в котором сообщалось «о серьезных разногласиях в роде Атажукиных по поводу раздела крепостных, что чуть было не привело к убийству детей Мисоста Боматовича Атажукина, а именно Атажуки Мисостовича и лермонтовского Рослаббека Мисостовича»¹⁰.

Давняя распря двух ветвей одного рода завершилась в конце концов кровавой развязкой. Вероятно, именно этот «раздел крови» имел в виду Якубович, когда писал Бестужеву из Сибири на Кавказ. Впрочем, беглое и довольно невнятное изложение этой истории Якубовичем и позволяет толковать его заметку однозначно, неясной остается даже ключевая фраза — «братоубийство князя Рослаббека Мисостова»: трудно понять, был ли убит Рослаббек братом или же сам совершил подлое братоубийство, как об этом повествует Лермонтов в поэме. Лермонтовская версия (Рослаббек — убийца Измаила) долгое время сомнений не вызывала. Так, известный советский лермонтовед С. А. Андреев-Кривич, не имея никаких документальных ее подтверждений, высказал тем не менее осторожное предположение о том, что «Лермонтов был окружен людьми, которые могли настолько хорошо знать обстоятельства жизни и деятельности Измаил-Бея, что они, эти люди, могли сообщить такие факты, которые не получили широкой огласки»¹¹.

Лермонтов, разумеется, знал о своем герое несколько больше того, что мог рассказать ему безвестный «старик чеченец». Со временем нашлись и факты, не получившие «широкой огласки», но совершенно противоположные догадкам Андреева-Кривича. Сегодня, основываясь на документальных данных, можно судить уже о том, насколько далеко от реальности увела поэта его фантазия. Глубокий знаток истории и этнографии Кавказа М. О. Косвен разыскал важное свидетельство, проливающее свет на обстоятельства гибели Рослаббека. Это записка 1837 года полковника П. П. Чайковского, служившего в 1830-1840 годах на Кавказе, а некоторое время и в Пятигорске, то есть вблизи всех происходивших событий: «Славный кабардинец Арсланбек Мисостов, полковник нашей службы, с европейским образованием, осыпанный щедротами императора Александра благословенного и ласками кавказского начальства. Он ушел за Кубань, привел в сильное движение горцев и наносил ужас на русских своими удалыми набегами. Он застрелен своим родственником чрез подкуп от нас»¹².

Более того, в книге Р. У. Туганова «Измаил-Бей» приводится еще один документ, датируемый декабрем 1813 года и не оставляющий уже никаких сомнений в насильственной смерти Рослаббека: «Его убили в январе месяце 1812 года по приказу его родственника Измаила Бея и его присутствии в самое то время, когда он был приглашен им на дружескую пирушку; сам Измаил вскоре после того умер в Георгиевске; они оба имели титул полковников в Российской службе»¹³.

После смерти Измаила его боевая награда, «Георгий» 4-й степени, была возвращена в капитул ордена. Как видим, Лермонтов довольно свободно обращался с «историческим материалом», имея в виду свои особые художественные цели. Защитником отечества от сильного и опасного врага он хотел видеть отважную и гордую натуру, не запятнавшую себя низким коварством. Об этом, собственно, и говорит лермонтовский Измаил Рослаббеку перед лицом соплеменников:

«Я не разбойник потаенный;

Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу.
И даже более, чем ты.
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране.
Иную славу надо мне!»

Следовал ли неотступно Лермонтов тем сведениям, которые у него имелись, или смело вносил изменения в реальную судьбу Измаила — в любом случае он смог добиться в своем творении высокого художественного эффекта. Вспомним запись Льва Толстого в дневнике, сделанную под впечатлением лермонтовской поэмы: Я нашел начало Измаил-Бея весьма хорошим. Может быть, это показалось более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью». И хотя Лермонтов не предназначал поэму для печати, многие ее строфы поражают выразительностью и силой:

И дики тех ущелий племена,
Им бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступленье,
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь.
И ненависть безмерна, как любовь.

Именно эти лермонтовские строки однажды с большим чувством процитировал в телеинтервью ныне покойный президент Ичкерии Джохар Дудаев. Покойный ли? Темны преданья их...

Примечания

1. Аюдовский М К. О литературной деятельности А. И. Яковича. Т. 60. Кн. 1. // Литературное наследство. — М., 193 — С. 278.
2. Косвен М. О Этнография и история Кавказа. — М : И датаеъство восточной литературы. 1961. — С. 131.
3. Потто В Л Калкакхая война. Т. 1. —Ставрополь: Ка каэский край. 1994. — С. 652.
4. ТугинхГ У Измаил-Бей. — Нальчик: Эльбрус, 197 — С 71.
5. Косвен МО Указ. соч. —С137. 6 Там же. С 140-141.
7. Тугамов Р У Указ. соч. —С. 141.
8. Бенкендорф А Х. Мое путешествие в земли полуденно волшебные края // Наше наследие. — 2004. — №72. — С. 100
9. Потто В. А. Указ. соч. — С. 616-617.

10. *Туганов Р. У* Указ. соч. — С. 11.
11. *Андреев-Кривич С. А.* Кабардино-черкесский фольклор творчестве Лермонтова. — Нальчик, 1949. — С- 44.
12. *Косвен М О* Указ. соч. — С. 146.
13. *Туманов Р У* Указ. соч. — С. 159.

Глава 4

„ВАША СЛАВА ПРИНАДЛЕЖИТ РОССИИ»

А. И. Ермолов. Гравюра по картине Дж. Дю

В ходе Кавказской войны XIX века ничье имя не прозвучало так громко и не вспоминается сегодня так часто, как имя генерала Ермолова. Чеченские события последних лет невольно выдвинули из исторического небытия циклопическую фигуру этого главного нашего покорителя Кавказа. Человек громадного роста и невероятной силы, Алексей Петрович Ермолов мог одним ударом сабли отрубить голову буйволу. Свой первый Георгиевский крест он получил по представлению самого Суворова. Во время Бородинского сражения он отбил у французов батарею Раевского и тем спас всю армию. Преданность, которую он внушал, была беспредельна. Лучшие

русские поэты посвящали ему стихи.

Упомянув имя Ермолова в эпилоге «Кавказского пленника», Пушкин еще много лет держал его в центре своего творческого внимания. Ермолова часто упрекают в чрезмерной жестокости к горцам. Но о жестокости пусть помнят его враги. Мы же постараемся не забыть того, что этот человек сделал для России.

«Кавказ — это огромная крепость...»

Вопреки устоявшемуся мнению впервые на Кавказ Ермолов попал задолго до основных событий горской войны — еще в царствование Екатерины II, едва начав свою боевую карьеру. «Двадцать лет назад, — вспоминал он впоследствии, — проезжал я Кавказскую линию, будучи капитаном артиллерии, в молодых весьма летах и служа под начальством генерал-аншефа графа Зубова, который с корпусом войск действовал против персиян в 1796-м году»¹. 35-тысячный Каспийский корпус был тогда сформирован для противодействия иранскому шаху Ага-Мохаммед-хану, разорившему и залившему потоками крови Тифлис.

10 мая 1796 года граф Валериан Зубов взял Дербент, издавна считавшийся воротами в Персию. За штурм города Ермолов получил Владимирский крест и повышение в чине. Много лет спустя, побывав здесь уже как полновластный правитель

края, Ермолов невольно вернулся памятью к событиям своей боевой юности. «В Дербенте, — пишет он, — с удовольствием взглянул я на развалины одной башни, где 24 года тому назад устроена была брешь-батарея, которою командовал я, будучи артиллерии капитаном. В положении моем не мог я быть равнодушным к воспоминанию, и если бы не хотел признаться, никто не поверит, чтобы не льстило оно честолюбию»². Впоследствии и писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марли некий в одной из своих повестей описал даже холм, откуда ермоловская батарея громила мощные дербентские стены. Кто знает, может быть уже тогда Ермолов пришел к мысли, которая легла в основу его кавказской стратегии. «Кавказ. — говорил он, — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду...»

В короткий срок войсками Зубова был занят прибрежный Дагестан от устья Терека до устья Куры и покорены все ханства восточного Закавказья. Не встречая сопротивления, русские кавалерийские отряды перешли Куру и вступили в Муганскую степь. Дорога на Тегеран была открыта. Трудно сказать, чем могла завершиться эта грандиозная экспедиция, столь доблестно начатая на берегах Каспия: смерть престарелой императрицы круто изменила положение дел. Восшедший на престол Павел, враждебно настроенный ко всем начинаниям Екатерины, отдал войскам приказ немедленно вернуться в прежние границы, на Кавказскую линию, и возвратил Персии все завоеванные провинции.

Обратный путь Каспийского корпуса представлял собой печальную картину и походил более на беспорядочное отступление проигравших сражение войск. По словам Ермолова, полки, «предоставленные судьбе, не снабженные ни теплою одеждою, ни продовольствием, ни фуражом, шли среди суровой снежной зимы, сопровождаемой в горах и обширных кумыкских равнинах страшными вьюгами, — шли поодиночке, каждый сам себе, и в результате бедственный поход стоил стольких человеческих жертв и такого материального ущерба, каких нельзя было ожидать при самой неудачной кампании»¹.

Воспоминания кавказского похода еще долго тревожили Ермолова. В 1812 году (до вторжения Наполеона в Россию) он писал военному министру о необходимости для себя лечения кавказскими минеральными водами и просил определить его на Линию бригадным командиром, позднее, уже в 1816 году, вернувшись из побежденной Франции, Ермолов вновь имел намерение отправиться к Минеральным водам на Кавказ», но был вызван императором Александром в Петербург.

«Из частных известий знал уже, — вспоминает полководец, — что я назначаюсь начальником в Грузию. Исчезла мысль о спокойной жизни, ибо всегда желал я чрезвычайно сего назначения, и тогда даже, как по чину не мог иметь на то права.

По приезде в Петербург, государь, постоянно мне благоволящий, объяснил мне, что он не решился бы определить меня в Грузию, если бы не были свидетельствующие, что я того желаю, ибо сам он не мог думать, чтобы незнание сие могло согласоваться с моим намерением. Объяснением сим государь истолковал мне, какого он Грузии мнения. Сего достаточно было, чтобы на месте тем утешить многих, но я решился поверить себя моему счастью»⁴.

*А. П. Ермолов.
Литография по рис. Митрейттера. 1846 г.*

Начав службу при Екатерине, во времена эксцентричного Павла Ермолов угодил в Петропавловскую крепость ссылку. При Александре он выдержал долгую конфронтацию с всесильным Аракчеевым, кончившуюся, однако, тем, что последний рекомендовал императору молодого талантливому генерала на пост военного министра. «Армия наша, — внушал царю Аракчеев, — изнуренная продолжительными войнами, нуждается в хорошем военном министре: я могу указать вашему величеству на двух генералов, кои могли бы в особенности занять это место с большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначению первого, имеющего большие связи и богатства, всегда полезного и приятного в обществе, и не лишенного деятельности и тонкого ума, возрадовались бы все; но ваше величество вскоре усмотрели бы в нем

недостаток энергии и бережливости, какие нам в настоящее время необходимы. Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно, потому что он начнет с того, что перегрызется со всеми; но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость его бы вполне впоследствии оправдали»¹.

По окончании войны с Наполеоном предполагалось, что Ермолов будет командовать русским оккупационным корпусом, оставленным во Франции, но этот пост занял И. С. Воронцов. Наконец в 1816 году состоялось назначение Ермолова на Кавказ. В то время, то есть в тридцать девять лет, он имел чин генерал-лейтенанта, был награжден орденами святого Георгия и святого Владимира и получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». Своим указом Александр I назначил его командиром Отдельного Грузинского (с 1820 года—Кавказского) корпуса и управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. Другими словами, Ермолов имел здесь всю полноту военной и гражданской власти и, хотя формально титула наместника не носил, получил неофициальное, но грозное наименование «проконсула Кавказа» (чем обязан, кстати сказать, великому князю Константину).

Ермолов провел череду глубоких преобразований. Прежде всего, позаботился о войсках: облегчил амуницию, но прибавил провианта и денег, убрал гарнизоны из гиблых мест. Много строил дорог и казенных зданий, наладил почту. Установил дипломатические отношения с Персией и продвинул на юг российские границы. При нем в Тифлисе начала выходить первая газета на грузинском языке. Его железную руку почувствовали горцы: это именно он, «сардар Ермулла», первым стал рубить просеки в непроходимых лесах и сжимать их удавкой кордонных линий и крепостей.

За девять лет грозный проконсул многое сумел изменить на Кавказе, но многое изменилось и в остальном мире. Вошедший на престол Николай Ермолову не доверял и постарался лишить его реальной силы: с началом Персидской войны на Кавказ был послан И. Ф. Паскевич, а потом и начальник Главного штаба И. И. Дибич. Ермолов, напрасно обвиняемый то в том, что затеял войну, то в том, что, напротив, оказался к

ней не готовым, подал в отставку. Сменивший его Паскевич, пожинал за хребтом Кавказа плоды своих блестящих побед, но справедливо и то, что заботливо взрастил эти плоды совсем другой человек, «испытанный трудами бури боевой», но обреченный отныне на десятилетия «нетерпеливого бездействия».

В разговоре с Пушкиным о победах Паскевича Ермолов заметил, что они одержаны слишком дорогой ценой. «Можно было бы сберечь людей и издержки», — сказал он. Может быть, именно из-за этого постоянного стремления «сберечь людей» Ермолова, предельно скупого на похвалы и награды, так любили в кавказских войсках. Паскевич, имевший все высшие награды империи, в том числе и четырех «Георгиев», такой любви никогда удостоен не был. Стратегия же горной войны, к которой русское командование после очень долгих неудач и чудовищных потерь вынуждено было прибегнуть на Кавказе, была предложена именно Ермоловым, о чем потом в своем «Хаджи-Мурате» напомнил Лев Толстой: «План медленного движения в область неприятеля посредством вырубки лесов и истребления продовольствия был план Ермолова и Вельяминова».

«Смирись, Кавказ: идет Ермолов!»

Под пушкинским пером Кавказ из геополитической абстракции быстро превращался в обетованную землю русской поэзии — «ужасный край чудес», пугающий и прекрасный одновременно. Первый биограф поэта П. И. Бартенев передавал со слов Марии Раевской, что жизнь на Кавказе — «вольная, заманчивая и совсем не похожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под открытым южным небом и кругом причудливые картины 55 гор, новые, невиданные племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горских черкесов, а в нескольких часах пути упорная, жестокая война с громким именем Ермолова, — все это должно было чрезвычайно, как нравиться молодому Пушкину»⁶.

Ермолов надолго попал в круг творческого внимания поэта. Сообщая в письме к брату Льву о своей жизни на юге, он упомянул и прославленного генерала. И хотя в этих строках не обнаруживается еще поэтических намерений, но контекст, окружающий имя «проконсула», весьма многозначителен: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею" Пылкое воображение влечет поэта гораздо дальше «знойной границы Азии», и если здесь еще не говорится прямо, что успехи «в будущих войнах» для него связаны прежде всего с Ермоловым, то очень скоро в эпилоге «Кавказского пленника» Пушкин именно ему предречет роль покорителя Кавказа:

Но сс — Восток подьмет вой!..
Поникни снежною главой.
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно...
Предсказание поэта не оправдалось.

Когда в 1829 году он предпринял новую поездку на юг, то Ермолов был уже 16 лет у дел, в опале, а Кавказ все еще оставался неусмирённым. Здесь начинало разгораться жаркое пламя газавата. Но писать о Кавказе и обойтись без Ермолова было невозможно. «Кончилась ли у вас война? — спрашивал Пушкин в письме к брату, служившему тогда в Тифлисе. — Видел ли ты Ермолова и каково вам после него?» Поэт проделал двести лишних верст пути и заехал в Орел, чтобы познакомиться с пребывающим в отставке генералом (о чем рассказал на первых же страницах «Путешествия в Арзрум»). Описывая встречу, Пушкин даже в деталях постарался подчеркнуть по-прежнему важную для него неразрывность двух тем — «Кавказ» и «Ермолов»: «Он был в зеленом черкесском чекмене.

Самый известный портрет Ермолова был выполнен английским художником Джорджем Доу для Военной галереи Зимнего дворца. Именно об этом портрете вспоминал Пушкин, рассказывая о личной встрече с пребывающим в отставке проконсулом Кавказа: «С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом». Вариант этого портрета, где герой изображен на фоне Кавказских гор, на его плечи накинута черкесская бурка, а левая рука опирается на восточную саблю, был весьма популярен благодаря гравюре, сделанной с него Теодором Райтом. Об этом портрете пишет и Лермонтов в очерке «Кавказец»: «Бурка», прославленная Пушкиным Марлинским и портретом Ермолова...»

Вполне вероятно, что Пушкин видел в Ермолове героя своих будущих произведений. Удовлетворив свои исторические интересы в созданных образах Петра и Пугачева, он искал возможности запечатлеть и современную ему личность исторического масштаба. В том, что поэт именно так подходил к оценке Ермолова, сомневаться не приходится: в его письмах дважды встречается весьма характерное в этом отношении (хотя и косвенное) сопоставление Ермолова с Наполеоном. Сохранилось черновое письмо Пушкина за апрель 1833 года, в котором он высказывает намерение быть историком генерала: «Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло, наконец, описание Ваших закавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает все — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке... Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные записки о своих войнах, то я прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если же Ваше равнодушие не опустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас позволить мне быть Вашим историком..."

Здесь Пушкин имеет в виду итальянский поход Наполеона 1796 г. На Востоке, как мы знаем, в это время русские войска, в составе которых находился и Ермолов, брали штурмом Дербент. Это сопоставление не покажется случайным, если мы вспомним, что и в письме к брату Льву от 24 сентября 1820 года, оценивая роль Ермолова, Пушкин, через несколько строк замечает, что покоренный Кавказ «не будет вам преградою в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона и рассуждении завоевания Индии». Позднее, пережив какое-то разочарование, Пушкин отказался от своих намерений и в дневниковой записи назвал Ермолова «великим шарлатаном», как полагают, из-за склонности последнего к политическим интригам.

Близкий друг Пушкина Петр Вяземский ставил в вину поэту то, что, упомянув в эпилоге «Кавказского пленника» имена Котляровского и Ермолова, тот «окровавил последние стихи своей повести». Взгляд Вяземского на кавказские события резко

отличался от восторженных, панегирических строк пушкинского эпилога. «Что за герой Котляровский, Ермолов? — риторически вопрошал он в одном из писем. — Что тут хорошего, что он, как черная зараза губил, уничтожил племена? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если мы просвещали бы племена, то было бы что воспеть. Поэзия — не союзница палачей: политике они могут быть нужны, — и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни. Мне досадно на Пушкина: такой восторг — настоящий анахронизм»⁷.

Поздняя критика пыталась сгладить этот упрек: воспевая покорителей Кавказа, Пушкин якобы лукавил, и «эпилог «Кавказского пленника» был написан с дипломатическим расчетом — подействовать на власти и подготовить возможность возвращения из ссылки»⁸. Но едва ли Пушкин заслуживает подобных упреков, едва ли нуждается и в оправданиях. Истекшее время показало, что его «Кавказский пленник» — это гениально начертанный пролог к трудной и горькой теме, продолжением которой явились «Валерик» Лермонтова и кавказские рассказы Льва Толстого.

«Один из самых умнейших и благонамереннейших людей в России»

«Поэты суть гордость нации», — так говорил сам Ермолов, и поэты, по-видимому, платили ему взаимностью. В большом стихотворении «Певец во стане русских воинов», посвященным героям 1812 года, Жуковский назвал его «витязем юным», причем вполне справедливо, так как 35-летний Ермолов был тогда заметно моложе остальных наших полководцев.

Этим же поэтическим выражением — «витязь юный» — воспользовался потом и Рылеев, а в оде на день тезоименитства великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II) он вновь упомянул Ермолова — уже как победоносного покорителя Кавказа.

Проникнут силою рассказа.

Он за Ермоловым вослед.

Летит на снежный верх Кавказа

После грозного пушкинского императива

(«Смирись, Кавказ: идет Ермолов!»)

Трудно было найти более впечатляющую поэтическую формулу, и Полежаев в поэме «Чир-Юрт» во многом повторяет его интонацию и лексику:

Ермолов, грозный великан

И трепет буйного Кавказа!

Ты, как мертвящий ураган.

Как азиатская зараза,

В скалах злодеев пролетал;

В твоём владычестве суровом.

Ты скиптром мощным и свинцовым

Главы Эльбруса подавлял!

Грибоедов несколько лет служил на Кавказе секретарем «по дипломатической части» при Ермолове и считал его «одним из самых умнейших и благонамереннейших людей в России». Получив в крепости Грозной приказ об аресте Грибоедова по делу от 14 декабря, Ермолов предупредил об этом поэта, и тот успел сжечь все опасные бумаги. В письме к Кюхельбекеру в ноябре 1825 года он дал своему патрону

восторженную характеристику («...патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова»), но здесь же, впрочем, проницательно и заметил: «Это не помешает мне когда-нибудь с ним рассориться...» Слова Грибоедова вполне оправдались, не более чем через год в письме к Бегичеву он сообщал: «С А. П. у меня род прохлаждения прежней дружбы...» И, словно оправдываясь, строчкой ниже поставил свой, можно сказать, хронологический диагноз: «Старик наш человек прошедшего века». Ермолов же, в свою очередь, знаменитую комедию находил скучной (Пушкину сказал, что от стихов Грибоедова «скулы болят») и до конца дней хранил к ее автору неприязненное отношение. Мемуарист передает эпизод, когда негативная оценка Грибоедова, высказанная Ермоловым публично, тут же нашла столь же публичный отпор. При громадном авторитете Ермолова в московском обществе тех лет эту дерзость полагалось бы считать невероятной, если бы не личность его неожиданного оппонента. «Чаадаев пересказывал, — вспоминает современник, — будто Ермолов во дни своего величия, во дни командования на Кавказе и сношений с персидским правительством, был почему-то Грибоедовым недоволен, а потом позволил себе, уже после его умерщвления, клеветать на его нравственный характер. Будто бы в Москве, в разговоре, в довольно многолюдном обществе, он сказал, что "Грибоедов был человек черный", и тут же был Чаадаевым остановлен словами: "Кто же этому поверит, Алексей Петрович?"»

Если это правда, кто помнит личность Ермолова, конечно, ни на минуту не усомнится, что такого противоречия Ермолов Чаадаеву никогда не простил.. »9.

Сколь скупыми, столь же сильными чертами психологический портрет Ермолова нарисовал в «Былом и думах» А. И. Герцен; «Его насупленный, четвероугольный лоб, шалаш седых волос и взгляд, пронизывающий даль, придавали красоте вождя, состарившегося в битвах...»

«Как при Ермолове ходили в Чечню, в Аварию, к горам...»

Лермонтов всегда питал к «проконсулу Кавказа» почтительное уважение. Вспомним, как приосанился его Максим Максимыч, упомянув о своей службе «при Алексее Петровиче». В то время когда Лермонтов писал «Героя», Ермолов давно пребывал в опале, и появление его имени на первых же страницах романа могло прозвучать вызывающе. О прославленном полководце Лермонтов ностальгически вспомнил и в самом большом своем батальном стихотворении «Валерик»:

Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;

А. П. Ермолов. Литография В. Тима.
Русский художественный листок № 14

Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били.

Одна из самых внушительных фигур в нашей истории XIX века, Ермолов, был бы достоин лучших страниц в нашей великой литературе, но судьба и тут отвернулась от него: самый грандиозный замысел, связанный с его именем, — трилогия Лермонтова «из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в

Тегеране»¹⁰ — этот замысел остался неосуществленным.

Получив в начале 1841 года отпуск, поэт по дороге с Кавказа завез Ермолову частное письмо от его бывшего адъютанта П. Х. Граббе (в то время командовавшего войсками Кавказской линии). Вскоре по личным впечатлениям Лермонтов создает образ генерала — покорителя Кавказа в стихотворении «Спор»:

И испытанный трудами Бури боевой.
Их ведет, грозя очами, Генерал седой...

«Спор» — стихотворение странное. Лермонтов видит происходящее с какой-то очень высокой точки, не сопоставимой даже с физической высотой спорящих Казбека и «Эльбруса», буквально космической, охватывая взглядом чуть не полмира от Урала до Нила. Странность же его в том, что после пронзительных, щемящих, облитых кровью строк «Валерика» здесь тону Лермонтова совсем другой: он если и не приветствует неотвратимого, «страшно-медленного», завораживающего движения неисчислимых русских полков на Кавказ, то, во всяком случае, не имеет сомнения ни относительно моральной оправданности этого нашествия, ни относительно его победоносного исхода. Ермолов здесь узнаваем, хотя и не назван по имени, но Ермолов или кто-то другой — разве у русских мало боевых генералов?

С чувством горького сожаления Ермолов отозвался на известие о гибели Лермонтова: «Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься!» И еще выразился в том смысле, что будь это в его времена, то он нашел бы случай спровадить Мартынова на верную смерть. 64

«Был всегда только интриган и никогда не был патриотом»

Несколько месяцев в тифлисской канцелярии Ермолова прослужил Вильгельм Кюхельбекер. Он посвятил оду «своему герою» и до конца дней причислял себя к «ермоловцам». Рылеев в стихотворении «А. П. Ермолову» призывал его «спасать сынов Эллады», то есть во главе войск спешить на помощь грекам, поднявшим восстание против владычества турок.

Среди декабристов Ермолов пользовался огромной популярностью. Его считали либералом и связывали с ним определенные надежды — совершенно неоправданные, о чем впоследствии с горечью писал декабрист Н. Р. Цебриков: «Ермолов мог предупредить арестование стольких лиц и казнь пяти мучеников; МОГ бы дать России конституцию, взяв с Кавказа дивизию пехоты, две батареи артиллерии и две тысячи казаков, пойдя прямо на Петербург... Помещики-дворяне не смогли бы пикнуть и все до одного присоединились бы к грозной армии, ведомой любимым полководцем. Это было бы торжественное шествие здравого ума, добра и будущего благополучия России... Но Ермолов, имея настольною книгою Тацита и комментарии на Цесаря, ничего в них не вычитал, был всегда только интриган и никогда не был патриотом»¹².

Декабрист Александр Бестужев, переведенный из Сибири рядовым в кавказские войска, Ермолова здесь уже не застал, но представлял его себе, как и все старые кавказцы, в немеркнущем ореоле, считая, что его «слава ярче Искендеровой и шах-Надировой за Кавказом». В повести «Аммалат-Бек» Бестужев нарисовал впечатляющую сцену, о которой, вероятно, слышал от очевидцев, — Ермолов, подобно былинному герою, одним ударом сабли отсекает голову буйволу: «Алексей Петрович, как ни был уверен в своей силе, но, подобно Улиссу в «Одиссее», намазывающему

еем лук свой, которого никто не мог натянуть, сперва попытал лезвие, раза три махнул саблей в воздухе и потом уже приступил к делу. Закладчики не успели ударить по рукам, как голова буйвола вонзилась рогами в землю. Удар был так быстр и верен, что туловище несколько минут стояло на ногах и потом тихо, тихо рухнуло. Крик изумления вырвался у всех».

В этой же повести Бестужев вложил в уста Ермолову слова, объясняющие его кавказскую доктрину: «Я умышленно создал себе такую славу, нарочно облек себя ужасом. Хочу и должен, чтобы имя мое стерегло страхом границы наши крепче цепей и крепостей, чтобы слово мое было для азиатцев верней, неизбежной смерти... Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены..."

«Я боюсь, чтобы Ермолова навсегда не зарыли в Грузии»

Денис Давыдов был двоюродным братом Ермолова и всегда относился к нему с благоговейным почтением. Знаменитый поэт и партизан 1812 года называл себя живым лексиконом людей и происшествий от Аустерлица до последней Персидской войны. Ермолова он считал одним из замечательнейших деятелей великой наполеоновской эпохи. «Я боюсь, чтобы Ермолова навсегда не зарыли в Грузии», — писал Давыдов, находя, что тот достоин самых высших степеней, в том числе и поста главнокомандующего русской армией. В его военных записках имя Ермолова встречается едва ли не на каждой странице, а «Воспоминания о сражении при Прейсиш-Эйлау» он особой надписью посвятил своему любимому брату и герою. Считают, что именно с этой битвы с французами в 1807 году началась известность Ермолова в военном деле. Мы выбрали несколько наиболее значительных отрывков из воспоминаний «проконсула Кавказа»:

«Полковник Алексей Петрович Ермолов, оказавший своему отечеству знаменитые заслуги в эпоху наполеоновских войн, высоко чтимый российской армией и в особенности на Кавказе, был очень молод при вступлении своем на служебное поприще. Обнаружив с самого юного возраста замечательные способности, он приобрел впоследствии все качества отличного воина. Он представляет редкое сочетание высокого мужества и энергии с большою проницательностью, неутомимую деятельность и непоколебимым бескорыстием; замечательный дар слова, гигантская память и невероятное упрямство составляют также отличительные его свойства. Будучи одарен необыкновенною физическою силою и крепким здоровьем, при замечательном росте, Ермолов имеет голову, которая, будучи украшена седыми в беспорядке лежащими волосами и вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминает голову льва...

Не получая почти ничего от отца своего, особенно со времени производства своего в полковники, и вынужденный довольствоваться весьма немногим, он привык вести жизнь весьма умеренную и неприхотливую...

«Взор мой не может не остановиться на этой светлой личности, нередко и довольно грубо заблуждавшейся и не лишенной, без сомнения, больших недостатков и слабостей, но вполне искупившей все это теплотою души и замечательною любовью к общественному благу...

Возбудив... против себя многих генералов, в числе коих находилось немало бездарных, корыстолюбивых и алчущих власти лиц, он приобрел тем весьма сильных врагов, которые, распространяя о нем самые неблагоприятные слухи, могли значительно повредить ему. если не в понятиях прозорливого правительства, то в общественном мнении. Вообще, если достоинства человека измеряются числом его врагов, никто более Ермолова не имел столь большого количества ожесточенных

недоброжелателей в старших и равных себе, но безгранично преданных почитателей в своих подчиненных...

Ермолов был человек такой, какой был необходим для Кавказа. Смирная железною рукою диких хищников, он мудрою справедливостью привлекал различные народы к признанию над собою власти нашего государя. Его продолжительному и славному управлению обязан был Кавказ своим устройством, спокойствием и безопасностью; не взирая на большие расходы, не проходило года, чтобы Ермолов не представлял один или два миллиона экономии. Тифлисский госпиталь и комиссариатские здания были им построены на счет сумм, оставшихся после его посольства в Персию, и которые он имел право оставить у себя. Грозный для врагов и послушников своих велений, Алексей Петрович, будучи постоянно весьма приветлив относительно своих подчиненных, позволял себе во время похода короткое с ними обращение; но кажущаяся фамильярность этого энергического человека не была в состоянии поколебать дисциплины, столь необходимой в военном сословии. Он этим путем ознакомился со всеми почти офицерами своего корпуса, и когда до его сведения доходило, что полезный офицер намеревался оставить службу, он не почитал для себя унижением или слабостью письменно просить его отказаться от того. Мы большею частью видим, что начальники, щедро рассыпающие вокруг себя награды, **68** более любимы своими подчиненными. Алексей Петрович приобрел всеобщую любовь совершенно иным путем; он награждал офицеров лишь после нескольких отличий, а потому всякая награда, полученная по его ходатайству, ценилась весьма высоко. Жестокое, по-видимому, обращение его с туземцами было лишь следствием необходимости и глубокого понимания духа и характера народа, с которым ему приходилось иметь дело...

Оставя Кавказ вскоре после изгнания персиян из наших пределов, он мог решаться мыслью, что ему была Россия обязана сохранением края, стоившего ей уже много крови и усилий. Таково было поприще одного из замечательнейших деятелей великой наполеоновской эпохи; хотя судьба не позволила ему, совершив ряд кампаний, одержать самому большие победы; но решительность и проницательность, выказанные им в самые критические минуты великих войн, и коим наша армия была не один раз обязана своим спасением, примерная и столь же редко встречающаяся бережливость относительно казенных денег и людей, умение увлекать за собою тысячи людей одними высокими качествами ума и сердца и побуждать их к благотворной деятельности, справедливо стяжали ему завидную славу и искреннее уважение современников. Ни один начальник не внушал, подобно А. П. Ермолову, своим подчиненным такого глубокого уважения, безграничной преданности и боязни ослушаться его приказаний»¹².

Ермолов дважды делал представление Александру I о назначении Давыдова командующим на Кавказскую линию. И дважды получал отказ: при дворе Давыдову не могли простить устойчивой репутации вольнодумца и фрондера. Из-за этого вспыльчивый поэт-гусар вышел в отставку и вернулся в армию лишь с воцарением Николая. Он храбро дрался с персами, но после удаления Ермолова Давыдов отпросился в отпуск «к кавказским целительным водам», а затем и совсем покинул Кавказ.

«Меня обвиняют, — горько жаловался он в одном из писем, — в преданности Алексею Петровичу, который в течение всей своей службы успел внушить к себе во всех своих подчиненных неимоверную любовь и уважение»¹³. В своем последнем письме к «почтенному брату» Давыдов просил содействия Ермолова в деле, о котором долго хлопотал — перенесении праха Багратиона на Бородинское поле.

«Ермолов стал любимцем войска и кумиром офицеров...»

Замечательный русский писатель Николай Семенович Лесков изобразил Ермолова под именем «полного генерала Стрепетова» в романе «Некуда». Его перу принадлежит также биографический очерк великого полководца, впервые опубликованный в 1869 году. Мы выбрали оттуда несколько фраз, вполне передающих отношение писателя к своему герою:

«Служебный путь Ермолова далеко не был усыпан розами, но на нем, наоборот, было набросано много терний. Служебным его неудачам немало способствовало его несомненное превосходство, которого никогда не сносит окружающая посредственность, а частию Ермолову вредил много его злой и как бритва острый язык, которым крутой генерал беспощадно казнил смешные и слабые стороны своих недоброжелателей...

Война 1812 г. выдвинула Ермолова вперед. Еще в 1806-1807 гг. Алексей Петрович составил себе известность храброго и замечательного офицера. Он, как говорят, создал артиллерийский строевой устав. Каждое действие Алексея Петровича в бою становилось потом тактическим правилом для артиллерии; он дал ей практические правила построения батарей. Солдаты, смотря на роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и на храброго ее командира, бывшего всегда впереди, говаривали: "Напрасно француз порет горячку, Ермолов за себя постоит". Ермолов стал любимцем войска, кумиром офицеров и рыцарем без страха и упрека для народа, несмотря на то, что начальство, за исключением Кутузова, большею частию неблагоклонно и несправедливо относилось к нему, как будто не замечало его подвигов...

Начальство не любило Ермолова за независимый, гордый характер, за резкость, с которою он высказывал свои мнения: чем выше было поставлено лицо, с которым приходилось иметь дело Ермолову, тем сношения его с ним были резче, а колкости ядовитее.

Известен ответ его Аракчееву на замечание последнего, что лошади его роты дурны: "К сожалению, ваше сиятельство, участь наша часто зависит от скотов".

Когда Ермолов был еще полковником, то один из генералов сказал: "Хоть бы его скорее произвели в генералы, авось он тогда будет обходительнее и вежливее с нами"...

Но будучи резок и даже дерзок с высшими, Ермолов был обходителен и вежлив с низшими. Он умел ценить заслуги и до конца дней своих оставался лучшим ходатаем и защитником своих подчиненных. "Ты не худо делаешь, что иногда пишешь ко мне, ибо я о заслугах других всегда кричать умею", — писал он Денису Давыдову, и имел право говорить таким образом. Будучи еще подполковником и командуя ротою, Ермолов поминутно просил то за фельдфебеля, то за рядового, постоянно предлагал разные меры к улучшению их положения и, сознавая сам, что надоедает своими просьбами, все-таки слал письмо за письмом.

...Назначение его главнокомандующим на Кавказ, которым он был очень доволен, призывало его к новой деятельности, которая еще более прославила его имя, если только его можно было прославить более славно, чем оно было прославлено в нашем войске и в нашем народе, знающем и величающем Алексея Петровича Ермолова едва ли не более всех отечественных полководцев.

Славу его протрубили не пристрастные газеты, не реляции, которые пишутся в главных квартирах и возвещают то, что желательно оповестить главной квартире, — славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повешавшие "черному народу", как "с Ермоловым было и умирать красно"...

Алексей Петрович Ермолов поистине характернейший представитель весьма замечательного и не скудно распространенного у нас типа умных, сильных, даровитых и ревностных, но по некоторым чертам "неудобных" русских людей, и разъяснение его личности в связи со всеми касательствами к нему среды, в отпор коей он принимал ту или другую позицию, должно составить вполне глубокую и благодарную задачу и для историка-биографа и для критика. Тому-то, кто сумеет судить о Ермолове правильно и беспристрастно, предстоит завидная доля сказать многое, очень многое старым людям на послушание, а молодым на поучение»¹⁴.

«Преданность, которую он внушал, была беспредельна»

Павел Христофорович Граббе в молодые годы был адъютантом Ермолова. Впоследствии дослужился до генеральских погон и командовал войсками на Кавказской 72 линии. В 1839 году он блокировал и взял Ахульго — горное гнездо Шамиля, а в 1840 году лично возглавил Чеченский отряд, в составе которого находился и Лермонтов. Его записки не откроют нам даровитого литератора, но там, где речь идет о Ермолове, стиль Граббе блещет истинным вдохновением. Мы приведем оттуда несколько самых примечательных мест: «...Наступил важный день моей жизни: А. П. Ермолов взял меня к себе в адъютанты с переводом в конную артиллерию, в свою роту. При этом имени я невольно остановился. И теперь, по истечении сорокалетнего периода, в продолжение которого Россия сперва должна была отстоять свою целость, потом двинулась на избавление Европы от ига Наполеона, наконец утвердила свое нынешнее могущество, периода, в котором столько людей необходимо должны были возникнуть, обратить на себя общее внимание, несмотря на то, что некоторые из них по званию и значению роли в событиях займут место гораздо высшее, но в памяти народной, кроме, быть может, Кутузова, ни один не займет такого важного места. Это тем замечательнее, что главнокомандующим, кроме Грузии и Кавказа, в европейских войнах он не был, хотя народная молва всякий раз в трудных обстоятельствах пред всеми его назначала. Народность его принадлежит очарованию, от него лично исходившему на все его окружавшее, потом передавалось неодолимо долее и не знавшим его, напоследок распространилась на всю Россию во всех ее сословиях и, хотя ослабленная многолетним его устранением, живет и поныне в народе.

Наружность его была значительна и поражала с первого взгляда. Рост высокий, профиль римский, глаза небольшие, серые, углубленные, но одаренные быстрым, пронизательным взглядом, голос приятный, необыкновенно вкрадчивый; дар слова редкий, желание очаровать всех и каждого иногда слишком заметное, без строгого разбора как самих яки, так и собственных выражений. Это последнее свойство, без меры развиваемое, привязало к нему множество людей, толпе принадлежащих, и остерегло многих более внимания достойных. Впоследствии оно же дало ход едкому слову, с высока на него павшему: *e'est le heros des enseignes**. Это правда, но не одних прапорщиков...

...В молодости моей я был первым его адъютантом, и совершенно отеческое его обращение со мною оставило во мне сыновнюю к нему привязанность. Я не видел его девятнадцать лет. Мы расстались в 1815 году, когда я получил конно-артиллерийскую роту. Он отправился тогда на Кавказ и послом в Персию. Взоры целой России обратились туда. Все, что излетало из уст его, стекало с быстрого и резкого пера его, повторялось и списывалось во всех концах России. Никто в России в то время не обращал на себя такого общего и сильного внимания.

Редкому из людей достался от Неба в удел такой дар поражать как массы, так и отдельно всякого наружным видом и силою слова. Преданность, которую он внушал,

была беспредельна. Теперь я нашел старика, белого как лунь; огромная голова, покрытая густой сединою, выросла в широкие плечи. Лицо здоровое, несколько огрубевшее, маленькие глаза, серые, блистали в глубоких впадинах, и огромная, навсегда утвердившаяся морщина опустилась с сильного чела над всем протяжением торчащих седых его бровей. Тип русского гениального старика. Нечего бояться такой старости.

* Это — герой прапорщиков (франц.).

От 9-ти часов вечера до 5-ти утра мы не вставали со стульев, забыв про сон и усталость. Я не мог насытить ни глаз, ни слуха, всматриваясь и вслушиваясь в него. Какое несчастное стечение обстоятельств могло сбить со всех путей служения Отечеству такого человека, при таком государе! Он наделал ошибок; не сомневаюсь в этом. Разве это мерило такого дарования? — Между прочими предметами разговора мне случилось ему сказать, что не должно терять надежды, что в важных обстоятельствах государь вспомнит о нем и вызовет на поле деятельности. На это он отвечал, что боится последствий долгого бездействия и следственно ошибок, важных в том звании, которое ему принадлежит, — звании главнокомандующего. "Положим, что это правда, — отвечал я ему, — а мы из ошибок сделаем успех".

Одушевление войск есть вернейшее средство успеха, и кто более Ермолова владеет этим сильным оружием?

Дом его был неопрятен. Кабинет не только без малейшего украшения, но большой стол ничем не покрытый и несколько стульев просто белого дерева, замаранные; везде книги и карты, разбросанные в беспорядке; горшочки с клеем, кардонная бумага и лопаточки: его любимое занятие — переплестать книги и наклеивать карты. Сам он был одет в синий кафтан, толстого сукна, застегнутый на крючки, довольно неопрятный. Беспорядочная и расстроенная жизнь необыкновенного человека!»15.

Гордые скалы Кавказа

Гордый изгнанник выехал из Тифлиса в той же простой рогожной кибитке, в которой десять лет назад приехал

Не давая Ермолову никакой реальной власти, Николай I впоследствии вернул его на службу и назначил членом Государственного совета, отправив боевого генерала в собрание престарелых сановников. Давыдов обрисовал эту ситуацию со свойственным остроумием. Справляясь в письме о беспокоившей Ермолова подагре, он высказал шутовское пожелание: «Дай Бог никогда уже ей не посещать вас и возвратиться в Сенат, гае се вечная главная квартира». Ермолов (и такого случая еще не знала наша история) написал царю прошение об увольнении его от заседаний.

Он умер на 84-м году жизни и был похоронен в Орле. Перед могилой установили лампаду, устроенную из чугунной гранаты, — скромный дар с надписью: «Служащие на Гунибе кавказские солдаты». Высокогорный Гуниб — последнее пристанище Шамиля, там он был пленен спустя тридцать лет после того, как Ермолов навсегда покинул Кавказ. И все же когда Шамиля привезли в Москву и спросили, что он хочет увидеть, грозный имам, не задумываясь, ответил: «Прежде всего — Ермолова».

«Ермолову нет нигде памятника, — воскликнул военный историк В. А. Потто, завершив «ермоловский» том своей знаменитой «Кавказской войны». — Но гордые скалы Кавказа составляют несокрушимый пьедестал, на котором истинно русский человек вечно будет видеть величавый образ Ермолова, окруженный лучами бессмертной.

Примечания

1. Записки А. П. Ермолова 1798-1826. — М.: Высшая школа, 1991, —С. 270.
2. Там же. С. 353.
3. Очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. — Тифлис, 1899. — С. 309-310.
4. Записки А.П.Ермолова 1798-1826. — Указ. соч. — С.268. 76
5. Давыдов Д. 8. Сочинения. Т. 1. — СПб., 1893. — С-159- 160.
6. Бартенев Я Я. Пушкин в Ясной России. — М., 1914. -С.21.
7. Эйхенбаум Б. От военной оды к «гусарской песне» / Давыдов Денис. Полное собрание стихотворений. — Л.: Изд. писателей в Ленинграде. 1933. —С. 39.
8. Там же.
9. Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. — М.: Изд. МГУ. 1989. —С. 58.
10. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.. Художественная литература, 1989. —С. 534.
- П. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. — М., 1931. — С. 264.
12. Давыдов Д- В. Указ. соч. — С. 142, 145, 147, 155, 162, 163, 173, 174.
13. Там же. С. 170.
14. Лесков Я. С Собрание сочинений. Т. 10. — М.: ГИХЛ. 1958. —С. 158.159, 164-167.
15. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе // Русский архив. — 1873. — №5. — С. 791-792. 826-827.
16. Потто В.А. Кавказская война. Т.2. — Ставрополь: Кавказский край, 1994. — С. 684.

Глава 5

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

В. Давыдов — партизан 1812 г. Литогрaфия XIX в.

«Я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 года», — говорил о себе поэт и партизан Денис Васильевич Давыдов. Его литературная и воинская слава не черкнет вот уже более полутора столетий. Великий Суворов, увидев его ребенком, воскликнул: «Ты выиграешь три сражения!» — и это пророчество блестяще оправдалось, чему свидетельством три славы Давыдова: слава воина, слава поэта и слава отличного прозаического писателя.

«Он был поэт в душе...», — писал о нем Белинский. Мы раскроем биографию поэта на ее кавказских страницах.

В первых числах августа 1826 года Денис Давыдов в числе шестидесяти других генералов был вызван в Кремль для представления царю. Николай I прибыл в Москву для коронации. Внезапные и неприятные события на южных границах империи сильно встревожили государя, хотя он старался и не подавать вида.

«Он говорил почти со всеми весьма ласково и милостиво, — вспоминает Давыдов, — наконец, подошел ко мне, он изволил сказать мне, что рад меня видеть, благодарил за то, что я снова надел эполеты в его царствование...»¹.

Дело в том, что Давыдов вышел в отставку при Александре I, еще в 1823 году. Его двоюродный брат и покровитель, грозный «проконсул Кавказа» А. П. Ермолов дважды делал представление о назначении его командующим на Кавказской линии. И дважды получал отказ императора: при дворе Давыдову не могли простить репутации фрондера. Это и побудило пылкого гусара подать рапорт. И только при восшествии на престол Николая Павловича он вернулся на службу в звании генерал-майора и был назначен состоять по кавалерии.

Продолжая разговор, царь «заметил, что я ни мало не постарел, — пишет Давыдов в своих «Воспоминаниях о 1826 годе», — и спросил меня, здоров ли я? На ответ мой, что здоров, он спросил еще: "Можешь ли служить в действительной службе?" Я отвечал ему: "Могу, государь", и он, улыбаясь весьма милостиво, отошел далее...»

Человек военный, по отрывкам долетевших фраз, а в особенности после разговора с генерал-квартирмейстером 1-й армии Бутурлиным, Давыдов уяснил, что речь идет о ре *ко изменившейся военной ситуации в Грузии и кавказских ханствах, входящих в состав Российской империи.

Действительно, 16 июля сын Фет-Али-шаха, наследник персидского престола Аббас-Мирза со сотысячным войском вторгся в наши пределы. Незначительные пограничные гарнизоны были смяты и истреблены. Часть из них заперлась в Шуше и Александрополе. Персы заняли Елисаветполь (Ганджу), где вырезали всех русских, и двинулись по дороге к Тифлису...

На следующий день после разговора с царем Давыдова вызвал к себе начальник главного штаба И. И. Дибич. Эта маленькая, толстенькая, рыжая, криволицая, умная, пылкая и храбрая фигурка, — как пишет о нем наш знаменитый партизан, — была в сюртуке нараспашку. Взяв Давыдова за руку и глядя по обыкновению своему не в лицо, и потупив глаза, Дибич объявил: — Государю угодно, чтобы вы ехали в Грузию; там война, ему нужны отличные офицеры, он избирает вас, но желает сперва знать, согласитесь ли вы на это назначение? — Мне весьма прискорбно видеть сомнение государя предложения. Прошу ваше высокопревосходительство доложить его величеству, что я не колеблюсь ни минуты... Я с радостью готов всегда вступить на всякий прямой и опасный путь, — твердо отвечал Давыдов.

Провожая Давыдова на Кавказ, царь обнял его и напутствовал словами:

— Ну, прощай, любезный Давыдов, желаю тебе счастья и первое о тебе известие иметь вместе с твоими успехами.

В ожидании отъезда «певец-гусар» (так назвал его Пушкин) успел сочинить убийственную эпиграмму «Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года»:

Мы несем едино бремя;
Только жребий наш иной:

Я назначен на убой.

15 августа, в два часа пополудни, Давыдов покинул Москву. Прибывший из Грузии адъютант Ермолова Талызин рассказал, что Аббас-Мирза в ста пятидесяти верстах от Тифлиса, сардар Эриванский с братом своим Гассан-ханом разорили немецкую колонию в пятидесяти верстах от Тифлиса и увели жителей в Персию.

Военная ситуация в Закавказье вскоре, однако, стала выравниваться и даже меняться в нашу пользу. Еще в августе генерал князь В. Г. Мадатов силами до двух тысяч человек разбил под Шамхором авангардный десятитысячный отряд персов. Узнав об этом, Аббас-Мирза снял осаду Шуши и, стянув сорокатысячный кулак, двинулся к Елиса-ветполю. Навстречу ему генералы Мадатов и Вельяминов

«24 августа, в три часа пополудни, — пишет Давыдов, — я приехал в Ставрополь и остановился у генерал-майора князя Петра Горчакова. Он был областным начальником всей линии, и назначен в то время генерал-квартирмейстером 2-й армии. На место его определен генерал-лейтенант Эммануель, который еще в то время не прибыл. Горчаков ожидал его, чтобы сдать команду линии и отправиться к своему месту... День был прекрасный, я потому ходил вечером по городу, дабы увидеть Эльбрус, но не видал его. Я на Ставрополь смотрел любопытными глазами, ибо прежде думал жить в нем со всем моим семейством: два раза А. П. Ермолов представлял покойному императору о назначении меня областным начальником линии и два раза получал отказ...»

Выехав из Ставрополя, Давыдов с нетерпением вглядывался вдаль в надежде увидеть сверкающие вершины Кавказа. Холмистый ландшафт закрывал горизонт; за спиной остался степной Александров, и «тут вдруг открылась вся цепь гор снеговых и нал ними Эльбрус как гигантский шатер! — Вид очаровательный, особенно для того, кто никогда не видал заоблачных гор...»

По дороге к горам, у Мечетского редута Давыдов нагнал почту, большой караван и — Грибоедова, с которым и продолжил путь по Военно-Грузинской дороге. Грибоедов, кстати, был давним сторонником назначения Давыдова на Кавказ и считал ошибкой властей его здесь отсутствие. «Зная и Давыдова и здешние дела, нахожу, что это немаловажный промах правительства... — писал он С. Н. Бегичеву еще в 1825 году. — Здесь нужен военный человек, решительный и умный, не только исполнитель чужих предначертаний, сам творец своего поведения, недремлющий наблюдатель всего, что угрожает порядку и спокойствию от Усть-Лабы до Андреевской. Загляни на карту и суди о важности этого назначения. Давыдов здесь во многом поправил бы ошибки самого А. П.", который при том не может быть сам повсюду. Эта краса рыцарства, какую судьба оттенила характер нашего приятеля, привязала бы к нему кабардинцев...»'.

Во Владикавказе герою отвели квартиру в крепости и в виде признания особых заслуг перед Отечеством выставили почетный караул (который Давыдов тотчас отпустил). «Я из окна видел Казбек, — вспоминал он, — величественно возвышающийся двуглавою вершиной своею над всем снеговым хребтом по темно-голубому безоблачному небу. В ночное время он был еще поразительнее по своей красоте: полная луна осыпала бледными своими лучами.

Поразил поэта и вид Дарьяла: казалось, что вершины гор по обеим сторонам тесного ущелья готовы упасть ему на голову. Но в дороге Давыдов и Грибоедов узнали, **что в Тифлис прибыл генерал И. Ф. Паскевич** (посланный царем на смену Ермолову) и что в столице Грузии все спокойно.

* А. П. — Алексей Петрович Ермолов.

Участник двух турецких кампаний, Давыдов прекрасно понимал все сложности войны на Востоке: «...В войне с азиатами главное дело **СОСТОИТ** не в драке, ибо их бить всегда легко, а в умении вести войну, то есть в умении распоряжаться таким образом, чтобы войска наши всегда имели сытый желудок, суму с патронами, а артиллерия — полные парки, что весьма затруднительно, как в Турции, так и в Персии».

Между тем события Персидской войны приближались к своей кульминации — битве под Елисаветполем. Принявший командование Паскевич, видя огромное превосходство Аббас-Мирзы в силах, хотел запереться в крепости. И только решительные настояния старых кавказцев — ермоловцев Мадатова и Вельяминова заставили его 13 сентября принять сражение.

— Ребята, не жалейте пролить кровь за государя, — говорил князь Валерьян Мадатов, обходя войска. — Подпускать персиянина, ему труднее будет уходить...

На смерть стояли батальоны Грузинского, Ширванско-го и 41-го егерского полков. Особенно отличились нижегородские драгуны, сумевшие захватить даже персидское знамя с золотым львом, держащим в лапе обнаженный меч. Персы бежали. На пятый день после битвы Аббас-Мирза перешел вброд пограничную реку Араке, очистив российские пределы.

Оценивая роль Паскевича в этих событиях, Давыдов писал своему другу А. А. Закревскому: «У вас, может быть, он еще героем слывет, и Елисаветпольское дело неизвестно, а в Грузии оно чисто и ясно; Вельяминов и Мадатов все сделали. Паскевич только имя свое приложил к делу»¹.

Об участии Давыдова в баталиях с персами лучше всего рассказал он сам в «Автобиографии» — рассказал таким живым, энергичным и выразительным слогом, что мы рискнем привести здесь еще одну пространную выдержку:

«Со вступлением на престол императора Николая Давыдов снова отмечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостаивает его избранием в действующие лица на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. Он вырывается из объятий милого ему семейства и спешит из Москвы в Грузию: в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней, и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец, еще одни сутки, и он близ заоблачного Алагеза поражает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардар Эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым кебом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода

После сей экспедиции Давыдов занимается строением крепости Джелал-Опту, которую довершает около декабря месяца. Зимой, во время бездействия, он получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на шесть недель, но едва успевает он обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлогоднего: на этот раз перемена климата не благоприятствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к кавказским целительным водам, где, тщетно ожидая себе облегчения, он находится вынужденным уже безвозвратно отбыть в Россию»⁴. Перемена климата, о которой говорит здесь Давыдов, имела более всего политический характер: неугодного царю Ермолова отправили в отставку, а на Кавказе воцарился граф Паскевич, облеченный особым доверием Николая.

О намерении же побывать у целебных пятигорских ключей Давыдов сообщает и в своем тифлисском письме барону Дибичу: «Страдая пятнадцатый год жестоким ревматизмом в левой ноге, ежегодно усиливающимся, я мог бы в проезд в Пятигорск воспользоваться минеральными водами для пользования себя. Получив облегчение, я мог бы быть полезнее для службы государя на другой войне, чем теперь...»⁵.

Вскоре, уже из Георгиевска, в письме к флигель-адъютанту императора полковнику В. Ф. Адлербергу он хлопочет о позволении отбыть с вод в Россию, не скрывая своей обиды на Паскевича: Давыдов считал, что его обошли по службе, поручив командование авангардом русских войск другому генералу — Панкратьеву. Главное же заключалось в том, что после удаления с Кавказа Ермолова он и сам не хотел больше оставаться здесь наедине с сановными лицами, «хотя не лишенными некоторых блистательных военных качеств, но презренными по душевным свойствам, ничтожными по своему невежеству и невыносимыми по бессмысленному высокомерию»⁶.

В 1831 году за успешные действия в польской кампании Давыдов получил орден святого Владимира 2-й степени. За плечами остался долгий ратный путь, и герой-партизан по праву называл себя «живым лексиконом как людей, так и происшествий от Аустерлица до последней Персидской войны»⁷.

(Заметим справедливости ради, что Давыдову, по словам Александра Бестужева, нельзя вполне доверять, когда он повествует о своих подвигах: «Он более выписал, чем вырубил себе славу храбреца, В 1812 году быть партизаном значило быть наименее в опасности, нападая ночью на усталых или врасплох. Притом французы без пушек и вне строя — не страшные ратники... Я не отнимаю, впрочем, ни славы, ни пользы у Давыдова: он очень хорошо постиг свое ремесло... Я очень люблю его, но он принадлежит истории, а история есть нагая истина»⁸).

Поэтический итог персидского похода—большое стихотворение «Полусолдат», где есть строки и о Кавказе:

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагез, нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И вест с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом.
Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края...
Где подпирает небосклон
Казбека гряда снеговая ..
На нем знакомый вихрь, на нем громада льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном.
Горит родимая звезда.

Поэтический образ Казбека, подпирающего небосклон, оценил Пушкин, повторив его в первой главе «Путешествия в Арзрум». К названию горы Давыдов сделал особое примечание: «Одна из высочайших гор Кавказского хребта». Добавим от себя, что не только Кавказского хребта, но и русской поэзии: вслед за Давыдовым Казбек не раз воспели и Пушкин, и Лермонтов.

Едва отряхнув пыль кавказских дорог, Давыдов написал стихотворение под названием «При виде Москвы, возвращаясь с персидской войны». Воспоминания Кавказа еще долго тревожили поэта: в своих письмах он часто приводит подробности минувших сражений.

Портрет Давыдова, как и других героев 1812 года, был выполнен в мастерской английского художника Джорджа Доу и помещен в Военной галерее Зимнего дворца.

Ему посвящали свои стихи Пушкин, Жуковский, Баратынский, Павел Вяземский и Федор Глинка. С ним мог быть знаком и Лермонтов: жена Давыдова, урожденная Чиркова, приходилась теткой другу Лермонтова Николаю Поливанову. У Давыдова, как и у Лермонтова, над лбом, среди жгуче-черных волос, вилась седая прядь.

Ты — боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!

— писал о нем Языков. В великолепном двустии полную характеристику Давыдову дал один из его друзей

Ужасен меч его отечества врагам —
Ужаснее перо надменным дуракам.

Лев Толстой изобразил его под именем Денисова в романе «Война и мир»: «Денисов был маленький человечек с красным лицом, блестящими черными глазами, черными взлохмаченными усами и волосами. На нем был расстегнутый ментик, спущенные, в складках широкие чикчиры и на затылке была надета смятая гусарская шапочка».

В несколько ином виде рисует себя сам Давыдов в стихотворении «Партизан», навеянном воспоминаниями о 1812 году:

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской.
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской...

Стихотворение написано в ноябре 1826 года на Кавказе и имеет авторскую помету — Тифлис.

На выход в свет в 1840 году второго издания сочинений «певца-гусара» большой статьей отозвался Белинский: «Давыдов, — писал он, — принадлежит к примечательнейшим людям блестящего царствования Александра Благословенного, царствования столь богатого и славного талантами на всех поприщах, блестящего знаменитостями и славами всех родов. Давыдов примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин — не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, — и, наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и *обыкновенности*..”

В последние годы Давыдов долго хлопотал о перенесении на Бородинское поле праха Багратиона, у которого служил адъютантом с 1807 по 1812 год. Он был уже назначен командиром почетного эскорта для сопровождения останков героя, но 22 апреля 1839 года в возрасте пятидесяти четырех лет скоропостижно скончался, выронив из рук перо.

Написанная от третьего лица автобиография поэта (известная также под названием «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова») имеет, по словам Белинского, все «родовые приметы пера Давыдова и отличается таким добродушием, такою откровенностью, искренностью, такою удалою размашистостью и оригинальностью!»¹⁰. Именно здесь, в ее заключительных строках — разгадка личности нашего героя:

«Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях — в юной девице ли, в произведениях художеств, в подвигах ли *военном* или гражданском, в словесности ли, везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее. Вот Давыдов!»".

Примечания

1. Здесь и далее: *Давыдов Д. В. Сочинения. Воспоминания о 1826 годе*. Т. 2. — СПб., 1893. — С 184-199.
2. *Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений*. Т. 3. — Петроград, 1917. — С. 186.
3. *Давыдов Д. В. Сочинения*. Т. 3. — СПб., 1893. — С. 166.
4. *Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений*. — Л., 1933. — С. 61-62.
5. *Давыдов Д. В. Указ. соч.* Т. 3. С. 160-161.
6. Там же. С. 169.
7. Там же. С. 177.
8. *Русский вестник*. Т. 32. — 1862. — С. 323.
9. *Белинский В. Г. Полное собрание сочинений*. Т. 4. — М.: Изд. АН СССР, 1954. — С. 345.
10. Там же. С. 346.
11. *Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений*. — С. 66.

Глава 6

«КУДА ВЕДЕТ ВАС БАРАБАНЩИК...»

Среди деятелей ермоловской эпохи на Кавказе более других внимания заслуживает Алексей Александрович Вельяминов человек весьма примечательный не только по факту его семилетнего пребывания на посту начальника Кавказской линии. Он сыграл совершенно особую роль в судьбе Ставрополя, сумев однажды уберечь город от упразднения. Кроме того, он оказался причастен и к некоторым обстоятельствам в истории отечественной литературы, заслужив в высшей степени похвальные характеристики от трех русских поэтов — Александра Грибоедова, Александра Полежаева и Дениса Давыдова.

«Алексей Александрович Вельяминов как нельзя больше соответствовал тому назначению, которое на него возлагалось. — пишет военный историк В. А. Потто. — Он был еще довольно молод, лет тридцати семи, но в закаленных чертах его рябоватого лица, с открытым челом и пронизательным взглядом, выражалась какая-то жесткость характера и холодное равнодушие; про него недаром говорили, что он никогда не жалел о потерях, как бы велики они ни были, лишь бы сделано было задуманное. Вид его был чрезвычайно суров, особенно когда он думал и начинал

грызть когти. Один из современников говорит о нем, что «основательным умом, жестким характером, твердой волей и обширными сведениями о кавказских народах он мог произвести серьезный переворот в судьбе их». «Натура сильная, непреклонная и чрезвычайно талантливая. — как пишет его биограф. — он никогда не оставался в тени, даже стоял рядом с такой личностью, как Ермолов. для которого Вельяминов был не только ближайшим помощником, но его вторым я. другом, пользовавшимся ею безграничным доверием». Таким образом, личные свойства Вельяминова, а еще более блестящее боевое прошлое, вселяли к нему доверие»¹.

А. А. Вельяминов. Литография по рис. И. Фридриха

По обыкновению своего времени Вельяминов еще ребенком был записан в лейб-гвардии Семеновский полк и в шестнадцать лет числился поручиком гвардейской артиллерии. Наполеоновские войны прошел от Аустерлица до Парижа, под Красным заслужил Георгиевский крест. Решительность и отвага штабс-капитана тогда же обрати-

Вельяминова в 1816 году на пост начальника штаба Отдельного Грузинского

корпуса. В путеводителе по Военно-историческому музею в Тифлисе приводится перечень боевых заслуг Вельяминова в период Кавказской войны:

«Друг и сослуживец А. П. Ермолова еще со времени наполеоновских войн, Вельяминов был при нем на Кавказе начальником корпусного штаба. Он обладал обширными сведениями, ясным умом и непреклонною волею. Мнения его о Кавказской войне и о способах борьбы с горцами замечательны по силе доводов и ясности изложения. В 1829 г. он писал, что Кавказ может быть покорен в течение шести лет, но что для этого нужно две лишние дивизии и 14 миллионов рублей ас. Насколько этот план был основателен, доказали позднейшие события, когда после многолетней, бесплодной борьбы пришлось обратиться к тому же проекту, но уже дать средства несравненно более тех, какие требовал Вельяминов. На Кавказе, оставаясь начальником штаба, он всегда в важнейших случаях командовал боевыми отрядами, и имя его гремело грозою по всему Закубанью, в Грузин и Имеретин. Он отличался неумолимою строгостью и вместе с тем справедливостью и великодушием. В персидскую войну Вельяминов был главным виновником победы пол Елисаветполем в 1826 году и награжден орденом св. Георгия 3-й степени. С увольнением Ермолова он также покинул Кавказ и возвратился сюда в 1831 году в звании командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, при нем начато устройство береговой Черноморской линии для прекращения сношений горских народов с турками. Горцы боялись и уважали его. Они сложили про него песню, славя в ней «генерал-плижера», как они называли Вельяминова по цвету его рыжих волос. Вельяминов умер в этой же должности в Ставрополе в 1838 году. Для сохранения о нем памяти в войсках 1-му линейному, бывшему Урупскому полку Кубанского казачьего войска поведено именоваться полком Вельяминова.

А. С. Грибоедов. Гравюра Н. Уткина. 1829 г.

Алексеем Петровичем в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан, а потом возвращусь к вам на север. Здесь многие, или лучше сказать, все о тебе вспоминают: Вельяминов, с которым я до сих пор слонялся по верхней Кабарде, Коцебу 2-й, Цебриков, Талызин, Усттмович, Павлов etc., etc., и даже старик наш, несмотря на прежнюю вашу ссору, расспрашивал о тебе с большим участием»¹.

«Наш старик» — А. П. Ермолов; в верхней Кабарде, то есть в районе ущелий Малки и Чегема, отряд Вельяминова преследовал партию горцев, совершивших

набег на русские пределы. Эти события отразились в стихотворении Грибоедова «Хищники на Чегеме». В Екатериноградской он читал своим спутникам «Горе от ума», и, таким образом, генерал был одним из тех редких счастливых, 93 кто услышал текст бессмертной комедии из уст автора. Отсюда же 7 декабря Грибоедов писал Степану Бегичеву о Вельяминове, что это «чрезвычайно неглупый человек, твердых правил, прекраснейших сведений etc... С этим я в нынешний приезд в короткое время сблизился более, чем прежде. Глаз на глаз, судьба завела меня с ним на Малку, и отсюда к разным укреплениям новой линии; все вместе, и все одни, я этому случаю благодарен за прекраснейшее открытие достойного человека. Что говорит об нем Якубович? Коли ругает, так врёт.. »

Вельяминов пытался облегчить участь разжалованного Александра Полежаева, отмечая в представлении, что тот «сражался с заметной храбростью и присутствием духа». По свидетельству Александра Бестужева, упоминавшего об этом в одном из своих писем с Кавказа, генерал Вельяминов брал Полежаева в поход «для того, чтобы вывести в люди, и исполнил это...» Полежаев был произведен в унтер-офицеры. Почти четыре года поэт провел в боях и походах в горах Чечни и Дагестана, в октябре 1831 года участвовал в штурме укрепленного чеченского аула Чир-Юрт и посвятил этому событию одноименную поэму. Стихотворный портрет Вельяминова на страницах «Чир-Юрта», запечатлевший генерала в ходе экспедиции, — явление уникальное для нашей литературы. Среди покорителей Кавказа мы можем вспомнить лишь графа В. А. Зубова, персидским победам которого Державин посвятил две оды, да еще имена П. Д. Цицианова, П. С. Котляревского и А. П. Ермолова, упомянутых Пушкиным в эпилоге «Кавказского пленника». Но ни «старик Державин», ни его гениальный преемник не были свидетелями воспетых ими военных событий. Прославляя наших полководцев, они совершали, в сущности, лишь акт поэтической риторики. Полежаев, единственный рядовой русской поэзии, прошел 94

А. Н. Полежаев. С гравюры XIX в.

Наш добрый гений подарил!
Смотрите, вот любимый славой!..
Его высокое чело
Всегда без гордости светло,
Всегда без гнева величаво!..
Рисуют тихо думы след
Его пронзительные взоры...
Достойный видит в них привет.
Ничтожный — чести приговоры!..
Он этим взором говорит.
Живит, терзает и казнит...
Он любит даю, а не слово...
С душою доброю - он *строг*.
Судья прямой, но не суровый.
Бесстрастно взыщет он за долг;
За чувство истинной приязни
Он платит ласкою отца;
Никто из рабственной боязни
Не избегал его лица.
Всегда один, всегда покоен;
Походом, в стане пред огнем,

Кавказ с ружьем и солдатским
ранцем за плечами, и ему первому, как
потом Лермонтову и Льву Толстому,
открылись ужасающие подробности
войны.

Создавая образ Вельяминова,
Полежаев обладал всеми
преимуществами очевидца, хорошо
понимающего смысл происходящего:

Поход. Марш, марш по
отделениям! Развились лентой казаки.
Безмолвно тронулись полки...
Заряд на полке, все готово!.. На сердце
дума: верно в бой!.. Но
вопросительного слова

Не знает русский рядовой!
Он знает: с нами Вельяминов —
И верит счастливой звезде.
Отряд покорных исполинов
Ему сопутствует везде.
Он знал его давно по слуху,
Давно в лицо его узнал...
Так передать отважность духу
Умеет горский Ганнибал!
Он наш, он сладостной надежде
Своих друзей не изменил;
Его в грозу войны, как прежде,

С замерзлым усом и ружьем
Нередко греется с ним воин...
Наш полководец не обманщик,
Его ответ всегда простой:
«Куда ведет нас барабанщик!»

Барабанщик зимовского полка. Рис. Т. Горькина

Барабанщик действительно шествует впереди колонны, но направление движения отряду задает, разумеется, совсем не он. Формально точный, но по сути уклончивый и в этой неопределенности ироничный ответ генерала передаст свойство его характера. Здесь Вельяминов списан с натуры. Подобный же пример его речевой стилистики приводит в своих записях и Г. И. Филипсон, участник закубанской экспедиции 1837 года: «Вельяминов ехал на своей «баче», имеретинской лошадке с отрезанной гривой, и окруженный довольно многочисленным штабом. К 97 нему подскакал полковник Бриммер. "Ваше превосходительство, отряд давно

своротил с Абинской дороги. Куда же мы так приедем?" — "Не знаю, дражайший, горнист трубит налево. Спроси его". Бриммер понял свою неловкость, извинился и поспешил к своему месту»⁵.

Денис Давыдов, повоевавший в свое время в Закавказье, также приводит в одном из своих военно-исторических трудов выразительную характеристику генерала; «А. А. Вельяминов, имя которого займет, без сомнения, блестящую страницу в кавказских военных летописях, и слишком рано похищенный смертью для пользы и благоденствия Кавказа и славы нашего оружия, обращал на себя справедливое внимание своими замечательными способностями, редкою самостоятельностью в характере, необыкновенно верным взглядом, обширными сведениями и умением превосходно излагать на бумаге свои мысли. Вельяминов, будучи еще штабс-капитаном 1-й гвардейской артиллерийской бригады, обратил на себя с 18! 1 г. внимание Ермолова, при котором он состоял впоследствии в звании начальника штаба в течение почти тридцати лет. Хотя характер его был совершенно противоположен характеру Ермолова, но эти две личности, отлично понимавшие друг друга, находились постоянно в самых дружеских между собою отношениях. Вельяминов, любивший и почитавший Ермолова как отца, приравливался во время продолжительного своего при нем служения к его умеренному образу жизни. Сделавшись самостоятельным начальником, Вельяминов, любивший давать всему тому, что он не предпринимал, огромные размеры, сделался крайне расточителен в отношении к собственному своему состоянию: так, например, во всем, что он ни покупал или заказывал, он брал за единицу дюжину. Нынешний государь отозвался о нем в следующих лестных для него словах: "С ним весьма приятно работать и последовать его мнению". Ермолов имел в нем и некоторых других генералах и штаб-офицерах превосходных сотрудников»⁶.

В закубанских походах Вельяминова принимал участие и Александр Бестужев, несколько раз упоминавший имя «этого достойного генерала» в своих письмах. Делясь впечатлениями об осенней экспедиции 1834 года, он сообщал Ксенофонту Полевому: «Вельяминов отличный генерал и отличный человек». Когда весной следующего года здоровье Бестужева резко ухудшилось и ему потребовалось отправиться для лечения на воды, он обратился именно к Вельяминову с просьбой о «сострадательном позволении на это путешествие». Вельяминов своей властью разрешил декабристу пребывание на водах в Пятигорске в июле и августе 1835 года.

Григорий Иванович Филипсон, впоследствии генерал-лейтенант и начальник правого фланга Кавказской линии, имел возможность на протяжении долгого времени наблюдать Вельяминова в мирной и боевой обстановке. В его записках представлен подробный и психологически достоверный портрет полководца:

«Алексей Александрович Вельяминов происходил из старинного дворянского рода, но не имел никаких аристократических притязаний. Это был человек далеко выдающийся из рядов толпы. Он принял меня с ледяною холодностью и, помнится, ровно ничего не сказал. Это был худощавый человек лет 50, рыжий, с тонкими губами и тонкими чертами лица.

Кавказский солдат. Рис. А. Попова

На Кавказе он сделался, известен, как начальник штаба отдельного Кавказского корпуса, во время командования А. П. Ермолова, которого он был верным другом и помощником. Они были на «ты» и называли друг друга Алешей. За Елисаветпольское сражение Вельяминов получил Георгия 3-й степени, очевидцы говорят, что он был главным виновником победы, начав решительную атаку, даже против воли главного начальника, Паскевича.

А. А. Вельяминов получил хорошее образование, а от природы был одарен замечательными умственными способностями. Склад его ума был оригинальный. Воображение играло у него очень невидную роль, все его мысли и заключения носили на себе видимый характер математических выводов. Поэтому, вероятно, и в отношениях к людям ему чужды были чувствительность и сострадание, там, где он думал, что долг или польза службы требовали жертвы.

Строгость его доходила до холодной жестокости, в которой была некоторая доля цинизма. Так во время экспедиции он приказывал бить палками или нагайками солдат, пойманных в мародерстве. Он спокойно садился на барабан и назначал время, в продолжение которого должна производиться экзекуция. При этом он разговаривал с другими, пока по часам оказывалось, что прошел назначенный срок. Однажды за обедом, при мне, он в разговоре об одном преступнике цинически сказал: "Ну, что ж? Следует ему прописать английское стегание". Этим шутивным термином он называл публичное наказание кнутом.

Вельяминов хорошо, основательно учился и много читал, но это было в молодости. Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей XVIII в. За новейшей литературой он мало следил, хотя у него была большая библиотека, которую он постоянно пополнял.

Вельяминов был честный и верный слуга государя, но с властями держал себя самостоятельно, а с ближайшим начальником, бароном Розеном, не ладил. Сколько мне из дел известно, в этом его нельзя упрекать. Придирчивость и недоброжелательство Тифлиса доходили часто до жалкой мелочности. Все это вредило и делу и людям. Я думаю, не было и нет другого, кто бы так хорошо знал Кавказ, как А. А. Вельяминов, я говорю Кавказ, чтобы под одним словом объединить и местность, и племена, и главные лица с их отношениями, и, наконец, род войны, которая возможна в этом крае. Громадная память помогла Вельяминову удержать множество имен и фактов, а методический ум давал возможность одинаково осветить всю эту крайне разнообразную картину. Он страдал геморроидальными припадками, которые иногда до того усиливались, что он не мог ехать верхом или на дрожках, и его во время экспедиции однажды носили на носилках. Вообще он был сложения довольно слабого, рыжий, среднего роста, худощавый, с манерами и движениями медленными, он, вероятно, и в молодости не считался ни ловким, ни красивым. В чертах лица его особенно заметны были его тонкие губы, острые и редкие зубы и умные серьезные глаза. Он говорил всегда серьезно, степенно и умно, но без педантизма и напускной важности. За обедом у себя он был разговорчив, но не позволял говорить о служебных делах. Гостеприимство его было оригинально до странности: у него обыкновенно обедало человек 25 или 30, но он никого не звал. Всякий из штабных мог приходить. Сам он, как строгий гомеопат, обедал у себя отдельно и чрезвычайно диетно, но каждый день и выходил к общему столу за вторым блюдом. Хозяйство его шло беспорядочно, но оригинально. Все запасы и даже столовые принадлежности закупались в гомерических количествах.

Подчинённые и войска боялись Вельяминова и имели полное доверие к его способностям и опытности. У горцев мирных и немирных имя его было грозно. В аулах о нем пелись песни, он был известен под именем Кызыл-Дженерал (то есть рыжий генерал) или Вельяминов. Деятель времен Ермолова, он не стеснялся в мерах, которые должен был применять в некоторых случаях. Деспотические выходки его были часто возмутительны. Однажды, узнав, что конвой от Донского полка при появлении горцев бросил проезжающего и ускакал и что, по произведенному дознанию, в этом полку было множество злоупотреблений, он послал 102 туда штаб-офицеров, а казаков всего полка по именному списку всех высечь нагайками. Донцы, конечно, подняли большой шум, и Вельяминову был сделан секретный высочайший выговор.

Чтобы кончить речь о Вельяминове, я должен выставить еще одну черту его характера. Он не боялся декабристов, которых много к нему в войска присылали. Он не видел различия между ними и офицерами. Многие бывали у него в солдатских шинелях, но в Ставрополе никто не находил ЭТОГО неправильным. Упрек, который, кажется, можно сделать Вельяминову, как общественному деятелю, это за его равнодушие к порочным наклонностям и безнравственности других. Сам он был стоически честен, но к порочным поступкам своих подчиненных относился слишком снисходительно, если только видел, что их умом, деловую опытностью и способностями можно воспользоваться с выгодой для службы.

Декабрист В. С. Толстой, переведенный, подобно Бестужеву, из сибирской ссылки и прошедший, начиная от рядового, все этапы кавказской «выслуги», оставил в

своих записках подробную характеристику Вельяминова, из которой приведем здесь несколько интересных строк:

«Как Командующий войсками на Кавказской линии Вельяминов до того удачно действовал походами на левом фланге Кавказской линии, что восстание в этой стране потеряло весь свой угрожающий характер и все племена, прилегающие к нашим пределам совершенно покорились и были обращены в охрану наших границ, так что оказалось возможным приступить к покорению племен закубан-ских и занимающих прсбрежие Черного моря, постоянно подстрекаемых против России приплывающими агентами ЮЗ турецкими и английскими, посылаемыми Британским посольством в Константинополе.

Вельяминов владел в высшей степени искусством начальствовать и всем подчиненным, даже состоящим в равном с ним чине, внушал глубокое уважение и почтение. Солдаты не любили его, прозвав «четыrehглазый», вследствие того, что в походе он носил очки-консервы, но питали к нему неограниченное доверие, придающее им в боях неудержимую отвагу...

Во всех проектах Вельяминова военных действий постоянно выказываются широкие, гениальные взгляды на дело военного покорения Кавказа, дальновидность его, строгую логику, последовательность его выводов. С Петербургом, не имеющим понятия об особенностях края и всех затруднений горной войны, он не лукавил и правдиво выставлял всю нелепость его теоретических узких воззрений и тем внушал боязнь самому тогдашнему Военному Министру Чернышеву, в сущности наглому шарлатану»*.

Знакомство Лермонтова с Вельяминовым могло произойти в Ставрополе в начале мая 1837 года. Также, находясь здесь в октябре или декабре того же года, поэт мог побывать в доме командующего, открытом для всех офицеров корпуса. Имя генерала он упомянул в письме к бабушке из Пятигорска 18 июля 1837 года, разъясняя ей свои обстоятельства: «Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе, на берегу Черного моря, при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию...»

Декабрист Н. И. Лорер, переведенный из Сибири рядовым в кавказские войска, приводит предостережение генерала, адресованное опальным лицам, находившимся в его подчинении: «Вельяминов не был педантом в мелочах и всегда оставался, строг по службе, однако, при первом свидании с нами, он нам сказал: "Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами»⁹. Человек, чья воинская репутация рождалась на полях сражений, имел, видимо, основания недолгоблывать жандармов и их тайных соглядатаев. Тем не менее, этот высокий военный профессионал всегда оставался непреклонным и жестоким исполнителем монарших устремлений на Кавказе, огнем и мечом приводя к покорности горские аулы. План покорения Кавказа, составленный Вельяминовым, но предложению Николая I, вполне вписывался в контекст ермоловской стратегии "рубки леса», когда победу над горцами одержал не штык, а именно топор — как средство прокладки широких просек в дремучих чеченских лесах. Это обеспечивало доступ войск в самые удаленные и укрытые места обитания противника с последующим уничтожением последних, то есть разрушением аулов, сжиганием запасов сена и зерна, истреблением садов и вытаптыванием посевов. «Нужно наносить горцам самый существенный вред в необходимых средствах существования, — писал Вельяминов, — нужно направлять удары на те предметы, коих они не могут скрывать от войск наших... Уничтожение полей в продолжении нескольких лет сряду есть, по-моему, единственное средство достигнуть сей цели»¹⁰.

Вельяминову также приписывают слова, будто бы сказанные им Николаю: «Нашим внукам еще придется поработать на Кавказе; да и незачем дело у них отнимать: Кавказ хорошая военная школа»¹¹. Так или иначе, но жизнь что горькое пророчество подтвердила. Имя генерала упомянул в своей знаменитой повести «Хаджи-Мурат» Лев Толстой, отметив, что «план медленного движения в область неприятеля посредством вырубки лесов и истребления продовольствия, был план Ермолова и Вельяминова».

Приведем еще выдержку из очерка известного кавказоведа Л. П. Берже «Император Николай на Кавказе в 1837 году»: «Российский монарх прибыл морем из Крыма в Геленджик и 20 сентября ступил на кавказскую землю — впервые с тех пор, как Петр Великий 115 лет тому на-зад высадился на каспийский берег в Дагестане. Первым, кого принял император, был Вельяминов. В дальнейшем государь посетил Анапу и отбыл на пароходе «Полярная звезда» в Редут-кале, откуда, совершив почти двухнедельное турне по Закавказью. 8 октября достиг Тифлиса. Для корпусного начальства высочайшая инспекция окончилась плачевно: барон Розен был вскоре смещен, а с его зятя князя Дадияни на плацу сорвали флигель-адъютантские аксельбанты. Начальник штаба Вольховский подал в отставку»¹². «Погром был общий», — замечает по этому поводу Филиппсон. Вельяминов, напротив, был особо отмечен государем и получил орден святого Александра Невского с алмазами.

По Военно-Грузинской дороге Николай отправился в обратный путь. Во Владикавказе его вновь встречал Вельяминов. «14 октября его Величество. — сообщает Берже, — оставив за собою Владикавказ, быстро приближался к Екатеринограду. откуда, после спокойно проведенной ночи, проследовал через Пятигорск в Ставрополь, куда прибыл 17 числа, в 7 часов вечера. Спустя часа два прибыл командовавший войсками на Кавказской линии генерал Вельяминов, в доме которого остановился государь и без которого его величество не хотел обедать, несмотря на сильное утомление от дороги и жестокой зубной боли.

Что касается самого Ставрополя, таким образом, он не понравился государю, желавшему его упразднить и вместо него основать город на Кубани. Но Вельяминов сумел отклонить эту мысль объяснением условий, парализующих экономическое развитие города, в числе которых главное включалось в слухе о причислении граждан к казачьему сословию, уверяя притом, что с устранением этого слуха Ставрополь начнет быстро развиваться. Государь несколько минут по-видимому колебался, но, наконец, взяв перо, сказал: «Только уважая твое ходатайство, Алексей Александрович, оставляю город на месте», и при этом утвердил поднесенный ему план города, обещая оказать ему впоследствии льготу, о которой лично ходатайствовал Вельяминов. Вообще нужно сказать, что государь был во все время как-то особенно милостив к Алексею Александровичу. 18 октября, в 4 часа пополудни, государь выехал из Ставрополя.. »¹³.

Вельяминову императорский круиз по Кавказу обошелся дорогой ценой. Часть пути от Владикавказа, больше ста верст, Николай проделал верхом, и Вельяминов, занемогший еще во время летней экспедиции, вынужден был последовать его примеру. «Хотя Николай Павлович и предлагал генералу ехать в коляске, — вспоминает современник, — но Алексей Александрович, считая это неприличным, трясся верхом за государем то рысью, то вскачь целую станцию. Император простудился и получил зубную боль. Вельяминов, с больными ногами, никогда не читавший верхом иначе, как шагом, и вообще некрепкого здоровья, расстроил его совершенно... двое-трое суток крепился, по отъезде государя из Ставрополя заболел, промаялся до весны, а в апреле скончался»¹⁴.

В память о генерале одна из улиц Ставрополя получила название Вельяминовской, в свое время и в Пятигорске существовал Вкляминовский проспект, его имя носило и одно из наших укреплений на черноморском побережье.

Примечания

1. *Потто В. А.* Кавказская война. Т. 2. — Ставрополь: Кав-, казский край, 1994. — С. 407-408.
2. Путеводитель по Военно -историческому музею. — Тифлис, 1915. — С. 20-21.
3. *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 3.—Петроград, 1917. —С. 182-183.
4. Там же. С. 186.
5. *Филипсом Г. И.* Кавказская война. — Ставрополь: Кавказский край, 1991. — С. 468.
6. *Давыдов Д. В.* Сочинения. Т. I. — СПб., 1893. — С. 163-164.
7. Цитируемый текст представляет собой выбранные места из воспоминаний Г. И. Филиппсона. Цит. по книге: Филиппсон Григорий. Указ. соч. — С. 434,451-457,491.
8. Воспоминания декабриста В. С. Толстого о Кавказе / *Захаров В. А.* Загадка последней дуэли. — М.: Русская панорама, 2000. — С. 244-245.
9. *Лорер И. И.* Записки декабриста. — М.-Л., 1931.— С-217.
10. *Покровский И. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 115.
11. Государь Николай Павлович // Русский архив. — 1881. — Кн. 2. —С. 240.
12. *Берже А. П.* Император Николай на Кавказе в 1837 году. Т 43. // Русская старина. — 1884. — Кн. 8. — С 397.
13. Там же. С. 397.
14. *Попов А. В.* Лермонтов на Кавказе. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1954.—С. 133.

ГЛАВА 7

ВЛАДЫКА ГОР

В 1840 году Лермонтов, сосланный царем под чеченские пули, писал из Ставрополя своему другу Алексею Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг, в Чечню, брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке». Называя Шамиля пророком, поэт ошибается или, что тоже возможно, выражается иронически. Лето и осень он провел в походах и боях в Чечне и Дагестане, участвовал в тяжелом сражении при реке Валерик, но его шутивное предсказание не сбылось: минуло еще девятнадцать лет, исключительных по перенесенным тяготам и понесенным жертвам, прежде чем Шамиля пленил товарищ Лермонтова по Юнкерской школе князь Александр Барятинский.

Шамиль. Гравюра с фотографии

Кавказ, суровая и прекрасная страна гор, манил к себе, не только русских поэтов. «Для России, — писал военный историк Р. А. Фадеев, — Кавказский перешеек — вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце Азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское».

Молодой Лев Толстой, поймав в Чечне, записал в дневнике, что на Кавказе «так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода». Свобода всегда была для горцев высшим идеалом, и отстаивать ее приходилось с оружием в руках. Главенствующая роль в борьбе горцев

принадлежала имаму (по-арабски — «стоящий впереди») — духовному вождю и на деле — светскому и военному предводителю, первым, из которых стал Кази-Мулла (1828—1832), а после гибели его преемника Гамзат-Бека (1832—1834) — легендарный Шамиль (1834—1859), сумевший очистить от русских войск значительную часть Чечни и Дагестана.

«Бич христиан»

В эпилоге «Кавказского пленника» Пушкин несколько строк посвятил «проконсулу Кавказа» А. П. Ермолову, связывая с ним скорое и полное покорение горного края:

Но се — Восток подъемлет вой!..
Поникни снежною главой. Смирись,
Кавказ: идет Ермолов!

Пророчество поэта не оправдалось: Ермолов пришел и ушел, а Кавказ остался не умирным. Покончить с мятежными горцами одним решительным ударом обещал царю и его любимец — граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, известный своими громкими победами над персами и турками. Все напрасно.

Первым поднявший знамя газавата Кази-Мулла несколько лет терзал русские тылы, собирая для своих вылазок внушительные скопища до 15 тысяч человек. Он взял Тарки, разграбил Кизляр, осадил крепости Внезапную и Бурную, едва не принудив их к падению, и вот уже возник полстенами Грозной...

Кази-Мулла (Гази-Мухаммед) родился в Гимрах в 1785 году. Рано овладел арабским — языком мусульманской учености и долгие часы проводил в чтении толкователей Корана. Обладая пылким красноречием («сердце человека прилипало к его губам», — говорили горцы), Кази-Мулла стал страстным проповедником священной войны с неверными, собирая приверженцев не только силою слова, но зачастую и силой оружия.

Имя Кази-Муллы, мелькавшее в военных сводках, попало и на страницы изящной словесности. Когда в августе 1831 года он осадил Дербент, там тянул солдатскую лямку Александр Бестужев. Переведенный из Сибири в войска Кавказского корпуса, ссыльный декабрист угодил к штурму турецкого Байбурта и первым ворвался в город. Природная отвага удесятерилась надеждой «изглажения кровью прежних его

поступков». Но вместо награды Паскевич упек его подальше с глаз, в линейный батальон, обрекая на годы унылой гарнизонной службы. В Дербенте Бестужев сумел вернуться к литературной работе и вскоре стал печатать новые вещи под псевдонимом «Марлинский». Нападение же Кази-Муллы на город казалось ему подарком судьбы.

Бестужев участвует во всех вылазках и стычках. Горская пуля пробила его ружье насквозь, повредив шомпол. В журнале военных действий не раз отмечены его отличия, не имевшие, впрочем, ни малейших практических последствий. Эпизоды осады Дербента и экспедиций против Кази-Муллы Бестужев воссоздал в серии очерков «Письма, из Дагестана». По рассказам пленных составил и портрет имама.

«Кази-Мулла среднего роста, некрасив, по лицу рябинки, борода редкая, глаза серые, но светлы и пронизательны. Говорит мало, но выразительно; угрюм, много пишет и часто молится. В битве не участвует мечом, но ободряя своих мужеством и увещаниями. К себе не допускает никого близко и никогда ночью. Если приближается к нему какой бы ни было пришлец, двое стражей держат ружья на взводе и многие сабли наголо готовы изрубить в куски всякого по малейшему мановению вождя...»

В письме к Н. А. Полевому той же поры, описывая военную обстановку на Кавказе, Бестужев дает более трезвую и глубокую оценку горскому воителю: «Все сунниты собираются под знамена Кази-Муллы, человека очень неглупого и хорошего вождя. Он действует неутомимо, играет назади наших войск и быстро перелетает с места на место, неуловимый нигде. Теперь цель его возмутить все угоды, чтобы растянуть наши войска, — а потом он станет брать города...»

Казалось, Кази-Муллу надежно заперли в Чумкескенте, но в момент решительной схватки он ушел, оставив неверным свой Коран и залитый кровью молитвенный коврик. Победа досталась русским ценою тяжелых потерь и стоила жизни командиру отряда полковнику Миклашевскому. Мюриды, предпочтя смерть позорному плену, погибли поголовно. «Там не было ни пленных, ни раненых», — пишет Бестужев.

В «Прокламации жителям Дагестана» генерал Панкратьев неосторожно объявил, что Кази-Мулла разбит и «шайки разбойников более не существует: все они или убиты или рассеяны, как прах земной от сильного ветра»¹.

Положение дел было вовсе не так безоблачно; сильный ветер мог не только развеять дорожную пыль, но и собрать грозовые тучи. Опасаясь распространения мятежа на другие части Кавказа, военные власти предприняли ряд внушительных карательных экспедиций, огнем и мечом приводя аулы к покорности. Старые кавказские бойцы, генерал Вельяминов и полковник Клюге-фон-Клюгенау, наступая на пятки Кази-Муллы, загнали имама в родной угол гимринское ущелье.

«Русские могут попасть в Гимры только в виде дождя», — говорили горцы, надеясь на неприступные каменистые склоны. Но русские пришли, и дождь, пролившийся на Гимры, оказался свинцовым. 17 октября 1832 года три штурмовые колонны обрушились на селение. «Неприятель не имел почти никакого отступления: ему должно было либо умереть с оружием в руках, либо бросаться с утеса чрезвычайно высокого. Он дрался с величайшим ожесточением...»¹, — сообщал командир Кавказского корпуса Г. В. Розен в Петербург.

Кази-Мулла погиб, а Шамиль ценою подвига избежал пленения или смерти. Совершив фантастический прыжок из осажденной башни, он оказался между рядами русских солдат. Штык неприятеля пронзил ему грудь и вышел из спины у левой лопатки. Несмотря на страшную рану, Шамиль вырвал ружье из рук рядового и тем же штыком заколол его. Разорвав кольцо ошеломленных врагов, невероятным рывком ушел от погони...

Свидетелем гимринского приступа оказался русский поэт Александр Полежаев. Отданный Николаем в солдаты, он несколько лет провел в боях и походах на Северном

Кавказе. Ратный путь поэта в рядах Московского пехотного полка можно проследить по названиям разоренных горских селений, которыми он озаглавил свои стихотворения и поэмы: «Акташ-Аух», «Эрпели», «Чир-Юрт», «Гер-менчугское кладбище». О Кази-Мулле Полежаев пишет в иронических, если не сказать карикатурных тонах:

Он здесь, он здесь, сей сын обмана.
Сей гений гибели и зла.
Глава разбоя и Корана,
Бич христиан — Кази-Мулла!
«Пророк, наследник Магомета,
Брат старший солнца и луны...»
Вот титла хитрого атлета
В устах бессмысленной страны...

Но не будем спешить обвинять русского поэта в том, что чужой пророк остался для него гением зла, а чужая страна — бессмысленной. Это строки из поэмы «Чир-Юрт». В октябре 1831 года Полежаев участвовал в штурме Чир-Юрта в Чечне и назвал эту битву «достойной примечания в летописях Кавказа». В дыму и грохоте сражения поэт сумел разглядеть главное — чудовищную жестокость кровавой бойни. Невольный участник кавказской драмы, Полежаев, предвосхищая Лермонтова и Льва Толстого, с горечью восклицает:

Есть много стран под небесами,
Но нет той счастливой страны.
Где б люди жили не врагами
Без права силы и воины!..

Тело поверженного имама русские забрали с собой и погребли в Тарках, предварительно высушив на солнце, «Неверные не без оснований опасались, — сообщает секретарь Шамиля Мухаммед Тахир, — что могила богоугодника в Гимрах будет служить постоянным источником вдохновения его приверженцев к газавату против них». В дни своего могущества Шамиль вернул прах имама и похоронил его в родном ауле.

Грозный Имам

В гимринском бою Шамиль получил не только штыковой удар; брошенные в него камни разбили плечо и сломали несколько ребер. Более месяца он вынужден был провести сидя, так как мучительная боль от раны не давала лечь.

Преемником Кази-Муллы стал Гамзат-Бек - «набожный, молчаливый и безжалостный. - пишет о нем Р. А. Падеев, - глубоко обдумывавший свои предприятия и исполнявший их быстро и без огласки»³.

В 1834 году Гамзат совершил поход в Аварию с целью принудить здешних правителей, аварских ханов, к союзу против русских. Осадив Хунзах, он выманил в свой лагерь старших сыновей ханши Паху-бике и приказал их убить. Вспыхнула яростная схватка, в которой Абунунчал-Хан и Умма-Хан погибли. (С последним из братьев, малолетним Булач-Ханом расправился потом Шамиль, бросив его в пропасть.)

На следующий день Гамзат-Бек вошел в Хунзах и казнил ханшу, предрешив тем самым и свой скорый конец. Хунзахцы, возмущенные расправой над ханами, не

смирились с властью мюридов. Через полтора месяца в мечети Хунзаха Гамзат был застрелен заговорщиками, в числе которых находился и Хаджи-Мурат.

Последствием кровавой распри стало появление на сцене нового героя, и ему судьба отвела отныне главную роль в бесконечной кавказской драме: началась эпоха Шамиля, длившаяся более четверти века, и в течение этого времени имперским интересам российского престола противостояли не разрозненные силы горцев, а могучее государство, имамат, управляемое твердой рукой грозного имама.

Взгляды на личность и историческую роль Шамиля с течением времени менялись. Когда-то командир отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головин считал, «что мы не имели еще на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего...»*. Однако то, что в глазах царского генерала делало владыку гор опаснейшим врагом, в советское время, при Сталине, оценивалось совершенно иначе. Теперь он был уже «выдающийся борец за независимость народов Кавказа, он собрал в себе все лучшие черты свободолюбивых горцев» и, хотя «не был последовательным демократом», но все же «вошел в историю нашей страны как герой освободительной войны против феодального угнетения и национального и колониального порабощения, как талантливый вождь и полководец...»*. Противоречивость этих оценок сказывается и сегодня: еженедельник «Аргументы и факты» поместил, например, статью об имаме под характерным названием: «Шамиль — враг и герой»⁶. Так или иначе, грандиозный масштаб личности, выдающиеся военные и административные дарования Шамиля никогда сомнению не подвергались.

«25 лет Шамиль властвовал над горами Дагестана и Чечни, успешно борясь против огромных сил России, — читаем в очерке, посвященном ему энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона. — Менее религиозный, чем Кази-Мулла, менее торопливый и опрометчивый, чем Гамзат-бек, Шамиль обладал военным талантом, большими организаторскими способностями, выдержкой, настойчивостью, умением выбирать время для удара и помощников для своих предначертаний. Отличаясь твердой и непреклонной волей, он умел воодушевлять горцев, умел возбуждать их к самопожертвованию и к повиновению его власти, что было для них особенно тяжело и непривычно. Превосходя своих предшественников умом, 116 он, подобно им, не разбирал средств для достижения своих целей».

Шамиль родился в Гимрах в 1797 году в семье аварского узденя. Мать его была дочерью бека. Первоначальное имя его Али, но так как ребенок часто болел, родители, по местному поверью, сменили его и назвали мальчика Шамилем (распространенная на Кавказе форма имени Самуил).

С юности он отличался значительной силой, прекрасно прыгал и джигитовал, пашку носил с правой стороны, так как был левшой (по другим сведениям, равно владел обеими руками), никогда не пил и не курил. В 14 лет пригрозил отцу, что заколет себя на его глазах, если тот не оставит привычку к вину. С детских лет Шамиль был знаком с Кази-Муллой, а потом сделался его учеником и ярым сторонником в распространении газавата.

Почувствовав новую опасность, русские двинули в Аварию войска. Но ни силовой накат (генерал Фези взял Ашнльту, разрушил Ахульго и зажал Шамиля в Тилитле), ни переговоры, когда имама склоняли лично выразить покорность Николаю, ожидавшемуся на Кавказ, — другими словами, ни кнут, ни горький пряник действия не возымели. В начале сороковых Шамиль укрепился настолько, что в Дагестане не осталось ни одного русского кроме многочисленных пленных, и царские войска удерживали только укрепление Низовое и город Темир-Хан-Шуру. Присланный сюда военный министр князь А. И. Чернышев был так поражен ужасным видом войск,

возвращавшихся из горных экспедиций, что совершенно запретил всякие наступательные операции.

Генерал-фельдмаршал князь М. С. Воронцов

Восстановив на Кавказе наместничество, Николай посадил на эту сковородку графа М. С. Воронцова. (Заметим, что в молодые годы тот повоевал здесь под знаменами 117-го князя П. Д. Цицианова, заслужил два креста и особо отличился тем, что при штурме Ганджи вынес из-под огня раненного П. С. Котляревского. Но это было сорок лет назад!

Прибыв из Тифлиса на Кавказскую линию, Воронцов, лично возглавил печально знаменитую Даргинскую экспедицию. 31 мая 1845 года, выйдя из крепости Внезапной; войска начали движение к столице Ичкерии.

Кабинетный план, присланный из Петербурга, имел целью поставить в истории с Шамилем жирную точку. Получилась, однако

же, кровавая клякса. Экспедиция провалилась с убийственным треском: из десяти тысяч человек мы потеряли убитыми и ранеными около четырех. Погибли три генерала, в том числе и Диомид Пассек, старший брат университетского друга А. И. Герцена, поместившего в «Былом и думах» краткую эпитафию: «Одни умер блестяще, окруженный признанием врагов, середь успехов, славы, хотя и не за свое дело сложил голову. Это был молодой генерал, убитый черкесами под Дарго».

Измотанные движением в дремучих лесах, под мокрым снегом и градом пуль, потеряв обозы, войска достигли стратегической цели — заняли оставленный и сожженный Шамилем аул. Воронцов оказался в западне. Положение русских, стиснутых со всех сторон горами и неприятелем, было столь плачевно, что по легенде (совершенно недостоверной, но хорошо передающей победное упоение горцев) главнокомандующего вынесли из окружения в железном ящике.

Пассек же руководил авангардом отряда, посланного за провиантом. Отряд разбили, тело убитого командира осталось на поругание врагу, сухарей наши так и не дождались. Упоминание этого похода есть в первом же кавказском рассказе Льва Толстого «Набег»: «...В Дарги ходили, на неделю сухарей взяли, а пробыли чуть не месяц!» — восклицает один из персонажей.

Толстой не решился назвать экспедицию так, как ее именовали сами солдаты — «сухарной», но намек слышится явный. Когда у Лермонтова в «Валерике» речь заходит о ермоловских временах на Кавказе (пусть недавней, но уже истории), то звучат ностальгические нотки. У Толстого, попавшего на Кавказ через несколько лет после даргинской катастрофы, никакой ностальгии нет и в помине. Для его солдат из «Рубки леса» несчастные «Дарги» — страшный рубеж жизни, как для нас «до» и «после войны». «Много там всякого нашего брата осталось» — заключает один из героев.

Открыв тему Шамиля в «Набеге», Толстой вернулся к ней в «Хаджи-Мурате», где рисует его еще в пору высшего могущества, но уже как будто уставшим от бремени власти и войны: «...На имаме не было ничего блестящего, золотого или серебряного, и высокая, прямая, могучая фигура его, в одежде без украшений, окруженная мюридами с золотыми и серебряными украшениями на одежде и оружии, производила то самое впечатление величия, которое он желал и умел производить в народе. Бледное, окаймленное под, стриженной рыжей бородой, лицо его с постоянно сощуренными

маленькими глазами было, как каменное, совершенно неподвижно. Проезжая по аулу, он чувствовал на себе тысячи устремленных глаз, но его глаза не смотрели

Отголоски кавказского грома слышны и в «Записках из мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Острожная судьба свела писателя с офицером, чей простоватый характер, да и имя — Аким Акимыч, невольно заставляют вспомнить лермонтовского штабс-капитана. Правда, от него мы не узнали никаких романтических историй вроде похищения Бэлы. Его рассказ — это грубая кавказская проза: Аким Акимыч заманил к себе в крепость и самочинно расстрелял мирного горского князька, незадолго до того устроившего предательский набег. Невысказанная будущим автором «Преступления и наказания» мораль, по-видимому, такова, что за бессудно пролитую кровь поплатился каторгой бедный прапорщик. Истинные же высокосановные виновники кавказской бойни, в которой текли потоки горской и русской крови (как и доньше у нас ведется) остались вовсе без всякого суда.

Неудача указала Воронцову иной путь — медленной наступательной войны во всех пунктах. В конце 1840-х были взяты две твердыни Дагестана — аулы Салты и Гер-гебиль. Осада и штурм селения Салта (это современное и 120 более точное название аула) вошли в историю Кавказской войны как одно из самых долгих и кровопролитных сражений. Закрывая выход из горных теснин в долину реки Самура, аул занимал важное стратегическое положение на юге Дагестана. Это хорошо понимал Шамиль, надежно укрепив селение и сосредоточив там вооруженный гарнизон. Участвовавшие в операции царские войска (восемь батальонов пехоты, до полутора тысяч конной и пешей милиции при шестнадцати орудиях.) возглавил сам наместник.

Приступив к осаде 26 июля 1847 года, Воронцов лишь 14 сентября взял аул. Длительная блокада велась по всем правилам военно-инженерного искусства: с рытьем галерей, устройством брешь-батарей, сокрушительной артподготовкой и подкопом для закладки минного заряда под укрепленную башню. Заключительный рукопашный бой длился семь часов. На выручку осажденным защитникам аула пришел отряд Хаджи-Мурата, но он был отброшен частями карабинеров. «Салты пали, — сообщает военная хроника, — но штурм и взятие их стоили русским огромных потерь, простиравшихся до тысячи двухсот человек убитыми, ранеными и контуженными; в том числе были убиты около ста офицеров»¹. (Среди павших значился и адъютант наместника Михаил Глебов, в прошлом приятель и секундант на последней дуэли М. Ю. Лермонтова.)

Отдавая дань справедливого восхищения грозному противнику, Воронцов писал военному министру: «При долголетнем опыте мне редко случалось видеть неприятеля более упорного и стойкого, как гарнизон укрепления Салты, который составлен был из лучших и храбрейших людей Дагестана. Упрямое сопротивление этого гарнизона превосходит все, что в европейской войне может быть известным»¹. Много повидавав на своем боевом веку, 12 Воронцов едва ли здесь кривил душой в попытке оправдать бесконечно затянувшиеся баталии. Он был слишком опытен, чтобы вновь пуститься в рискованную авантюру наподобие даргинской, но в то же время и слишком стар, слишком обременен знатностью и богатством, чтобы решительно устремиться к победной цели. Стало очевидным, что роль кавказского триумфатора уготована историей вовсе не ему.

В период Крымской войны Воронцова сменил Муравьев. На Кавказ его еще в 1816 году привез Ермолов. Царь Николай его едва терпел и дважды удалял со службы, не цену ему знал прекрасно — в то время это был один из самых образованных, опытных и мыслящих русских генералов.

Николая он просто презирал, а о своем назначении высказался вполне определенно: «Не милостью царской было мне вверено управление Кавказом, а к тому

государь был побужден всеобщим разрушением, там водворившимся от правления предместника моего...»⁹.

В письме к Ермолову он с резкой прямоотой подвел итог воронцовской эпохе на Кавказе: «Посудите, каково мое положение: исправить в короткое время беспорядки, вкоренившиеся многими годами беспечного управления, а в последнее время н совершенным отсутствием всякой власти и управления! ...все погрязло в лени и усыплении». ¹⁰

Но воевать с горцами Муравьев не любил и за все двадцать лет прежней кавказской службы не разорил ни одного аула. Зато он дважды брал у турок неприступный Карс. Первый раз еще при Паскевиче, второй раз — во время Крымской войны (за что и получил почетную приставку к фамилии — Карский). И Шамиль при нем как будто затих, хотя турецкий султан и присвоил ему титул генералиссимуса черкесских и грузинских войск.

«Звезда князей»

Князь А. И. Барятинский

„Звезда князей» — так в одном из своих писем Шамиль обратился к человеку, которому суждено было оборвать его орлиный полет и которому, несмотря ни на что, даже находясь в многолетнем плену, имам доверял полностью и до конца. Александр Иванович Барятинский — личность „е менее даровитая и крупная, чем его предшественники на посту наместника Кавказа. В историю отечественной литературы он вошел как герой юношеских поэм Лермонтова, а в нашей военной истории знаменит тем, что сумел положить конец казавшейся уже бесконечной Кавказской войне.

Отпрыск древнего княжеского рода, он начал службу юнкером, окончил генерал-фельдмаршалом и был удостоен многих высших наград империи, щедро оплатив их собственной кровью. Его боевая судьба складывалась так, что он уезжал с Кавказа и неизменно возвращался сюда вновь. Ровесник и товарищ Лермонтова по Юнкерской школе, Барятинский вышел из нее корнетом лейб-кирасирского полка и вел жизнь, вполне достойную «золотой молодежи»: его кутежи и веселые проделки шумели по всему Петербургу. «Своим легкомысленным повелением, — сообщает современник. — он навлек, наконец неудовольствие императора Николая Павловича, и ему пришлось серьезно задуматься над поправлением своей пошатнувшейся репутации. Князь **А. И.** не долю колебался в выборе средств и заявил категорическое желание ехать на Кавказ, чтобы принять участие в военных действиях против горцев»¹⁵.

Понюхать порошу за Терском и Кубанью и получить на грудь заветного «Георгия» или «Владимира» с мечами мечталось многим. Правда, вблизи все выглядело совсем не так романтично, как из столичного далека. Путь к славе давался невероятным трудом: нужно было еще вдоволь наглотаться едкого дыма и походной пыли и украсить петербургский мундир следами пота и крови. Школа горной войны едва не закончилась для Барятинского в первой же закубанской экспедиции: он

получил тяжелое пулевое ранение в бок и только чудом остался жив. По возвращении в Петербург был насажден золотой саблей с надписью «За храбрость».

Через десять лет он принял батальон Кабардинского егерского полка и участвовал с ним в Даргинской экспедиции. Пробиваясь из окружения, был ранен пулей в ногу, но остался в строю и получил в награду своего первого «Георгия».

В третий раз он вернулся на Кавказ командиром Кабардинского полка. Воевал в Чечне. Приноровившись к тактике противника, провел ряд успешных операций и в 124 1851 году занял пост начальника левого фланга Кавказской линии. Здесь же начинал в это время свою службу молодой Лев Толстой. Барятинский под именем «генерала» доведен в его рассказе «Набег»: «Через несколько минут на крыльцо вышел невысокий, но весьма красивый человек, в сюртуке без эполет, с белым крестом в петличке. За ним вышли майор, адъютант и еще каких-то два офицера. В походе, голосе, во всех движениях генерала выказывался человек, который себе очень хорошо знает высокую цену».

Именно по совету Барятинского, оценившего храбрость и выдержку Толстого в походе, тот принял решение остаться служить на Кавказе. «Мне многие советуют поступить здесь на службу, — писал он Т. А. Ергольской, — в особенности князь Барятинский, которого протекция всемогуща». Некоторое время спустя, когда надежды на помощь Барятинского не оправдались. Толстой в письме к нему резко высказал всю досаду на неудачи в получении отличий и производстве в офицерский чин. Письмо это, впрочем, по назначению отправлено не было.

*Наместник Кавказа князь Барятинский.
Литография В. Тима. 1859 г.*

Сам Барятинский уверенно продвигался к высшим постам: при Воронцове он стал начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса. Муравьев же не посмотрел ни на его боевые заслуги, ни на близость его к престолу и вынудил князя вновь покинуть Кавказ. При всем желании быть объективным Муравьев в своих записках дает ему просто убийственную характеристику: «Суживающаяся к макушке голова его с редкими волосами как-то не предупреждала в пользу его природных дарований, рыльце было у него красноватое, в чем признавали последствия разгульной жизни. Объяснялся он с некоторым замедлением и повторением слов, похожим на заикание, и гнусил.

Вступивший на престол Александр 11, личный друг Барятинского, судил о нем, кажется, несколько иначе: князь был

произведен в генералы от инфантерии и занял пост наместника Кавказа. Кавказский корпус преобразовали в армию, из России перебросили свежие войска, и лучший стратег империи Д. А. Милютин (впоследствии он двадцать лет был военным министром) разработал план завершения безмерно затянувшейся горной сечи.

Приведем свидетельство. «Ровно в три часа мы явились к князю Барятинскому. Князь носит одно из самых славных русских имен; он ведет свой род от святого Михаила Черниговского — Рюрикова потомка в двенадцатом колене и святого

Владимира — в восьмом. Но князь Барятинский всем обязан самому себе... Ему сорок два года, у него красивая внешность и чрезвычайно приятный голос, которым он очень остроумно рассказывал нам как свои собственные воспоминания, так и всякие анекдоты; он приветлив и милостив, хотя и очень большой боярин... Эта кротость не исключает в нем громадной энергии, когда представляется к тому случай...»¹⁴.

Однажды зимним вечером в Петербурге, в доме братьев Трубецких у Лермонтова произошел спор с Барятинским. «Лермонтов, — вспоминает современник, — настаивал на всегдашней его мысли, что человек, имеющий силу для борьбы с душевными недугами, не в состоянии побороть физическую боль. Тогда, не говоря ни слова, Барятинский снял колпак с горящей лампы, взял в руки стекло и, не прибавляя скорости, тихими шагами, бледный прошел через комнату и поставил ламповое стекло на стол целым; "о рука его была сожжена почти до кости, и несколько недель носил он ее на привязи, страдая сильною лихорадкой. Я ожидал найти в князе Барятинском, приятеле государя... Хотя о нем вообще судят как о человеке ограниченном охотно пускался в суждения о предметах отвлеченных военного искусства, с которыми, вероятно, незадолго перед тем познакомился чтением. И в разговоре с ним нашел бы я приятного собеседника, если б было у меня время слушать его празднословие...»¹².

Лермонтова Барятинский не понимал и не любил, может быть, потому что изображен в его юнкерских поэмах вовсе не в привлекательном виде. По словам П. А. Висковатого, биографа поэта, многие из школьных товарищей Лермонтова «обратились в злейших его врагов. Один из таковых — лицо, достигшее потом важного государства!

Когда мы заговаривали с ним о Лермонтове. Он называл его самым «безнравственным человеком» и «посредственным подражателем Байрона» и удивлялся, как можно им интересоваться...»¹⁵.

Начальником штаба Кавказской армии во времена Барятинского был Дмитрий Алексеевич Милютин. Первоначальное образование он, как и Лермонтов, получил в университетском благородном пансионе, поступив туда лишь годом позже поэта. Товарищи по пансиону доверили ему редактирование рукописного журнала «Улей», где увидели свет и ранние стихотворные опыты юного Мишеля. Избрав военную карьеру, Милютин участвовал в трехмесячной осаде «орлиного гнезда» Шамиля — Ахульго — и получил там пулю в правое плечо и Владимирский крест с бантом. В начале 1840-х служил обер-квартирмейстером на Кавказской линии. Впоследствии Милютин был отозван в Петербург и занял кафедру в военной академии. Здесь он создал капитальное трехтомное исследование — «Описание войны 1799 года», посвященное «последней и блистательнейшей кампании Суворова».

В полной мере как крупный военный деятель и мыслитель Милютин проявил себя на посту военного министра России. Находясь в этой должности в течение двадцати лет (1861-1881), он провел череду масштабных прогрессивных преобразований, соответствовавших духу времени и возросшим техническим возможностям. Именно ему Россия была обязана введением общей воинской повинности, а армия — увеличением боевого состава и улучшением материального быта. При нем была введена военно-окружная система, осуществлен переход на новые виды вооружений, отменены телесные наказания и сокращен срок службы.

В воспоминаниях, написанных генерал-фельдмаршалом Милутиным, несколько страниц посвящены Университетскому пансиону тех времен, когда в нем находился и Лермонтов. Существует предположение, что у него хранились и неизвестные рукописи поэта. Напомним также, что именно Милютин, как военный министр, дал в 1880 году официальное разрешение на создание в Николаевском кавалерийском училище (бывшая Юнкерская школа) первого в России лермонтовского музея.

«Поздравляю кавказскую армию!»

Когда пленного Шамиля вывезли в Россию, кто-то спросил у него, почему он не сдался раньше. Грозный имам ответил:

— Я был связан своей присягой народу. Что сказали бы про меня? Теперь я сделал свое дело. Совесть моя чиста, весь Кавказ, русские и все европейские народы отдадут мне справедливость в том, что я сдался только тогда, когда народ в горах питался травой. Теперь русские овладели Дагестаном, благодаря тому, что явились к

Лезгинцы. Гравюра по оригиналу Т. Горниелла

нам, как снег на голову...

Более четверти века Шамиль был владыкой гор, но к концу 50-х годов позапрошлого века безнадежность его борьбы против русского оружия стала очевидной. Население Чечни и Дагестана было измучено и обескровлено бесконечной войной. Силы Шамиля таяли на глазах, он терял одну горную крепость за другой, и даже самые преданные наибы, видя бессмысленность дальнейшей борьбы, сдавались без бон и переходили на сторону врага. Самый могущественный из них Даниэль-бек, сняв с себя оружие, лично явился к Барятинскому для изъявления покорности.

Русские сформировали три крупных ударных отряда — Чеченский, под командованием генерал-лейтенанта Евдокимова, Дагестанский (генерал-адъютант барон Врангель) и Лезгинский (генерал-майор Медиков), начавшие постепенно и неотвратимо стягивать вокруг Шамиля последнее железное кольцо. Генерал Евдокимов проник с войсками в Ичкеррию и разрушил до основания укрепленную резиденцию Шамиля — аул Ведено.

Для последней обороны Шамиль избрал высокогорный аул Гуниб, расположенный на неприступной горе Гуниб-Даг, куда русские, казалось, могли попасть действительно только в виде снега или дождя. Спустя много лет в этих местах побывал путешественник и очеркист Евгений Марков, оставивший описание Гуниба:

«Какая-то отрадная дремота разлита кругом в этой безмолвной горной пустыне. Ничто не напоминает ее трагической катастрофы, ее сурового прошлого. И березовая роща на горе, в которой, быть может, грозный имам совершал вдали от всех свой вечерний намаз, где он молился и размышлял в суровом безмолвии, откуда он следил с содроганием сердца за движением русских отрядов, стягивавших его все теснее в железное кольцо, — эта роща глядит теперь на нас своими молоденькими белыми стволами, своими распущенными косами, с наивной прелестью невинной белокурой девушки. Гуниб даже не мертвый город, Гуниб — настоящее кладбище, кладбище кавказской независимости... мрачная гунибская могила, унесенная за облака, вход в которую стерегут там внизу русские штыки и пушки...»¹⁶

Гуниб. Панорама XIX в.

В августе 1859 года войсками был обложен Гуниб, где с имамом укрепились несколько сот самых верных ему мюридов. «Не ограничиваясь природной крепостью Гуниба, — доносил Барятинский в Петербург, — Шамиль употребил все средства сделать его совершенно неприступным; он подорвал порохом все скалы, куда представлялась малейшая возможность добраться; он

заградил все тропинки, ведущие на Гуниб... толстыми стенами, башнями, двух- и трехъярусными оборонительными постройками везде заготовил огромные кучи камней для сбрасывания на атакующих; одним словом, приготовил оборону, какую только средства его и искусство в этом деле горцев могли представить»¹⁷.

Находясь в глухой блокаде, Шамиль не помышлял о сдаче. На переговорах ему от имени главнокомандующего предлагали покориться, обещая за это свободный выезд в Мекку для постоянного там пребывания. Не давая прямого ответа, Шамиль запросил в заложники русскую генерала, пока не будет получено согласие султана на переезд его с семьей в Турцию. На решительное требование сложить оружие последовал гордый ответ:

— Да совершится воля Аллаха! Гуниб — гора высокая, я стою на горе, надо мною, еще выше. Бог. Русские стоят внизу. Пусть берут меня штурмом. Моя сабля остра и рука готова...

Барятинский отдал приказ к атаке. Ночью солдаты Апшеронского полка, преодолевая уступ за уступом, вскарабкались по отвесным склонам. В отчаянной схватке они перекололи защищавших завалы мюридов. С другой стороны на Гуниб проник штурмовой отряд знаменитого Ширванского полка. Отрезанные от своих, мюриды предпочли пленению верную смерть, погибая под ударами штыков или бросаясь в бездонную пропасть.

*Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 г.
С картины Т. Горюхова*

Теперь под прямой угрозой оказался аул, где укрылся Шамиль. Тому, кто возьмет его живым, было обещано в награду 10 тысяч рублей. В ауле, как пишет в очерке «Штурм Гуниба и пленение Шамиля» подполковник Семен Эсадзе, «происходили душераздирающие сцены: объятые ужасом женщины, растрепав свои волосы, с плачем и криком отчаяния бросались к ногам имама и, целуя полы его одежды, умоляли его покориться своей несчастной судьбе, иначе разъяренные солдаты

ворвутся в их жилища и предадут все разорению. Взмолванный Шамиль боролся между мыслью о героической смерти, обещавшей ему Магометов рай, и перед предстоявшим ему вечным позором»¹¹,

К нему был послан полковник Лазарев, сумевший убедить имама прекратить сопротивление и не губить свою семью и верных ему людей. После мучительных колебаний шестидесятилетний имам сложил оружие.

25 августа в 4 часа пополудни князь Барятинский принимал плен Шамиля в березовой роще, сидя на камне, и на следующий день отдал самый короткий и самый впечатляющий приказ в своей жизни:

«Шамиль взят — поздравляю Кавказскую армию!»

«Я только простой уздень...»

Услышав от Барятинского, что теперь его участь будет зависеть от императора, Шамиль произнес в ответ:

— Сардар Я не внял твоим советам — прости и не осуждай меня! Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за веру; но теперь народы мои мне изменили, наибы мои разбежались, да и сам я утомился борьбой. Я стар, мне 63 года. Поздравляю вас с владычеством над Дагестаном и от души желаю государю успеха в управлении горцами для их собственного блага.

Барятинский не стал разоружать Шамиля, зная, что тем самым жестоко оскорбил бы его. Впоследствии Шамиль говорил, что в этот момент был готов заколоть себя на глазах Барятинского при первом же оскорблении.

Сдавшихся мюридов распустили по домам, а Шамиля с семьей, окруженных многочисленным конвоем, доставили в Темир-Хан-Шуру. Его не покидали опасения, что русские готовятся совершить над ним казнь, и последние сомнения на этот счет оставили его лишь после встречи с царем.

Через Моздок, Георгиевск и Ставрополь Шамиль и сопровождавшие его сын Гази-Мухаммед и два мюрида были отправлены в Россию. Горный орел навсегда простился с Кавказом. 15 сентября в Чугуеве, где Александр 11 производил смотр войскам, Шамиль предстал перед государем. Он выглядел бледнее обычного.

— Я очень рад, что ты наконец в России; жалею, что этого не случилось ранее. Обещаю, что ты не будешь раскаиваться, — произнес император и при этих словах обнял и поцеловал Шамиля. После краткого пребывания в Москве и Петербурге местом его ссылки была определена Калуга, где с Шамилем находилось чуть больше 20 человек — члены его семьи и мюриды. На содержание из казны было отпущено 15 тысяч рублей в год. Пленнику отдавались все почести, положенные по этикету высокопоставленному лицу. В то же время конвой и тайная охрана вели неусыпный надзор, пресекая всякое общение с «лицами с Кавказа». О Шамиле в эти годы рассказывают записки Е. Маркова:

«Я видел Шамиля в лицо, говорил с ним, пожимал его руку. Он был тогда пленник, но и пленник глядел владыкою, горделивым и грозным повелителем гор.

Что-то царственное и первосвященническое было в маститой фигуре имама, когда он приближался своим твердым и неспешным шагом, высокий, статный, несмотря на свои годы, в белой, как снег, чалме, с белой, как снег, бородой, оттененной длинною черною одеждою, с проникающим взглядом сурово смотрящих глаз на строгом бледном лице, полном ума и непоколебимой воли...»⁹.

В 1861 году Шамиль вновь побывал в Петербурге и виделся там с Барятинским. Князь сказал ему, что любит его, как брата. В Царском селе Шамиля принял император, имам преподнес ему богатую золотую шашку. На просьбу Шамиля о выезде в Мекку государь обещал со временем выполнить и это желание. Это был вежливый отказ, но пока на Западном Кавказе продолжалась война, на другой 135

ответ рассчитывать не приходилось. Только в 1864 году сопротивление горцев было сломлено окончательно.

В 1866 году в зале калужского дворянского собрания Шамиль и его сыновья Гази-Мухаммед и Мухаммед Шафи принесли присягу на верноподданничество России. В том же году Шамиль присутствовал на свадьбе цесаревича Александра (будущего Александра 111).

Однако и теперь власти не решались отпустить своего пленника, опасаясь, по словам великого князя Михаил Николаевича, ставшего в то время наместником Кавказа что «как турецкое правительство, так вообще и многочисленные недоброжелатели наши, пребывающие в Турции не преминули бы употребить усилия, чтобы извлечь пользу из пребывания там Шамиля и сделать его орудием для действия на кавказских мусульман во враждебном для нас

Еще три года спустя Шамиль с семьей был переведен на жительство в Киев, куда он переехал по железной дороге. В марте 1869 года в письме Барятинскому пленник сообщил, что военный министр известил его о разрешении государя на выезд в Мекку и благодарил князя за содействие и помощь в исполнении своего давнего желания.

Письма Шамиля

На протяжении своего долгого пребывания в России и потом, уже находясь за ее пределами, в Медине, Шамиль адресовал Барятинскому несколько писем. Первое из них написано со слов имама по-русски, а остальные, по просьбе Барятинского, уже по-арабски и самим Шамилем. «Я всегда с удовольствием узнаю всякую добрую весть о вас - писал князь. — Продолжайте извещать меня о себе и пишите прямо по-арабски. При мне есть довольно людей знающих основательно этот язык; они верно передадут ее содержание ваших писем, которые таким образом будут для меня ценнее, ибо они останутся у меня, как память о вас и прямое выражение неискаженных ваших чувств ко мне»²¹ -

После смерти Барятинского тексты переведенных восьми писем Шамиля и трех писем его жен были опубликованы в журнале «Русская старина», откуда мы и приводим наиболее интересные отрывки.

//-го сентября /859 г. — Калуга.

Князь Наместник! Сын мой едет на Кавказ за нашим семейством. Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить тебе всю мою благодарность и признательность за твое ко мне внимание и ласку. Я понимаю и чувствую, что только благодаря тебе я был принят так милостиво Государем. Он совершенно успокоил меня, сказав, что я не буду раскаиваться в том, что покорился России.

Государыня, все Царское семейство и все главные начальники тоже оказали мне большое внимание и всем этим я обязан тебе. Государь назначил мне местом жительства Калугу и в этом городе мне приготовили удобное и прекрасное помещение. Братья твои, которых я видел в Петербурге, очень были со мной ласковы; я был у них в ложе в театре и получил в подарок бинокль...

До меня дошли слухи, что ты болен, это меня очень огорчило; от души прошу Бога, чтобы он возвратил тебе здоровье...

24-го августа 1660 г. — Калуга.

Еще прошу у Бога, чтобы он не изгладил из вашего ума и памяти воспоминания обо мне и чтобы Он помог вам сдержать обещание, данное вами мне в благословенной

Москве, в прошлом году, а именно чтобы я мог видиться с вами хоть самое короткое время, ибо мне нужно переговорить с вами с полчаса.

Когда до нас дошла весть, что великий Государь Император повелел принять сына нашего Мухаммедф-Щефи в военную службу в Собственный Его Величества конвой и даже оказал ему милость пожалованием офицерского чина, мы несказанно обрадовались этому, потому что Государь почтил нас и отличил между другими людьми.

10 сентября 1816 г.- Калуга

Мы возвратились благополучно в Калугу, довольные лаской и вниманием Государя, благодарные за его постоянные к нам милости и щедроты, и молимся о даровании всех благ Приносить благодарность благодетелю есть обязанность, но мы имели особый почет от Государя, получив подарок прямо из его славной руки, так что от этой милости разрушили вы врагов моих и возрадовались сердца друзей моих.

(Здесь, вероятно, речь идет о портрете Александра 11, который император преподнес в дар своему пленнику.)

14 февраля 1865 г.- Калуга

От души радуюсь великому событию окончательного покорения Кавказа - событию, которое принесет два этого края полное спокойствие и счастье; быть может, в настоящее время и я удостоюсь осуществления моей заветной и известной вам надежды. Считаю приятнейшею для себя обязанностью поздравить вас с всемилостивейшим пожалованием вам бриллиантовой сабли.

Затем да сохранит вас Бог от огорчений и да исполнятся все ваши ожидания
Подписано: Раб Божий бедный старец Шамиль.

В примечании к этому письму, сделанном ученым-кавказоведом А. Берже, было сказано следующее: «Если не ошибаюсь, то Шамиль напоминает здесь о своей заветной мечте выехать из России в Мекку и Медину к умереть, поклонившись Могиле Мухаммеда. На Кавказе были такие слухи, что он искренне желал разрешения возвратиться на свою Родину в Гимры, в Дагестане».

В 1862 году Барятинский по болезни вышел в отставку и покинул Кавказ, получив в награду за ратные труды звание генерал - фельдмаршал и бриллиантовую саблю с надписью «В память покорения Кавказа».

2-го января 1869 г. - Киев

Считаю, священной обязанностью от души поблагодарить ваше сиятельство за вашу доброту и внимание, которое вы оказывали мне в именин вашем. С восторгом вспоминаю те дни, которые я провел в вашем доме, и пока я жив, не забуду их...

По выезде из вашего имения я благополучно прибыл в Киев и расположился с семейством в доме, приготовленном для меня от правительства. Киев я нашел одним из лучших городов, которые мне приходилось видеть в Российской империи, как по хорошему климату, так и по красивому гористому местоположению, которое напоминает мне родину, где я родился и вырос.

Письмо о разрешении отравиться мне ко святым местам написано мною и отправлено 19-го минувшего декабря на имя Его Императорскою Высочества Великого Князя Михаила Николаевича, содержание которого передаст вашему сиятельству податель сего сын наш Абдуррахим.

(Абдуррахим — зять Шамиля, муж его старшей дочери Нафисат)

4-го марта 1869 г. — Киев.

Государь император всемилостейше соизволил разрешить мне, согласно моей просьбе, отправиться с семейством в Мекку, оставив в России сыновей моих Гази-Мухаммеда и Магому-Шефи. Я прошусь в Санкт-Петербург, чтобы лично выразить мою глубокую признательность Государю Императору, и когда получу разрешение, то непременно долгом сочту посетить ваше сиятельство и принести вам свою искреннюю благодарность за ваш совет и участие, которое в принимали в моей просьбе.

14-го января 1871 г. — Священный город Медина.

Вот в чем заключается просьба моя к вашему сиятельству. Со дня прибытия моего в благословенный город Медину я не встаю более с постели, удрученный бесчисленными недугами, так что мысль моя обращена постоянно переходу из этого бренного мира в мир вечный. Если это свершится, то прошу вашей милости и великодушия не отвратить, после смерти моей, милосердных взоров ваших от моих жен и детей, подобно тому как вы уже облагодетельствовали меня, чего я не забуду.

Полагаю, что это письмо есть прощальное и последнее перед окончательною разлукой с нами искренно преданного вам человека, жаждающего переменить жизнь на смерть, по воле Того, кто сотворил и ту и другую. — Больной слабый Шамиль.

(Примечание А. П. Берже; «Шамиль скончался в том же году и предан земле в Медине, близ мечети и в нескольких шагах от могилы Фатьмы, дочери Мухаммеда».)

«Звезда князей», беспощадный противник, а потом доверенное лицо Шамиля — князь Барятинский, провел последние дни за границей, умер в Женеве в 1879 году.

Награды и кровь

Русских наград, связанных с событиями Кавказской войны, не так много. В 1839 году была учреждена медаль «За взятие штурмом Ахульго» — в память одной из самых грандиозных битв, разгоревшихся на скалистых уступах в Северном Дагестане. Блокада этого «орлиного гнезда» Шамиля продолжалась 80 дней. Руководил осадой 140 П. Х. Граббе. Он получил свитский титул генерал-адъютанта и орден святого Александра Невского. Полковник п. д. Милютин — тяжелую рану в плечо и орден святого Владимира 4-й степени. Трижды раненый М. Х. Шульц — более почетного Георгия 4-й степени. Потери же с обеих сторон составили несколько тысяч человек. Шамиль лишился в Ахульго жены Джавгарат и маленького сына Саида. Предел испытаний оказался слишком высоким и для его старшей сестры Фатимат: закутав лицо платком, она бросилась в горную реку Койсу. Во время прорыва из окружения сын Шамиля Гази-Мухаммед получил штыковую рану в ногу.

Прошло долгих двадцать лет, и только после падения Гуниба была учреждена в 1860 году еще одна медаль (серебряная и бронзовая). На лицевой стороне — вензель Александра II, на оборотной — надпись по окружности «За покорение Чечни и Дагестана», а в центре — даты: «в 1857, 1858, 1859». Война велась так долго, что теперь историки спорят, когда же именно она началась. А выбор дат для этой медали должен был, вероятно, подчеркнуть особую роль князя Барятинского, при котором русские добились решающих успехов. Участники боев получали, разумеется, и другие награды: офицеры и генералы — ордена, а нижние чины — знак отличия военного ордена (солдатский Георгиевский крест). Цена этих наград была чрезвычайно высока. За годы кавказской службы Барятинский получил несколько ранений и собственной

кровью оплатил ордена Александра Невского, Владимира 1-й степени и Георгия 2-й, Андрея Первозванного с мечами и золотую саблю с надписью «За храбрость».

В 1850 году цесаревич Александр (будущий император Александр II) побывал на местах сражений с горцами на Северном Кавказе. Обстоятельства сложились так, что 26 октября в Чечне на Рошинской поляне его конвой столкнулся с отрядом мюридов. Цесаревич, оставив позади свиту, вместе с казаками участвовал в стычке и храбро держался под пулями чеченцев. Очевидец происшествия — кавказский наместник Воронцов — представил его к награде орденом святого Георгия 4-й степени. Государь Николай Павлович это ходатайство удовлетворил и, ожидая, пока наследник получит крест в установленном порядке, послал ему свой собственный. Не у всех, впрочем, наградные дела складывались столь удачно. Так, по представлению генерала Вельяминова, в котором отмечалось, что Полежаев «находился постоянно в Стрелковых цепях и сражался с заметной храбростью и присутствием духа», поэт был произведен в унтер-офицеры, но в дальнейшем повышении ему отказали. Да еще за поэму "Эрпели", прочитанную в кругу офицеров, автор был удостоен своеобразной литературной премии: дивизионный командир генерал Розен 4-й презентовал ему 25 рублей. Солдатский крестик не получил и опальный Александр Бестужев хотя его шинель была изорвана пулями, а награду, по обычаю того времени, ему присудили сами солдаты. В ноябре 1832 года он писал об этом из Дербента брату Павлу: «В батальон прислано два Георгия; один, по избранию нижних чинов, ротных командиров и батальонного командира присужден мне... я заслужил этот крест грудью, а не про-исками, и желаю его иметь поминкой Кавказа»²⁷. Надежды декабриста на знак отличия не оправдались; согласно монаршей воле, о его боевых заслугах можно было только доносить, но к повышению не представлять.

У Лермонтова о наградах говорится мало. В повести «Княжна Мери» есть замечание о Грушницком: «У него георгиевский солдатский крестик». И в очерке «Кавказец» размышляя о превратностях кавказской службы, поэт сообщает о своем персонаже: «Хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут».

Обошли награды и фейерверкера 20-й артиллерийской бригады Льва Толстого. Первый раз, когда он участвовал в походе, но формально еще не числился на военной службе. Второй — когда за упущение получил взыскание и во время награждения сидел под арестом. «То, что я не получил креста, очень огорчило меня, — заносит он в дневник. — Видно, нет мне счастья. А признаюсь, эта глупость очень утешила бы меня...» Был еще случай, когда по совету батарейного командира Толстой уступил Георгиевский крест старому солдату (тогда эта награда давала право на пожизненную пенсию в размере жалованья). В рассказе «Рубка леса» писатель приводит рассуждения офицеров о стожившемся в России преувеличенном представлении («предании») о том, что «на Кавказ стоит приехать, чтобы осыпаться наградами». Позднее Толстой пришел к убеждению, что война с горцами намеренно затягивалась высшим командованием. В черновиках повести «Хаджи-Мурат» есть такая запись: «Успех горцев надо приписать тому, что русские баловались войной, поддерживали войну, убивали горцев и губили жизни своих солдат только затем, чтобы поддерживать практику убийства и иметь случаи раздавать и получать кресты и награды»¹¹.

Менее известно, что свои награды были и у горцев. Шамиль ввел их в начале сороковых годов — в пору своего высшего могущества. Судя по арабским надписям, они именовались «орден» (нишан), «знак» (алямат) и даже «медаль». Выглядели эти ордена как круглая, чуть выпуклая бляха, реже имели форму полумесяца или близкую к треугольнику. Выполнялись только из серебра и отделывались чернью, а иногда и позолотой, могли иметь украшение в виде кисти.

Правом награждения обладал не только Шамиль, но и его наибы. Некоторые знаки имели маленькую тамги (клеймо) в виде полумесяца с именем «Шамиль», что говорило о награде, пожалованной самим имамом. Иногда можно прочесть и имя наиба, даровавшего знак. Часто на наградах изображалась шашка, реже пистолет или ружье, но самыми интересными были надписи — простые («это знак храброго», «обладатель — муж отважный») или по восточному афористичные («кто станет размышлять о последствиях, тот не проявит храбрости»). Высшей награде служил знак, принадлежавший самому Шамилю, с надписью: «Единственный наместник (Мухаммеда), султан величайший и первый из возвеличенных эмир правоверных Шамиль, да продлит всевышний Аллах его государство» Этот орден, как и другие, является настоящим произведением ювелирного искусства.

Последний бросок на юг

Почетный плен Шамиля длился долгих десять лет Старого и больного, получившего за войну девятнадцать ран, его отпустили в долгожданную Мекку, но все-таки еще боялись: в России оставили его сыновей, которые смогли проводить отца только до Одессы. Позднее любимому сыну Шамиля Гази-Мухаммеду разрешат встретиться и проститься с умирающим отцом, но семье его не позволят следовать за ним.

На Востоке Шамиль, рассказано в записках М. Захарьина «Кавказ и его герои», Турецкий султан принял его как царственную особу и при всех поцеловал его руку, «а когда Шамилю доводилось проезжать или идти пешком по улицам турецкой столицы, то османлисы падали перед ним ниц и лежали распростерты на земле все время, пока он мимо них проходил или проезжал»²⁴.

В 1871 году Шамиль скончался в Медине (территория современной Саудовской Аравии) от последствий неудачного падения с коня (по другим источникам — с верблюда). Он покинул земную юдоль, «полный твердой надеждой, что Аллах и Магомед с радостью примут его в лоно вечного покоя и блаженства, ибо он честно выполнил свой земной долг»²⁵. Осенью того же года, по пути из Петровска в Тифлис, последнее орлиное гнездо Шамиля посетил Александр П. Впоследствии здесь, на Гунибе, в реликтовой березовой роще, на том самом месте, где был пленен имам, по приказу русского генерала построили каменную беседку. На историческом камне вырезали надпись: «1859 года 25 августа, 4 часа вечера, князь Барятинский». Годы спустя, во время бесконечных кавказских волнений, неприступный Гуниб вновь был подвергнут блокаде. На этот раз горцы больше двух месяцев держали в осаде русский гарнизон. Именно тогда знаменитая беседка оказалась разрушенной в первый раз. Трудно сказать, кому помешал этот скромный памятник, едва ли добавлявший что-то к славе русского оружия или принижавший славу легендарного имама. Однако из сообщений печати следует, что в наши дни беседка вновь была взорвана неизвестными лицами и на ее месте осталась лишь груда камней, как некогда после бомбардировки крепости Шамиля в Ведено. Так неужели одни развалины да долгое эхо сражений останутся нам горькой памятью той далекой и бурной эпохи? Торопливо листая страницы кровавой кавказской истории, мы едва ли сумеем прочесть ее до конца: беспощадная жизнь пишет их снова и снова

Скажем еще и о том, что Шамилю было знакомо имя Лермонтова, как о том свидетельствуют упомянутые уже записки Захарьина. В 1860 году он посетил имама в Калуге и имел с ним продолжительную беседу. В разговоре речь зашла о Чембаре, вызвавшем интерес Шамиля.

«— А чем отличается Чембар? — спросил он. — Я ответил, что в 12 верстах от этого города находится могила Лермонтова, знаменитого поэта, бывшего кавказского офицера. Я о нем слышал, он описывал Кавказ, — сказал Шамиль»²⁶.

Примечания

1. Кавказский сборник. Т. XXXII. Ч. I. — Тифлис, 1 — С. 80.
2. Там же. С. 161.
3. Покоренный Кавказ. Очерки исторического современного положения Кавказа. — СПб.: Издание А. А. пари. 1904. — С. 391.
4. Бдиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. — М.. 1 — С. 376.
5. Кровяков И. Шамиль. — М., 1940. — С. 5,92.
6. Иванов Р. Шамиль — враг и герой // Аргументы и — 1995. — №20.
7. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого современного положения Кавказа. — Указ. изд. — С. 489.
8. Там же. С. 489-490.
9. За стеной Кавказа — М.: Молодая гвардия, 1989. С 393-394.
10. Там же. С. 392.
11. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в томах. Т. 3. — М.-Л: Academia, 1935. — С. 658
12. За стеной Кавказа. — М.: Молодая гвардия, 1989. — С. 393-394.
13. Дюма А. Кавказ. — Тбилиси, 1988. — С. 170. |4. Литературное наследство. Т.45-46. — М.: Изд. АН СССР. 1948. — С. 742.
15. Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. — М.: Современник, 1987. — С. 178.
16. Марков Е. Очерки Кавказа. — СПб.-М., 1913. — С. 526- 528
17. Кровяков Н. Указ. соч. — С. 78.
18. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. — Тиф-вис. 1909.-С. 201.
19. Марков Е. Указ. соч. — С. 528.
20. Кровяков Н. Указ. соч. — С. 91.
21. Здесь и далее тексты писем Шамиля приводятся по изданию: Князь Александр Иванович Барятинский. 1859-1862 гг. Русская старина. — 1880. — Апрель. — С. 801-812.
22. Васильев В. Бестужев-Марлинский на Кавказе. — Краснодар: Краснодарское книгоиздательство. 1939. — С. 16.
23. Гусев И И. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. — М., 1954. — С. 427.
24. Захарьин И Н. Кавказ и его герои. — СПб.. 1902. — С.480-481.
25. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. — Указ. изд. — С. 451.
26. Захарьин И Н. Указ. соч. — С. 451.

Глава 8

ПЛЕННИКИ ГОР

Белинский, как никто другой, восхищался «Кавказским пленником» Пушкина и под впечатлением от поэмы называл Кавказ страной широкой, раздольной волн. Однако в одном из пятигорских писем критик обмолвился, что черкес, плен и мучительное рабство для него синонимы. Это же противоречие подметили и Лев Толстой, писавший о Кавказе, что «действительно хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода». Но следствием войны зачастую оказывалась как раз несвобода, плен. Наш рассказ—о пленниках гор, реальных и литературных, ибо вымысел всегда порождается жизнью, а жизнь иногда

превосходит пределы самой причудливой фантазии.

«Гнездо разбойничьих племен...»

Первая, нечаянная, поездка Пушкина на юг подарила читающей России «Кавказского пленника». Почти все лето 1820 года поэт провел на Горячих водах. Сюда он приехал с семьей генерала Н. Н. Раевского, младшего сына которого, Николая, знал еще в лицейские времена. «Два месяца жил я на Кавказе, — сообщал он в письме к брату Льву, — воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных. Все эти целебные ключи находятся не в дальнем расстоянии друг друга, в последних отраслях Кавказских гор».

Молодой курорт, расположенный близ Константиногорской крепости, имел довольно живописный вид. «Вообще картина, — замечает современник, — которая представлялась взорам новоприбывшего на воды в Горяродскую долину, поражала своей необыкновенностью: она зараз напоминала и военный лагерь, и шумную провинциальную ярмарку, и столичный пикник, и цыганский табор.

Вид Кавказских гор на горизонте, казавшихся Пушкину «недвижной цепью облаков», произвел на него неизгладимое впечатление. В письме к Н. И. Гнедичу поэт с оттенком сожаления вспоминал, что «с вершин заоблачного бесснежного Бешту видел... только в отдалении ледяные главы Казбека и Эльбруса». Не имея возможности приблизиться к этим главным исполинам Кавказа, Пушкин все же не упустил случая покорить все доступные ему тогда вершины Пятигорья. Несмотря на летний зной.

он проявил себя как неутомимый путешественник и всходил, как сам отмечает в письме к брату, «на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной». Подобные экспедиции были в те времена безопасны и совершались, разумеется, не в одиночку, как правило, верхом. Семью генерала Раевского в поездке на воды сопровождал, например, надежный казачий конвой.

Здесь же, под сенью покоренного Бештау. Пушкин пережил минуты нового вдохновения. В Посвящении к «Кавказскому пленнику», обращенном к Николаю

Раевскому-младшему, он вполне определенно говорит, где возник замысел поэмы, называя этим местом

...Кавказ. Где пасмурный Бешту, пустынный величавый.
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины.
Гремучие ключи, увядшие равнины.
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Где рыскает в горах воинственный разбой,
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?

Работая над «Пленником», Пушкин часто возвращался мыслью к тем дням, что провел среди картин «природы дикой и угрюмой», и перо его не раз выводило на полях рукописи то дорогой сердцу профиль, то очертания крутых, каменистых склонов Бештау. Сюжет поэмы ему подсказала разгоравшаяся на Кавказе война. Русский пленник, которого на аркане приволокли в черкесский аул, едва находит в себе силы, чтобы осмотреться вокруг.

И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада.
Гнездо разбойничьих племен...

Последняя строка, звучащая, казалось бы, как поэтическая метафора, на самом деле приоткрывает реальные обстоятельства, сложившиеся в районе Пятигорья. Еще в 1777 году Екатерина II подписала указ о строительстве Азово-Моздокской укрепленной линии, дабы оградить южные российские пределы от набегов и разбоя. В состав линии первоначально входило десять крепостей. Однако время и первый же опыт пограничной жизни в предгорьях Кавказа заставили сделать незамедлительные дополнения. На имя светлейшего князя Г. А. Потемкина последовал рапорт о необходимости сооружения крепости в районе Бештовых гор:

«Хотя при поднесении всеподданнейшего Ея Императорскому Величеству от вашей светлости доклада о заведении линии и не полагалось крепости при Бештовых горах по неизвестности испытанных дерзновений кабардинского народа и в рассуждении подданства к Самодержавному ее Величества скипетру, но как по обстоятельствам открылось, что кабардинцы, соединяясь каждый раз под теми горами с кубанцами, беслиненцами и прочими своими соседями, все

советы, все приуготовления свои к злодейству устраивают там и в случае погони находят свое закрытие в ущелинах их, то для пресечения таковых скопищ и для

предупреждения от злодейства весьма за нужное полагаю я там построить сверх прежде апробированных одно укрепление, сообразное прочим крепостям...»².

Рапорт подписал астраханский губернатор генерал-поручик И. В. Якоби. Крепость же, воздвигнутая вскоре на берегу Подкумка у склонов пятиглавого великана Бештау получила название Константиногорской (по имени второго внука Екатерины). Близ крепости, там, где высится Машук — «податель струй целебных», возникло поселение Горячие Воды, ныне всемирно известный Пятигорск дальнейшая слава которого связана была уже не с успехами русского оружия, а с успехами отечественной словесности.

Название Бештау несколько раз встречается в планах и черновиках пушкинской поэмы. Сколь можно судить первоначально и место вынужденного пребывания пленника должно было находиться где-то вблизи этой горы. Вот один из черновых вариантов, в котором приводится окружающий героя ландшафт:

Порою вечера ненастной
В пещерах дикого Бешту
Любил он ветров вой ужасный
И бури мрачной красоту
Когда над ним густели тучи
Волнуясь вокруг пяти холмов
И по пустыне прах летучий
Вился как сумрачный покров
И в полукруге их, двуглавый,
Эльбрус огромный, величавый
Белел на небе голубом.

Однако нахождение русского в неволе практически у самых стен русской же крепости выглядело бы явной натяжкой, и автор, видимо, по этой причине отказался от уточняющих топонимов.

«В глухих ущельях Кавказа...»

Основные события войны разворачивались все же в некотором удалении от Горячих вод, и, понимая это, Пушкин признавался в письме к Н. И. Гнедичу, что «сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущельях Кавказа — я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца — где возвышаются в дальнем расстоянии друг от друга четыре горы, отрасль последняя Кавказа...»

К счастью для русской литературы, сам Пушкин в глухие ущелья так и не попал, но что там творилось на самом деле, мы попробуем себе представить.

Справедливости ради отметим, что литературную моду на кавказских пленников открыл для русской читающей публики французский писатель. Звали его Ксавье де Местр. Уроженец Савойи, с присоединением последней к Франции Наполеоном, он эмигрировал в Пьемонт, откуда в 1800 году попал в Россию вместе с армией А. В. Суворова, возвращавшейся из Итальянского похода. Стал офицером русской службы, участвовал в кампании 1812 года. Несколько лет воевал и на Кавказе, где его внимание привлекла история офицера, побывавшего в плену у чеченцев. В ноябре 1808 года майор Каскамбо и несколько других офицеров, сопровождаемые небольшим казачьим конвоем отправились из Моздока в Ларское укрепление на Военно-Грузинской дороге. Путешествие длилось недолго: в двадцати верстах от Моздока команда была атакована

крупной партией чеченцев, достигавшей четырехсот человек. Многие наши были убиты на месте, другие ранены и захвачены в плен. Каскамбо и его денщик, увиденные чеченцами в горы, провели в неволе больше года. Военные сводка сохранили некоторые подробности этой драматической истории. Вот что сообщалось в рапорте командовавшего тогда на Кавказе генерала А. П. Тормасова в Петербург:

«По переправе Майора Каскамбы на нашу сторону объявил он Полковнику Тарасову, что он избавлением своим обязан Сотнику Чернову, который чрез мирных Чеченцев нашел способ открыть с ним сношение, и истощив все средства, чтобы избавить его чрез своих приятелей, послал ему туда по требованию его железную пилочку чтобы он ею перепилил железа и приготовил себя к побегу в назначенное от него место, что употребивши в пользу, Майор Каскамбо принужден был наконец решиться с помощью денщика убить во время ночи хозяина, где он содержался, и жену его собственным того хозяина кинжалом, дабы обеспечить побег свой...»¹.

Повесть де Мистра «Пленники Кавказа» опубликована в Париже в 1815 году на французском языке. События здесь представлены еще более жестко, чем это было в действительности: верный денщик Иван хладнокровно убивает старика-хозяина, его невестку и спящего внука — восьмилетнего Мамета, любимца майора. Беглецы, вырвавшись из недр ущелий и находясь уже у заветной цели — берега Терека, вынуждены были все же прибегнуть к помощи здешнего чеченца, согласившегося за 200 рублей укрыть у себя обессиленного в пути Каскамбо.

Отголоски истории Каскамбо или генерала И. П. Детьюнои, пробывшего в плену у чеченцев больше года, или какой-то другой, услышанной Пушкиным на юге, и дали, вероятно, первоначальный толчок к замыслу поэмы «Кавказский пленник». В давнем романе Д. Л. Мордовцева «Железом и кровью», посвященном ермоловским временам на Кавказе, приводится эпизод, когда Пушкин вместе с Николаем Раевским слушает в духане на Кислых водах поразивший его рассказ бывшего казака. Ветеран, на деревяшке и с солдатским «Георгием» на груди, поведал поэту, как его горцы арканом перетаскивали за Кубань. Свободу ему вернула черкешенка Зюльма, сама распилившая узнику кандалы. Как считал Мордовцев, «рассказ этот и послужил темой для знаменитой поэмы Пушкина». В подтверждение автор добавил от себя особое примечание: «В детстве, в 40-х годах, я знал одного донского войскового старшину, который рассказал мне об этом пребывании Пушкина в Кисловодске»⁴.

«Попасться на аркан какого-нибудь чеченца...»

Реальным источником для «Кавказского пленника» мог стать и рассказ о злоключениях майора Павла Швецова, взятого в плен чеченцами 6 февраля 1816 г. Случай этот получил особую известность благодаря тем решительным мерам, которые принял Ермолов для освобождения своего офицера, считавшегося одним из лучших в Кавказском корпусе. В. А. Потто во втором томе «Кавказской войны» посвятил этой печальной истории особую главу. Швецов служил в Грузинском гренадерском полку и еще под знаменами П. С. Котляревского участвовал в тяжелых сражениях с персами под Асландузом и Ленкоранью. Получив отпуск, он отправился из Шемахи в Кизляр, чтобы повидаться с родными. Надеясь выгадать время, Швецов избрал не кружной путь по Военно-Грузинской дороге, а поехал через Дербент и некоторое время спустя достиг укрепления Казюрт в Северном Дагестане, откуда до желанной цели оставалось уже не более одного дня пути. Тут благоразумнее было бы дожидаться оказии, но Шевцов поступил иначе. Поскольку по заведенному тогда порядку за безопасность проезда отвечали местные владельцы, он обратился с просьбой о конвое к кумыкскому князю Шефи -беку. Из попутчиков и княжеских узденей составилась отряд

в двадцать человек, отважившийся пуститься в последний и, как оказалось, роковой переход. Когда до Кизляра оставалось несколько верст, из придорожных кустов грянул ружейный залп, и следом вылетела партия конных чеченцев.

Итог короткой и отчаянной схватки оказался печальным: большинство путников было убито и ранено, лишь трое смогли прорваться к Кизляру. Сам Швецов потерял лошадь и, оставаясь на поле боя, изрубил шашкою троих врагов, но был повержен неожиданным ударом сзади по голове. В городе подняли тревогу. Брат Швецова, служивший в Кизляре полицмейстером, кинулся с людьми в погоню и, взяв верный след, к ночи настиг нападавших. Вот как рисует этот эпизод военный историк: «Хищники, в свою очередь, увидев, что им не уйти без боя, остановились. С их стороны выехал парламентар, и между тем они вывели вперед пленного Швецова, по бокам которого стали двое чеченцев с обнаженными кинжалами. Парламентар объявил, что если чеченцев не пропустят, они будут драться до последнего человека, но что первой жертвой неминуемо сделается пленный...»¹.

Швецов покорился своей участи и просил брата прекратить преследование. Не встречая больше помех на своем пути, чеченцы ушли в горы и увели пленников, Швецова и его денщика, в аул Большие Атаги. Там их заковали в кандалы и посадили на цепь, а вскоре назначили и цену выкупа — десять арб серебряной монетой. Попытки разыскать пленника в горах успеха не имели, а только ухудшили его положение: Швецова, скованного по рукам и ногам, посадили в глубокую яму, укрытую сверху толстыми досками.

Письмо о цене выкупа денщик майора доставил на Кавказскую линию, которой командовал тогда генерал Дельпоцо. Сумму удалось сбить до двухсот пятидесяти тысяч рублей, но и эти огромные деньги взять было негде. Знаменитый генерал Котляревский и адмирал Головин, лично знавший Швецова, открыли подписку для сбора средств на его выкуп. Среди прочих на их призыв откликнулись солдаты нашего корпуса, оставленного во Франции после разгрома Наполеона. Они отчисляли в пользу Швецова часть своего жалования, но набрать необходимую сумму все же не удавалось.

А. П. Ермолов. Художник П. З. Захаров. 1843 г.

Дело могло затянуться, если бы не вмешался назначенный на Кавказ Ермолов. В письме к матери пленника он чеством поклялся, что участь ее несчастного сына не останется без внимания. Как повествует Потто, Ермолов «приказал генералу Дельпоцо вызвать всех кумыкских князей и владельцев, через земли которых провезен был Швецов, заключить их в Кизляре кую крепость и объявить, что если через десять дней они не изыщут средства к освобождению Швецова, то вес, в числе восемнадцати человек, будут повешены на крепостном бастионе»⁶.

Средства нашлись. Сумму выкупа удалось снизить до десяти тысяч, и Ермолов, не желая платить их от имени правительства, сделал так, чтобы внес их аварский хан. Пленника освободили, когда его душевные и физические силы были на исходе. Оковы на всю жизнь оставили следы на его теле. Он продолжал служить на Кавказе и получил в командование Куринский полк. Умер от лихорадки в 1822 году и был похоронен в Дербенте. Судьба преследовала Швецова и в

Смерть полковника Верховского. Иллюстрация к поэме М. Ю. Лермонтова и к повести А. А. Бестужев-Марлинского «Аммалат-Бек»

могиле. Молодой горец Амалат-Бек был влюблен в дочь аварского хана. Хан потребовал за нее голову своего врага — русского полковника Верховского. Амалат был обязан полковнику жизнью: когда-то его, уличенного в набеge, Ермолов приказал повесить и помиловал только под поручительство Верховского. Но ослепленный страстью Амалат совершает предательское убийство и скрывается в горах. Когда полковника похоронили, Амалат ночью проник на кладбище, чтобы добыть несомненные доказательства исполненного обета, но в темноте ошибся могилой. Беглое

упоминание об этой истории есть в «Записках» Ермолова. Русской публике ее поведал Александр Бестужев-Марлинский в повести «Аммалат-Бек». В особом послесловии автор уверял читателей, что «описанное выше происшествие не выдумка. Имена и характеры лиц сохранены в точности...» Здесь же приводятся и некоторые подробности кладбищенского триллера: «После похорон на другую ночь могила полковника Швецова, за год умершего, была разрыта по ошибке: ее приняли за могилу Врховского, труп вытащили и отрубили у него голову и руку. Об этом до сих пор с негодованием вспоминают все солдаты»⁷.

Хотя в «Кавказском пленнике» Пушкин и упоминает гремящие цепи и ноги узника, закованные в «железы», передать средствами романтической поэмы весь ужас долгого плена было невозможно, к тому же автор имел в виду совсем другие художественные цели. В Посвящении к поэме он не преминул еще раз вспомнить о своем недавнем пребывании в краю, «Где рыскает в горах воинственный разбой». О близкой угрозе нападения Пушкин мог судить и по личным впечатлениям, полученным во время кавказских странствий. В письме к брату он сообщал: «Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка с зажженным фитилем. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца».

Приведем еще выдержку из записок хорошо известного на Кавказе военного топографа Ф. Ф. Торнау: «Вечер когда, к тому же, лица были укутаны башлыками, и у передового ружье вынуто из чехла, редко предвещала добро. Сердце сжималась болезненно, когда в степи неожиданно появлялась шайка подобных ездоков; рука судорожно ложилась на курок ружья или пистолета, и тоску отводило только в счастливом случае, если удавалось разглядеть у них более сапогов, чем чевяк; значит казаки, а не чеченцы и не закубанцы»⁸.

Торнау очень хорошо знал, о чем писал: в свое время он осмелился, как говорили о нем горцы, «сунуть свою голову в пасть волку», то есть в одиночку проникнуть в

горы. Эта дерзость обошлась военному разведчику слишком дорого: он провел в мучительном плену два года и два месяца. Хозяин пленника Аслан-бек Тамбиев надеялся получить за него пять четвериков (двадцать пудов) серебряной монеты. История дошла до государя Николая Павловича, распорядившегося выкупить несчастного офицера, если разбойники умерят требования. Но горцы не пошли на уступки и оценили своего пленника буквально на вес золота. Достоверный и подробный в деталях рассказ Торнау о днях, проведенных в неволе, постоянно заставляет вспоминать пушкинского «Пленника»: здесь и тяжкие оковы, и распиленная цепь, и помощь влюбленной в узника девушки Аслан-Коз, снабдившей его лепешками и ножом, и попытка преодоления при побеге полноводной горной реки Сагуаши. Правда, все описанные действительные события относятся к тридцатым годам XIX века, когда поэма была уже хорошо известна русским читателям. Ну что ж, это тот замечательный случай, когда не литература делает свои проникательные наблюдения над жизнью, а жизнь удивительным образом подтверждает реальность поэтического сюжета.

«Стихи моего сердца»

*Черкешенка и русский пленник. Иллюстрация к поэме
А. С. Пушкина «Кавказский пленник».
Гравюра по рис. А. Лебедева.*

Над «Пленником» Пушкин работал всю вторую половину 1820 года. Первый беловик был закончен к концу февраля следующего года, а еще через месяц в письме к Н. И. Гнедичу (издавшему до этого «Руслана и Людмилу») Пушкин уже сообщает о намерении прислать ему для печати свое новое творение.

Поэма увидела свет в Петербурге в 1822 году. Точнее было бы назвать ее повестью, как значилось на титуле первого и всех последующих изданий. «Назовите это стихотворение сказкой, повестью, поэмой или вовсе никак не называйте», — писал об этом Пушкин своему издателю. Тонкая книжечка в 53 страницы имела приложение — портрет поэта работы Егора Гейтмана. Это

первое изображение Пушкина, появившееся в печати, и Гнедич сделал по этому поводу особое примечание: «Издатели присовокупляют портрет автора, в молодости с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения ознаменованы даром необыкновенным». Получив в Кишиневе только что напечатанного «Пленника», автор в ответном письме поблагодарил Гнедича, о своем портрете заметил: «Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли, примечание издателей очень лестно — не знаю, справедливо ли».

Не будем гадать, чем был вызван ошеломляющий успех поэмы у публики: картинами дикой природы, изображением ли воинственных горцев или историей трогательной любви юной черкешенки к русскому пленнику. «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести... — признавался автор. —

Вообще я своей поэмой очень недоволен и почитаю ее гораздо ниже «Руслана» — хоть стихи в ней зрелее».

Характер главного героя, «потерявшего чувствительность сердца», он считал неудачным, простоту плана близкой «к бедности изобретения» и соглашался, что «поэму приличнее было бы назвать "Черкешенкой"». Некоторая несообразность романтического героя и тех обстоятельств, в которые он поставлен, была для Пушкина вполне очевидна, и он не раз потом (в письмах к Гнедичу, Горчакову, Вяземскому) подвергал весьма критической оценке собственное детище.

Изображая жизнь горцев, он не преминул детально описать их боевое снаряжение («Черкес оружием обвешан. .» и далее), подготовку к воинственным делам («Летал по воле скакуна, к войне заранее приучаясь»), приемы внезапного и неотразимого нападения («верного боя») и, наконец, сбор всего аула для предстоящего набега («Кипят оседланные кони, к набегу весь аул готов»). Для характеристики черкесов у автора приготовлен продолжительный ряд таких эпитетов, как «воинственный», «бранный», «разбойничий», «коварный хищник» и тому подобных. В разделе примечаний поэт объяснил также значения слов, незнакомых русскому читателю (аул, уздень, шашка, сакля, байрам, чихирь) и выписал строки Державина и Жуковского, посвященные Кавказу. Перефразируя слова Белинского о «Евгении Онегине», можно сказать, что пушкинская поэма явилась для своего времени маленькой энциклопедией кавказской жизни.

Белинский, отдадим ему должное, проникательно признал, что «лучшая критика, какая когда-либо была написана на «Кавказского пленника», принадлежит самому же Пушкину». При этом он мог сослаться только на эпизод из «Путешествия в Арзрум», где Пушкин обронил о «Пленнике» всего несколько слов, да еще на краткую заметку из «Опровержения на критики»: ««Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним насмеялись».

Основные же и чрезвычайно интересные замечания Пушкина о поэме рассеяны в его частной дружеской переписке, которая была тогда Белинскому недоступна. Так В. П. Горчакову автор подарил свежий экземпляр «Пленника», а потом дал и некоторые разъяснения: «Замечания твои, моя радость, очень справедливы и слишком снисходительны — зачем не утопился мой Пленник вслед за Черкешенкой? Как человек — он поступил очень благоразумно, но в герое поэмы не благоразумия требуется. — Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гоюсь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX в.». В письмах к П. А. Вяземскому автор «Пленника» дал объяснения некоторых кавказских реалий, не всегда понятных жителям России. Например, о плавании в горных реках: «Другим досадно, что пленник не кинулся в реку вытаскивать мою черкешенку — да, сунься-ка; я плаваю в кавказских реках, — тут утонешь сам, а ни черта не сыщешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в черкешенку — он прав, что не утопился».

В Петербурге в 1823 году пушкинского «Пленника» поставили на балетной сцене. Сделал это знаменитый балетмейстер Карл Дидло, а черкешенку (получившую имя Кзелкая) танцевала Авдотья Истомина. Находясь за тридевять земель от столицы, в Кишиневе, в «бессарабской глуши», Пушкин, сгорая от любопытства, просил в письме младшего брата: «Пиши мне о Дидло, об Черкешенке Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому пленнику». Сценическое воплощение поэмы потребовало идеологических изменений: действие спектакля было перенесено в

Древнюю Русь, а пленник превратился в молодого славянского князя Ростислава. Финал полон торжественного апофеоза: пленный черкесский хан Сунчелей добровольно вступает в подданство России.

Во время поездки в Тифлис дорожные впечатления невольно вернули Пушкина к некоторым сценам «Кавказского пленника»: «Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили и пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе». Теперь, девять лет спустя после первого знакомства с Кавказом, его глазам предстали и горькие плоды «благотворной» деятельности наших военных властей: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набег».

Тема трудных отношений русских с горцами по-прежнему в кругу творческого внимания поэта. Известно, что он вынашивал план кавказского романа, где похищение и плен играли в развитии сюжета не последнюю роль. Уходя от условностей романтической поэмы к грубой прозе жизни, Пушкин искал достоверные детали, рисующие бедственное положение пленника. Характер этих подробностей наводит на мысль, что поэт узнал о них, так сказать, из первоисточника: «Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил. кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками».

Для Пушкина «Пленник» всегда оставался одним из самых любимых творений: «Отеческая нежность не ослепляет меня насчет «Кавказского пленника». — писал он, — но, признаюсь, люблю его сам не знаю, за что; нем есть стихи моего сердца. Черкешенка моя мне мила, любовь ее трогает душу».

Путешествуя по Военно-Грузинской дороге, на станции Ларс Пушкин обнаружил список своей поэмы и был обрадован встрече с собственной юностью: «Здесь нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и. признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно». В эпилоге поэмы есть строки, где автор предрекает то время, когда

Подобно племени Батыя.
Изменит прадедам Кавказ.
Забудет алчной брани глас.
Оставит стрелы боевые...

События наших дней говорят, что, видимо, не все здесь «угадано и выражено верно» и что «бурные дни Кавказа» еще не окончены. Однако истекшее время позволяет толковать пушкинскую поэтическую формулу не только как боевой эпизод, но и как то, что русское сердце навсегда осталось в плену у Кавказа.

«И влек за ним аркан летучий молодого пленника...»

Известно, что поэма Пушкина вызвала волну подражаний, «посвященных, — как отмечалось в критике. — описанию Кавказа, сторожевых казаков, столкновений казака и черкеса, грузинских и чеченских песен и т. п., которые свидетельствуют о господствовавшем в 1820-хн 1830-х гг. эпидемическом увлечении Кавказом...». Напомним, что сюжетной канвой пушкинского оригинала воспользовался и юный Лермонтов, сумевший исправить, так сказать, географическую неадекватность

изображенной там ситуации, реку, в которой тонет черкешенка. Пушкин не удостоил названием, так как Терека к тому времени еще не видел и проявил тут понятную осторожность, упомянув его только » эпилоге, где возвращался к событиям недавней еще военной истории и славил победы нашего оружия на Кавказе. Подкумок же, на берегу которого поэт часто сиживал с Александром Раевским, русскому читателю был тогда совершенно неизвестен и совсем не походил на быструю и глубокую реку с пенными волнами, описанную в поэме.

Лермонтов побывал на Тереке еще в детские годы, посетив с бабушкой Шелкозаводское — имение своих родственников Хастатовых. С тех пор название реки не сходит со страниц его кавказских произведений. Его «Кавказский пленник», хотя и представляет собой даже не подражание, а ученическую попытку переписать заново, на свой манер, пушкинский оригинал, но в географическом смысле возвращает ситуацию на ее законное место: Лермонтов, сообразно имевшимся личным впечатлениям, перенес действие на пограничный Терек, разделивший череду казачьих станиц на левом берегу и чеченские аулы на правом. Пленник, правда, находится (как и в пушкинской поэме) в неволе у черкесов, но так в те времена часто называли всех горцев вообще, в дальнейшем же подобных этнографических абстракций Лермонтов избегал. Название Терека он упоминает в тексте шесть раз, описывая при этом, как черкесы преодолевают его бурное течение — верхом или вплавь «на верном тулуке». Для русского пленника река — непреодолимая преграда, отделяющая его от желанной свободы:

...Хотя цепями скован был,
Но часто к Тереку ходил.
И слушал он, как волны воют.
Подошвы скал угрюмых роют.
Текут, средь дебрей и лесов... ..
Смотрел, как в высоте холмов
Блестят огни сторожевые;
И как вокруг них казаки Глядят на мутный ток реки,
Склонясь на копы боевые.

В тексте военный статус пленника (равно и у Пушкина) никак не обозначен. Но известен детский рисунок Лермонтова, вклеенный в рукопись поэмы, — прекрасная автоиллюстрация, на которой изображен черкес Гирей, скачущий среди гор и влекущий на аркане русского в военной форме:

Вдруг взвилася над горами
И слышен стук издалека;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно, ездока!
Он понуждал рукой могучей
Коня, подталкивал ногой.
И влек за ним аркан летучий
Младого пленника...

Примечательно, что художники-иллюстраторы — к Пушкину ли, к Лермонтову — тоже не раз рисовали пленника в мундире, а то и с эполетами на плечах. Развязку сюжета Лермонтов переписал по-своему: если у Пушкина пленник, переплыв реку, обретает свободу, а черкешенка топится в отчаянии от разлуки с ним, то у Лермонтова

пленник, с цепью, распиленной черкешенкой, и вооруженный кинжалом, при попытке к бегству застрелен ее отцом, сама же она после этого кончает жизнь в волнах Терека. Дальняя перспектива «Героя» отсюда пока не видна, не все персонажи еще в сборе, да и будет там все совершенно иначе: не черкешенка освобождает русского офицера, а он, напротив, подстраивает ее похищение и держит у себя в плену.

Свои соображения к развитию сюжета (правда, несколько запоздалые) высказывал и основоположник темы. В 1822 году в черновом письме к Гнедичу Пушкин набросал возможные пути к дальнейшей романизации недавно законченной поэмы: «Характер главного лица (а действующих лиц — всего-то их двое) приличен более роману, нежели поэме, — да и что за характер? Кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в несчастиях, неизвестных читателю; его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости горцев и к юным прелестям кавказской девы могут быть очень естественны — но что тут трогательного — легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собою истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего русского, мог быть любовником молодой избавительницы моего героя — вот вам и сцены ревности, и отчаянья прерванных свиданий и проч. . Мать, отец и брат могли бы иметь каждый свою роль, свой характер — всем этим я пренебрег, во-первых, от лени, во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, когда обе части моего Пленника были уже кончены — а сызнова начать не имел я духа».

Этот предположительный, конспективный, а в некоторых деталях буквально точный план лермонтовской «Бэлы» говорит лишь о том, что будущий (пока только тринадцатилетний!) автор «Героя», переписывая на свой лад пушкинского «Пленника», то есть следуя ходу мысли своего литературного патрона, легко угадывал грандидозный сюжетный потенциал его замысла. Вспомним, что действие «Бэлы» происходит за Терек, в роли «ездок» выступает любящий Бэлу Казбич; присутствуют на сцене также отец и брат героини. Что касается происшествий которые «сами собой истекали бы из предметов», то автора повести едва ли возможно упрекнуть в «бедности изобретения». Сам Пушкин, кстати, признавал, что его «поэму приличнее было бы назвать «Черкешенкой». Как видим, Лермонтов и здесь попал в самую точку.

«Пушкин предстал мне в новом свете...»

Почти все лето 1837 года на Кавказских водах провел В. Г. Белинский. Гулял, пил воду много читал: Сервантеса, Лесажа, Фенимора Купера. Сезон выдался на редкость удачным, а в литературном смысле даже перспективным, молодой критик познакомился в Пятигорске с Лермонтовым и потом по личным наблюдениям мог судить о реалистических достоинствах «Княжны Мери». Кстати, те же ванны принимал тогда и штаб-ротмистр Отдельного Кавказского корпуса Лев Пушкин. «Здесь в Пятигорске служит брат Пушкина, Лев Сергеевич, — сообщает Белинский в одном из писем, — должен быть, пустейший человек»¹⁰.

Отправляясь на юг, критик захватил с собой и несколько томиков Пушкина, чтобы сверить свои прежние впечатления с увиденным на месте. Эффект превзошел все ожидания. «Часто читаю Пушкина, — пишет он К. С. Аксакову, — которого имею при себе всего, до последней строчки. «Кавказский пленник» его здесь, на Кавказе, получает новое значение. Я часто повторяю эти дивные стихи:

Великолепные картины.
Престолы вечные снегов.

Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков.
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый
Белел на небе голубом.

В. Г. Белинский

Какая верная картина, какая смелая, широкая, размашистая кисть! Что за поэт

этот Пушкин!»". Те же слова он повторит потом и в шестой статье о Пушкине, заметив еще, что картины Кавказа в поэме «дышат особенною жизнью, как будто сам читатель видит их собственными глазами на самом месте. Кто был на Кавказе, тот не мог не удивляться верности картин Пушкина: взгляните, хотя с возвышенностей, при которых стоит Пятигорск, на отдаленную цепь гор, — и вы невольно повторите мысленно эти стихи"¹².

Пятигорские офицеры Белинскому совершенно не понравились: «Что за лица, что за рожи съехались в Пятигорск... А господа офицеры! Боже мой, я теперь начинаю ценить их настоящим образом..."¹¹. Но еще более офицеров не понравились ему местные черкесы. Так

восхищавшийся «Пленником» Белинский считал, что «с легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний!» Но это высокий пафос программной статьи. В частном же письме у него звучат совсем иные ноты. «Вообще черкесы довольно благообразны, — пишет он из Пятигорска М. А. Бакунину, — но главное их достоинство — стройность. Ох, черкешенки!.. Чтоб видеть их, надо ехать в аул, верст за 30, а это мне не очень нравится... К тому же я питаю к черкесам такую же антипатию, какую к черкешенкам симпатию. Черкес, плен и мучительное рабство — для меня синонимы. Эти господа имеют дурную привычку мучить своих пленников и нагайками сообщать красноречие и убедительность их письмам для разжалобления родственников и поощрения их к скорейшему и богатейшему выкупу»¹⁴.

Подводя итог пятигорскому лету, Белинский признавался: «Несмотря на мое истощение от серной воды и ванн, несмотря на скуку однообразной жизни, я никогда не замечал в себе такой сильной восприимчивости впечатлений изящного, как во время моей дороги на Кавказ и пребывания в нем. Все, что ни читал я, — отзывалось во мне. Пушкин предстал мне в новом свете, как будто я его прочел в первый раз...»¹¹.

Трагедия Кизляра

Речь пойдет о событиях полутора вековой давности. Кизляр называли тогда Парижем левого фланга Кавказской линии, и население его составляла «разноязычная толпа»: грузины, армяне, кумыки, ногайцы, черкесы, татары, персы, русские. На базарах появлялись и чеченцы. В 1765 году здесь, в семье офицера, родился Петр Багратион, будущий герой Бородина. В 1830-х годах комендантом Кизляра служил полковник Павел Катенин, знаменитый драматург, друг Грибоедова. Издавна здесь

проходил торговый путь, по которому товары шли в Баку и Тифлис, Персию и даже в Индию. В городе было три рынка: русский, армянский и татарский. Вспомним, что лермонтовский Печорин, пытаясь добиться расположения Бэлы, «отправил нарочного в Кизляр за разными покупками...» Однажды война нагрянула и сюда.

С начала 30-х годов XIX века в русских военных сводках на Кавказе стало появляться имя имама Кази-Муллы, отряды которого предпринимали дерзкие вылазки из глубины гор, и эти неожиданные удары часто оканчивались успехом. В августе 1831 года силами до пятнадцати тысяч человек Кази-Мулла попытался взять Дербент, и хотя был отбит и после ряда неудач ушел в горы, стало ясно, что теперь русским противостоит грозный и неукротимый соперник. В обороне Дербента принимал участие опальный декабрист Александр Бестужев, переведенный из сибирской ссылки рядовым в кавказские войска. В письме к Н. А. Полевому, описывая военную обстановку на Кавказе, он дает трезвую и глубокую оценку горскому воителю: «Все сунниты собираются под знамена Кази-Муллы, человека очень неглупого и хорошего вождя. Он действует неумолимо, играет назади наших войск и быстро перелетает с места на место, неуловимый нигде. Теперь цель его возмутить все угория, чтобы растянуть наши войска, а потом он станет брать города...»¹⁷.

Той же осенью крупный отряд генерала Панкратьева провел экспедицию в Дагестане. Генерал Вельяминов после кровопролитного штурма взял хорошо укрепленный чеченский аул Чир-Юрт. Но потесненный войсками Кази-Муллы с поразительной легкостью нанес русским внезапный и болезненный ответный удар. С тысячью отборных мюридов он переправился через Терек и захватил Кизляр. Город давно носил статус крепости, имел гарнизон, земляные валы и бастионы с пушками, что, впрочем, нисколько не смутило нападавших. На Востоке говорят: кто думает о последствиях, тот никогда не проявит храбрости...

Вот что рассказывает об этих событиях хроника Кавказской войны, составленная в 1909 году подполковником военно-исторического отдела штаба Кавказской армии Семеном Эсадзе: «Между тем Кази-Мулла, пользуясь отвлечением сил с Линии, предпринял смелый набег на Кумыкскую плоскость. Явившись в Гудермес, имам призывал жителей к всеобщему восстанию. Переезжая из аула в аул и проповедуя газават, он имел громадный успех. Кази-Мулла направился на совершенно беззащитный город Кизляр. Оторопелое население, не зная, что делать, металось из стороны в сторону; раздававшийся на колокольнях трезвон еще более усиливал переполох и суматоху.

Ворвавшиеся в город горцы рубили, кого попало, врывались в дома и магазины. Захватив громадную и богатую добычу, Кази-Мулла направился обратно в Дагестан»¹⁷. Приведем также отрывок из официального рапорта генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова от 5 ноября 1831 года, повествующий о событиях во время захвата Кизляра: «...В городе сделалась тревога, и открыт был из орудий огонь, коим неприятель принужден был скрыться за домами. В одно время с сею партией другая толпа мятежников переправлялась в город в Топольской роще, около часовни святого Георгия, а третья против части города, называемой Окочинской. По совершении переправы одна толпа бросилась на слободку, грабя дома и забирая пленных, а другие две партии произвели тоже в городе в частях Армянской и Татарской по правую сторону Тополки, но по приближении к Тезицкой хищники встречены были ружейным огнем жителями оной, которые, заслоняя улицы арбами, отражали нападение и наносили неприятелю большой вред; из слободки же он был выбит солдатами Линейного батальона № 8 и грузинами с помощью пушечных выстрелов. Наконец, в 3-м часу все неприятельские толпы с добычей и пленными переправились обратно за Терек...»¹⁸.

Александр Дюма, побывавший в городе двадцать лет спустя, слышал отголоски разыгравшейся трагедии: «Заметно было, — пишет он в путевых очерках «Кавказ», — что мы вступали в землю, где каждый опасался повстречать врага и, не рассчитывая на помощь власти, сам думал о собственной безопасности. И действительно, мы приближались к тому самому Кизляру, который в 1831 году был взят и разграблен Кази-Муллой — учителем Шамиля. Многие еще вспоминают о потере или родственника, или друга, или дома, или имущества во время этого ужасного происшествия...».

«Бич христиан», как назвал его русский поэт и воин Александр Полежаев, имам Кази-Муллу применял извечную тактику горцев — неожиданный набег. После него этим излюбленным боевым приемом пользовались. И владыка гор Шамиль, и явившиеся на исходе XX века его запоздалые «внуки» и «одинокое волки». Напомним, что именно эта тактика получила в свое время высокую оценку классика марксизма. Фридрих Энгельс писал, что «сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях **даже** временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики»¹⁰.

Сила солону ломит. Русские достали Кази-Муллу ровно через год — взяли приступом его родной аул Гимры Сам Кази-Муллу погиб, а израненный Шамиль чудом избежал пленения или смерти. Война от этого не прекратилась, и жаркое пламя газавата бушевало еще три долгих десятилетия. Многие ее трагические сцены запечатлела русская литература.

Кизляр же в апреле 1910 года пережил новую трагедию — налет знаменитого чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева. В январе 1996 года кровавый рейд на многострадальный Кизляр совершил чеченский боевик Салман Радуев. От селения Первомайского, где на обратном пути его отряд был блокирован федеральными войсками, всего два-три километра до Аксая. Раньше этот населенный пункт носил название Каменный Брод, и здесь в русской крепости стоял с ротой лермонтовский Максим Максимыч. В этих местах разбойничал Казбич, и здесь же погибла Бэла — пленница русского офицера. Печоринские места!

Кавказский пленник-2, или опасные приключения Якубовича в Пятигорске

Побывав на Горячих водах в 1829 году, Пушкин стал вынашивать замысел кавказского романа. И судя по всему, тема пленника еще не казалась ему исчерпанной до конца. В сентябре 1831 года он набросал отрывок, представляющий собой начальные страницы крупного, как можно судить, произведения в прозе, рисующие сборы московской барыни и ее дочери на Кавказ: «В одно из первых чисел апреля 181... г. в доме Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Все двери были растворены настичь; зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами; ящики всех комодов выдвинуты; слуги поминутно бегали по лестницам, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, дама 45 лет, сидела в спальне, пересматривая счетные книги...»

Причину столь дальней поездки объясняет сама Томская: «Доктора объявили, что моей Маше нужны железные воды, а для моего здоровья необходимы горячие ванны. Вот уже полтора года, как я все страдаю, авось Кавказ поможет». Героиня кавказского романа — «девушка лет 18-ти, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами».

Представление о дальнейшем развитии действия можно получить из многочисленных планов, составленных Пушкиным. Как прежде поэма «Кавказский пленник», так к новый прозаический сюжет разворачивается на Горячих водах. Героиня получает имя Алины, сюжетные ходы тут постоянно варьируются, но общее направление, хотя бы приблизительно, понять можно. Основная интрига строится на противоборстве двух главных героев — бретера и картежника Якубовича и раненого кавказского офицера Гранева, недавно побывавшего в плену у горцев. В ряде случаев он даже назван в набросках Кавказским пленником. Оба противника, чем-то напоминающие будущих Швабрина и Гриневу из «Капитанской дочки», добиваются любви Алины. Якубович с помощью знакомого узденя подстраивает нападение черкесов на воды и похищает Алину, увезя ее в аул. Гранев спасает ее. Их

А. И. Якубович. Акварель П. Каратыгина. 1823–1825 гг.

соперничество завершается дуэлью, а в одном из вариантов — и смертью

Якубовича. Предполагался эпизод, возвращающий нас к сюжету поэмы «Кавказский пленник»: Якубович предаёт Гранева черкесам, а черкешенка освобождает его.

Вес изложенное напоминает сюжет лермонтовской «Княжны Мери», где соперничество двух героев, оспаривающих любовь хорошенькой московской княжны, также оканчивается дуэлью и смертью одного из них. Подобное сходство

обнаруживают и женские персонажи: княгиня Литовская, как и Томская, — «женщина сорока пяти лет», которой прописаны горячие Ермоловские ванны. Ее дочь Мери (то есть Мария Маша как первоначально и у Пушкина) — молоденькая - стройная, наделенная магнетической силой глаз, в которых иногда блещет «самое восхитительное бешенство». У Лермонтова, правда, горцы никого не водах не похищают, но тем не менее ночная стычка Печорина с Грушницким и драгунским капитаном, закончившаяся криками и ружейной пальбой, спровоцировала в городе толки и о нападении черкесов.

Напомним читателю, что пушкинский замысел основан на реальных событиях: московская знакомая поэта Мария Ивановна Римская-Корсакова два сезона (1827 и 1828 годы) провела на водах, с зимовкой в Ставрополе. Вместе с ней здесь побывали две дочери — Александра (предмет увлечения Пушкина в начале 1827 года) и Екатерина, сын Григорий (светский приятель поэта). Полагают, что именно Александра и явилась прототипом главной героини намеченного романа. О поездке Корсаковых на Кавказ Пушкин упомянул в письме к брату Льву, отправленном из Москвы в Тифлис 18 мая 1827 года: «Письмо мое доставит тебе М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приезжай на Кавказ и познакомься с нею — да прошу не влюбиться в дочь».

Летом 1828 года в Москве и Петербурге распространились слухи о нападении черкесов на посетителей вод. Так, А. Я. Булгаков писал брату в Петербург: «Слышал ли ты, что горцы сделали набег на всех ехавших от теплых вод на кислые. Тут попала и М. И. Корсакова, которая была ограблена до рубашки...» Другие добавляли, что горцы «увели у нее дочь и всех людей». Тут же звучали и литературные предположения, которыми Е. Н. Мещерская (дочь Н. М. Карамзина) спешила

поделиться с П. А. Вяземским: «Слыхали вы о похищении М-е Корсаковой каким-то черкесским князем? Об этом здесь рассказывают, но не думаю, чтобы этот слух стоил доверия. Вы об этом должны знать больше, находясь ближе к Кавказу. — Если б это была правда, какой прекрасный сюжет для Пушкина как поэта и как поклонника...»²¹ Трудно сказать, сколь сильно этот «прекрасный сюжет» повлиял на творческие планы Пушкина. По-видимому, драматический эпизод кавказского путешествия Корсаковых мог служить ему лишь отправной точкой в развитии курортного романа.

Приведем пример того, каким именно образом происходило подобное похищение. В кавказском пленнике курского помещика Ф. И. Кабанова подробно передан рассказ некоего коллежского советника Шульца, получившего назначение в Тифлис. Описанные события относятся к 1832 году, когда он направлялся из столицы северной в столицу Грузии: " Я был в Петербурге и оттоль возвращался к своему месту с чиновником, состоящим у особых поручений при генерале Розене в Грузии, статским советником Чилиевым". Не доехав до станции Безопасной (отстоящей от Ставрополя в 95 верст) трех верст, задний ямщик наш заметил вдали черкесов, сказал об этом товарищу, едущему с нами на коляске впереди, ибо у нас было два экипажа: в одном сидели мы, а в другом наша прислуга. Сей, никак не подозревая, чтоб в такой дали могли быть черкесы, с насмешкой сказал товарищу: «Коли боишься черкесов, так погоняй лошадей»; а сам, видя нас спящими в коляске, продолжал ехать легкой рысью. Тот; ударивши по лошадям из всех сил, и благополучно достиг до селения, дал знать жителям, а нас окружили 11 человек черкесов, что называется джигитов, приказали по-русски ямщику нашему своротить с дороги. Отъехавши верст пять в сторону, в степь, велели распрячь лошадей, потребовали от нас денег. Мы безоговорочно все им отдали; потом пересмотрели весь наш багаж, навьючили лошадей и нам всем велели садиться верхами. Бросили экипаж в степи.

* Б. Г. Чилиев — однокашник А. А. Бестужева по Горному кадетскому корпусу, с 1848 года — генерал-майор. На Кавказе с ним познакомились А. С. Грибоедов и А. С. Пушкин, последний упомянул его в первой главе «Путешествия в Арзрум» («Я ночевал на берегу Арагви, в доме г. Чилиева. На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее»). Что касается Грибоедова, то однажды Чилиев спас его от нападения горцев, о чем рассказ еще впереди.

Мне была подведена лошадь без седла; я, видя, что они с нами обходятся очень вежливо, решительно сказал, что ехать без седла не могу. Мне подали другую лошадь, с седлом, и так мы отправились в путь, к Кубани, безостановочно. У начальника сей партии, был компас, коим указывал он путь степью, обращаясь ко мне часто с вопросом, который час и сколько еще до вечера часов, сколько до рассвета.

Таким порядком продолжался наш путь целые сутки, в течение коих два раза настигали нас партии местных крестьян русских верхами, с несколькими человек с ружьями. Первая состояла из 57 человек, вторая из 200 с лишним, но победители наши, оставя при нас и вьюках наших 5 человек, последние шесть храбро отражали обе сии партии. Мы раз тридцать переезжали через болота и шесть раз через Егорлык, вброд по пояс в воде. Мы устали до такой степени, что с охотою готовы были умереть, как на другие сутки атаковали нас с двух сторон опять крестьяне с 70-ю человек вооруженных солдат и в такой позиции, что заставили наших рыцарей подумать о возвращении нас, чтоб совершенно всего не лишиться.

Зачали у нас отбирать последнее; провожатый мой хотел сорвать с меня часы, но как лента, на коей они были повешены, была довольно крепка, он душил меня оною

немилостиво, так что захватывало у меня совершенно дух. Я принужден был отстегнуть замочек, и отдал ему часы, как вместе с тем другой то же хотел сделать и с товарищем моим, но, как и у Чилыева, часы были на такой же ленте, сорвать было невозможно, он закричал: «Постой, я отстегну». Третий из числа сражавшихся, скача мимо нас, ударил шашкою в голову моего товарища, сказав: «Некогда теперь стоять», но как-то Судьбами Божьими не соразмерил при быстрой скачке удара, нанесенного с тем, чтобы разрубить голову, отрубил только козырек у картуза и ранил жестоко в лицо. От удара сего товарищ мой повалился прямо на меня. Я, не евши целые сутки и быв измучен верховой ездой, хотя и имел еще столько сил, чтоб удержаться на седле от падения на меня товарища, но, видя себя окруженным вблизи русскими, воспользовался сим случаем, свалился с лошади на спину, ибо все черкесы начали уже уходить, ихних лошадей гнали без милосердия.

По падении моем я притворился мертвым, но один черкес, однако ж, скача мимо меня, имел намерение и **мне** разрубить голову. Я, видя его к тому приготовление, в самую секунду его удара шашкою мгновенно отвернул голову в противоположную сторону, так что удар его пришелся в землю - в самое то место, где лежала моя голова и, таким манером, благодарение Богу, мы спаслись от наших изуверов и достались в руки русских крестьян.

Нас положили на подводу, ибо ни идти, ни сидеть, мы были не в состоянии... Мы остановились отдыхать, а черкесы, как из лука стрела, понеслись степью с глаз долой со всем отбитым у нас имуществом»²².

Теперь поведаем подробнее об одном, можно сказать, сюжетобразующем персонаже пушкинского замысла, обозначенном в черновых вариантах плана как Якубович или Кубович. Личное знакомство Пушкина с Александром Ивановичем Якубовичем продолжалось недолго — несколько месяцев в 1817 году в Петербурге, после чего тот был выслан на Кавказ за участие в нашумевшей «четверной» дуэли. Завадовский тогда застрелил Шереметева, роли секундантов выступали соответственно Грибоедов и Якубович. По некоторым сведениям, пулю, извлеченную из тела убитого, Якубович показал Грибоедову и добавил: «Это для тебя». Их поединок состоялся через год, ноябрьским утром 1818 года в окрестностях Тифлиса. Грибоедов дал промах, а Якубович намеренно, как полагают, метил ему в руку, чтобы лишить удовольствия играть на рояле. Об этой ране Грибоедова Пушкин упомянул на страницах «Путешествия в Арзрум»: «Обезображенный труп его, бывший три дня игрищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею».

Воспитанник московского университетского пансиона, Якубович начал военную службу в лейб-гвардии Уланском полку. «Способный, — как пишут о нем, — на любые крайние подвиги личной отваги»²³, он вскоре получил репутацию вспыльчивого задиры и дуэлянта. О его проделках на Кавказе следовало бы написать приключенческую повесть. В звании штабс-капитана Нижегородского драгунского полка он командовал казачьими резервами, расположенными на реках Малке, Баксане и Чегеме. Известность его, добытая дерзкой удалью и кровью, долгие годы гремела в горах. «Слава о нем, — пишет военный историк В. А. Пот-то. — разнеслась по целому Кавказу, как между русскими, так и между горцами. Самые отважные наездники искали его дружбы, считая его безукоризненным джигитом... Влияние Якубовича в горах было огромно; одного имени его, предположения присутствия его, слуха о нем иногда достаточно было, чтобы удержать горцев от нападения на Кабардинскую линию. Впоследствии самая наружность его, с высоким челом, у самого виска пробитым черкесской пулей, и никогда не заживающей раной, прикрытой черной повязкой, производила впечатление на умы горцев»²⁴.

С: небольшим отрядом Якубович бесстрашно проникал в глухие ущелья, добираясь иногда до самого Эльбруса. Добытые трофеи, коней и овец всегда делил поровну между своей командой, себе не оставляя ничего. Имея в горах знатных кунаков, вызволял русских пленных, своих же пленников великодушно отпускал без всякого выкупа. Как видим, этот психологический абрис во многом совпадает с тем, что было намечено Пушкиным в его неосуществленном кавказском романе. Известен портрет Якубовича, выполненный поэтом по памяти «Портрет Якубовича, — замечает современный исследователь, — сделан Пушкиным в альбоме его приятельниц Ушаковых по возвращении из путешествия в Арзрум, вероятно, под впечатлением рассказов, слышанных поэтом на Кавказе, о приключениях Якубовича. Пушкин не видел его двенадцать лет, но выразительная внешность знаменитого бретера, героя бесчисленных приключений, воскресла в артистическом рисунке, поэта - Пушкину не пришлось видеть Якубовича в повязке, он не знал, что тот ходил коротко остриженный, и нарисовал ему стоящие дыбом волосы, дополняющие его дикий взор и выражающие неукротимость его натуры» 25.

Побывал ли Якубович в Пятигорске? Ответ на этот вопрос можно получить из ведомостей посетителей Горячих вод в сезон 1821 шла, где определенно указано, что прибывший из Тифлиса штабс-капитан Нижегородского драгунского полка А. И. Якубович останавливался в доме подполковника Толмачева²⁶.

Пробыв на Кавказе с 1818 по 1823 год, Якубович вернулся в Петербург. В событиях 14 декабря его роль до сих пор остается не проясненной до конца. «Образ Якубовича представляется неясным и противоречивым, — находит историк. Нет единодушия по отношению к нему и среди самих декабристов: одни считали его искренним и пылким революционером, другие - хвастуном и бретером»²⁷ Осужден он был по первому разряду, то есть на вечную каторгу, и окончил свои дни в Сибири.

На каторге Якубович с увлечением перечитывал кавказские повести Александра Бестужева и просил его передать привет прежним своим знакомцам. Страна дикой вольности и опасных приключений по-прежнему манила его «Якубович благодарит тебя за поклон и приписку, — сообщал Бестужеву брат Николай, велит сказать что ему снится и видится Кавказ...»²⁸.

Хроника большой дороги

Может показаться невероятным, но в 1825 году горцы имели реальную возможность захватить в плен самого «проконсула Кавказа» А. П. Ермолова. Этот поразительный факт мог бы вызвать справедливые сомнения, не будь он подробным образом описан самим прославленным генералом. «Из Червленной станицы выехал я 20 ноября рано поутру, — сообщает Ермолов. — День был мрачный и по земле расстилался чрезвычайно густой туман. Были неверные слухи, что партия чеченцев намеревалась переправиться на левый берег Терека. Им известно было о моем выезде по заблаговременному заготовлению лошадей и конвоя, по той причине, что оных нет на местах в достаточном количестве. Партия до тысячи человек, приблизившись к Тереку против Казиорского Шанца, отрядила на нашу сторону 400 человек, дабы напасть на меня. Места совершенно открытые допустили бы меня заметить в далеком расстоянии, но густой туман тому воспрепятствовал, и я проехал спокойно. Вскоре после напали они на большую дорогу, схватили несколько человек проезжих и пустились на казачьи хутора в надежде на добычу. Едва отпустил я конвой, прибыв в Калиновскую станицу, как дано, было знать о появившейся партии. Конвой, состоявший из 120 человек храбрых гребенских казаков, быстро помчался к Казиорскому Шанцу, где, нашедши чеченцев, ударил на них и в величайшем замешательстве погнал

к Тереку. Они оставили несколько человек убитыми и всех захваченных пленных. Вскоре подросли казаки из Калиновской станицы с одним конным орудием, и чеченцы удалились от Терека. Таким образом, ускользнул я от сил несоразмерных, но не думаю, однако же, чтобы для того только, дабы схватить меня, решились они на большую потерю, без чего нельзя было преодолеть казаков»²⁹. В 1829 году горцы обстреляли экипажи персидского принца Хозрев Мирзы, посланного в Россию с «извинительным письмом» за убийство Грибоедова. Обыденности происшествия могла бы и не оставить следа в кавказских хрониках, но с посланцем шаха на Военно-грузинской дороге столкнулся Пушкин. «Я пошел пешком, не дождавшись лошадей; — сообщает поэт в первой главе "Путешествия в Арзрум" — и в полуверсте от Ананура на повороте дороги, встретил Хозрев- Мирту. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Через несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услышав свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские бывшие при нем, удивились его смелости».

Сам Пушкин также мог серьезно пострадать на большой дороге, о чем поминает на страницах того же «Путешествия»: «Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича издали: «Не останавливайтесь, ваше благородие, убьют!» Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным. Дело в том, что осетинские разбойники безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала Бековича, проскакавшего сквозь их выстрелы».

Примерно в то же время по Военно-Грузинской дороге проехал и переведенный из сибирской ссылки на Кавказ Александр Бестужев. Об этом путешествии он рассказал в большом очерке «Письмо к доктору Эрману». Любивший блеснуть своей причастностью к важным событиям, Бестужев сообщает «В 1829 году особенно горцы, ободренные отсутствием войск, стали разбойничать на Военно-Грузинской дороге. Перед проездом моим они увели в плен одного доктора; за неделю отбили купеческий табун из-под пушек конвоя и при проезде Хозрев-Мирзы ранили его нукера. Четырнадцать человек, провожавшие нас, возвращаясь на пост, близ Ардона, на речке Белой, были атакованы тремястами наездников. Бесстрашно отстреливались они целый час, но, на беду их, нашла туча, и проливной дождь замочил ружья. Черкесы, ожесточенные потерей лучших узденей, ударили в шашки, и русские были изрублены в куски. Одного только раненого казака умчали они в плен. Недалеко от дороги показали мне дуплистый пенёк, поверженный грозой, в котором незадолго пред тем донской казак, преследуемый тридцатью всадниками, убившими его товарища и коня, скрылся и спасся, грозя ружьем нападавшим. Пули не пробили дерева, и он отсиделся до выручки».

В 1840 году наиб Шамиля Ахвердил Мухаммед, совершив стремительный рейд по русским тылам, нагрянул в Моздок. Среди прочих пленных он привел оттуда дочь богатого купца-армянина Анну Улуханову Девушку, поразившую горцев своей красотой, доставили в Дарго к Шамилю. Она вскоре перешла в ислам, получила имя Шуанат и стала женой Шамиля.

В кавказских путевых записках Александр Дюма рассказал о встрече с русским офицером, который провел в плену у горцев пять месяцев. «Взятый в плен около Кубы, — пишет Дюма, — он был уведён в горы и доставлен к Шамилю. Сначала за него требовали двенадцать тысяч рублей, а потом снизили до семи тысяч. Семейство и друзья офицера собрали три с половиной тысячи рублей, а граф Воронцов — тогдашний кавказский наместник добавил остальное»³⁰.

Иногда за голову узника назначали выкуп, а иногда производили и размен пленных. Известен случай, когда чеченцы удерживали захваченного ими штабс-капитана Клингера два с половиной года, обменяв потом на семерых своих.

Иногда участь пленников оказывалась плачевной. Секретарь Шамиля Мухаммед Тахир аль-Карахи в своей известной хронике «Три имама» передает, что «в 1845 году Шамиль получил достоверные сведения, что русские готовятся к серьезным операциям против него. Он тотчас приказал казнить всех офицеров, взятых им одновременно в плен. Их особенно много было захвачено при очищении русскими Нагорного Дагестана в 1843 году»³¹.

Сведения о том, какой была казнь у чеченцев, есть в упомянутой книге Потто. Томясь в плену, майор Швецов готовился к худшему: «Конец был известен. По обычаям страны его привяжут к дереву, и каждый из присутствующих на этом суде будет наносить обреченной жертве не смертельные, но мучительные удары ножом, пока, наконец, не потухнет последняя искра жизни в несчастном мученике»³².

Самым громким и страшным по опустошительным последствиям был набег, совершенный в Кахетию в 1854 году сыном и наследником Шамиля Кази-Мухаммедом. Названный в память Кази-Муллы, он с молодых лет отличался редким хладнокровием, отвагой и более других сыновей Шамиля был одарен талантом военачальника (впоследствии получил чин маршала турецкой армии). Во главе семитысячного отряда конницы Кази-Мухаммед разорил и сжег 18 грузинских селений и разграбил имение князя Давида Чавчавадзе -Цинандали Среди многочисленных пленников (по сведениям аль Карахи — 884 человека) оказались княгини А. И. Чавчавадзе и В. И. Ор-белиани (внучки последнего венчанного грузинского царя Георгия XII) с детьми и прислугой, захват которых, как стало ясно, являлся главной целью всей операции В плену могла оказаться и Нина Александровна Грибоедова, приходившаяся родной сестрой хозяину имения, но она в это время гостила у другой сестры.

Суровое заключение длилось восемь месяцев, подробности его стали известны по нашумевшей в свое время книге Е. Вердеревского «Плен у Шамиля». Несколько глав посвятил этой истории в своих записках и Дюма, услышавший ее в Тифлисе из уст самих пленниц. В конце концов Шамиль обменял их на своего старшего сына Джемалэдина, об изломанной судьбе которого тоже следует сказать несколько слов.

«Я мало жил и жил в плену...»

Заряд впечатлений, полученный Пушкиным у «знойной границы Азии» не был исчерпан «Кавказским пленником». В эпилоге поэмы, рисуя фантастический полет своей музы на Кавказ, он намечает круг тем, которые могли еще вылиться из-под его пера в виде новых творений:

Богиня песен и рассказа.
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа:
Расскажет повесть дальних стран.
Мстислава древний поединок ..

В примечаниях к поэме Пушкин счел необходимым сделать пояснение; Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана

(остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. Ист. Гос. Росс. Том II».

Последуем пушкинскому совету и обратимся к "Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В разделе посвященном событиям 1022 года, историк пишет: «Через несколько лет Мстислав объявил войну косогам или нынешним черкесам, восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством.

«На что губить дружину?— сказал он Мстиславу.. Одолей меня и возьми все, что имею: жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив оружие на землю, схватился с великаном. Силы князя Российского начали изнемогать: он призвал в помощь Богородицу — низвергнул врага и зарезал его ножом. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство княжеское и наложил дань на подданных».

Здесь Карамзин передает события так, как они изложены в первом общерусском летописном своде — «Повесть временных лет», составленной на основе более ранних летописей, преданий, повестей и сказаний — исторического а иногда и сказочного, легендарного характера. Также безвестный автор «Слова о полку Игореве» отдал дань памяти «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълки касожьскими». В русских Родословных книгах сказано еще, что Мстислав, убив Редедю, взял двух его сыновей крестил и назвал одного Юрьем, а другого Романом, последнего выдал свою дочь. Так кровь Редеди, пролитая некогда Мстиславом, смешалась с кровью русских князей и бояр. В ходе военных действий на Кавказе пленных брали разумеется, и русские. В ряде случаев это были не пленные а заложники, причем, можно сказать, плановые заложники и аманаты. Выдача аманатов в залог верности властям была обычной практикой тех лет. Для надежности в качестве таких заложников брали, как правило, детей влиятельных горцев. Правда, судьба подобных пленников со времен Мстислава и захваченных им детей Редеди претерпела некоторые изменения, о чем с предельной честностью замечает Пушкин на страницах «Путешествия в Арзрум»: «В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе».

Впрочем, судьбы аманатов складывались по-разному. Так, кабардинский князь Измаил Атажуков с четырнадцатилетнего возраста находился аманатом в России, где получил светское и военное образование. Незаурядная личность, причудливая судьба и загадочная смерть Измаила, стоявшего в центре многих важных событий на Пятигорье и в Кабарде, способствовали тому, что именно его юный Лермонтов избрал главным героем своей восточной повести «Измаил-Бей».

Самым известным из горских аманатов стал старший сын Шамиля — Джемалэддин. При осаде Ахульго в 1839 году, понимая безвыходность своего положения, Шамиль пошел на переговоры с русскими и вынужден был выдать аманатом восьмилетнего сына. Переговоры успеха не имели, Ахульго был взят, Шамиль сумел уйти, пробившись с боем через русские посты, а мальчик остался в нашем плену. Его отвезли в Петербург, и царь Николай велел определить его в кадетский корпус. В двадцать лет он был уже поручиком уланского полка. Вернувшись в горы, он убеждал отца прекратить борьбу, понимая многократное превосходство сил России, но напрасно. Шамиль женил сына и отправил в высокогорный аул Карата. Через несколько лет Джемалэддин умер от туберкулеза.

Иногда количество пленных горцев исчислялось сотнями. Описывая кавказские события 1822 г., Ермолов замечает, что «генерал-майор Вельяминов 3-й при разорении

селений не встретил почти никакого сопротивления, взял в плен 1400 душ обоего пола и всякого возраста и весьма большое количество скота»³³. В следующем году Вельяминов. По словам Ермолова же, «сделал вторичный поход за Кубань». Успех опять был полный: экспедиционный отряд «внезапно напал на три ногайские аула, в совершеннейшей беспечности бывшие, с потерей двух человек вырезано было до 400 душ всякого возраста и обоего пола, взято в плен 556 душ и более 2 тыс. рогатого скота»³⁴. Иногда же единственный пленник оказывался поважнее многих сотен остальных. В путешествии 1828 года по кавказским предгорьям Пушкину припомнился один из героев недавнего прошлого - знаменитый шейх Мансур, которого поэт назвал «человеком необыкновенным», точно: пастух Ушурма из чеченского селения Алды, принявший имя шейха Мансура. сумел поднять против русских весь Северный Кавказ. В отношении к нему империя проявила последовательную твердость: разбитый загнанный в турецкую Анапу, он был пленен при взятии этой крепости генералом Гудовичем в 1791 году и окончил свои дни в каменном гробу Шлиссельбурга.

Обычной участью пленных горцев была каторга. О некоторых из них, заключенных омского острога, рассказал в «Записках из мертвого дома» Ф. М. Достоевский: "Их было: два лезгина, один чеченец и трое дагестанских татар. Чеченец был мрачное и угрюмое существо; почти ни с кем не говорил и постоянно смотрел вокруг себя с ненавистью исподлобья и с отравленной, злобно-насмешливой улыбкой». Лезгин же Нурра произвел на писателя самое отрадное впечатление: «Это был человек еще не старый, росту невысокого, сложенный, как геркулес... Все тело его было изрублено, изранено штыками и пулями. На Кавказе он был мирным, но постоянно уезжал потихоньку к немирным горцам и оттуда вместе с ними делал набеги на русских. В каторге его все любили. Он был всегда весел, приветлив ко всем, работал безропотно, спокоен и ясен... Он совершенно был уверен, что по окончании определенного срока в каторге его воротят домой на Кавказ, и жил только этой надеждой».

«Ребенка пленного он вез...»

Не многие, думается, из современных русских читателей догадываются, что лермонтовский Мцыри, один из самых ярких и любимых персонажей отечественной классики, по национальности — чеченец! Написав когда-то в детстве, в подражание Пушкину, «Кавказского пленника», теперь Лермонтов ситуацию совершенно перевернул: пленником у него становится не русский, а горец. Мцыри, конечно, чеченец не этнический, а, можно сказать, литературный. Для Белинского он — «пленный мальчик черкес» (черкесами тогда часто называли всех горцев), у Шевырева — «чеченец, запертый в келью монаха», сам Лермонтов нигде в тексте поэмы об этом определенно не говорит, но по ряду деталей можно все-таки судить и о национальной принадлежности героя. Вспомним сцену поединка с барсом и слова Мцыри: «Как будто сам я был рожден в семействе барсов и волков...» Все это замечательно перекликается со строками «Илли» — чеченской героической песни:

Мы родились той ночью, Когда щенилась волчица,
А имя дали утром
Под барса рев заревой...

{Перевод Николая Тихонова}

По одной из версий, в поэме Лермонтова отразилась судьба известного художника Петра Захарова. По рождению Захаров чеченец, его родной аул Дады-Юрт в наказание за набеги и в назидание всей остальной незамирной Чечне в 1819 году был уничтожен русскими войсками. Упоминание об этой масштабной карательной операции имеется в записках Ермолова. «В сем намерении, — откровенно повествует кавказский главнокомандующий, — приказал я Войска Донского генерал-майору Сысоеву с небольшим отрядом войск, присоединив всех казаков, которых по старости собрать было возможно, окружить имение Дадан-юрт, лежащее на Тереке, предложить жителям оставить оное и буде станут противиться оружием, никому не давая пощады. Чеченцы не послушали предложения, защищались с ожесточением. Двор каждый почти окружен был высоким забором, и надлежало каждый штурмовать. Многие из жителей, когда врываются солдаты в дома, умерщвляют жен своих в глазах их, дабы во власть их не доставались. Многие из женщин бросались на солдат.

П. И. Захаров. Автопортрет в бурке с ружьем. 1843 г.

Большую часть дня продолжалось сражение самое упорное, и ни в одном доселе случае не имели мы столько значительной потери, ибо кроме офицеров простиралась оная убитыми и ранеными до двухсот человек. Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и число оных не менее могло быть четырехсот человек. Женщин и детей взято в плен до ста сорока, которых солдаты из сожаления пощадили как уже оставшихся без всякой защиты и просивших помилования. Но гораздо большее число вырезано было или в домах погибло от действия артиллерии и пожара. Солдатам досталась добыча довольно богатая, ибо жители селения были главнейшие из разбойников, и без их

участия, как ближайших к линии, почти ни одно воровство и грабеж не происходили; большая же часть имущества погибла в пламени. Селение состояло из 200 домов 14 сентября разорено до основания...»³⁵.

Знаменитый историк В. А. Потто, почти дословно переписав для своей «Кавказской войны» этот отрывок, не удержался, чтобы не добавить к описанию штурма еще несколько ужасающих подробностей. Каждую чеченскую саклю приходилось обстреливать из орудий, «и едва только пробивалась хоть малейшая брешь, едва осыпалась хоть небольшая часть стенки, солдаты бросались в проломы, и там, в темных и душных саклях, шла невидимая, кровавая резня штыками и кинжалами. Ни один солдат попавший в лабиринты саклей, не мог уже и думать об отступлении; еще менее думали о нем чеченцы, в первый раз атакованные русскими в ауле, из которого не успели вывести семейств. Ожесточение с обеих сторон росло с каждой новой жертвой. Некоторые чеченцы, видя, что им не устоять, на глазах солдат резали жен и детей, многие женщин сами бросались на солдат с кинжалами или, напротив, кидались от них в горевшие дома и живыми гибли в пламени.

Короткое замечание об этих событиях содержится в записках Д. В. Давыдова: «Ермолов, негодовавший на жителей аула Дадан-Юрт, находившегося близ Терека за

постоянное содействие, оказываемое ими хищникам, вторгшимся в наши земли, готовил им страшное наказание.

Усыпив их ласковым обращением, он внезапно окружил этот аул, овладел им, причем погибли все жители за исключением детей; мужчины, не видя себе спасения сами закалывали своих жен. Это подействовало на всех соседних жителей»¹⁷.

Облитого кровью трехлетнего ребенка, взятого из рук умирающей матери, солдаты доставили Ермолову, который захватил мальчика с собой в штаб-квартиру корпуса. Об этом потом в поэме «Мцыри» и упомянул Лермонтов:

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести...

Первоначально автор избрал эпиграфом к поэме французское изречение: «On ne peut avoir qu'une seule patrie» («Родина бывает только одна»), но впоследствии заменил его строкой из Библии.

Пленника Ермолов крестил и передал под присмотр казаку Захару Недоносову, откуда и пошла фамилия — Захаров. Когда ребенок подрос, его взял на воспитание двоюродный брат Ермолова — генерал П. Н. Ермолов, командир 21-й пехотной дивизии. Обнаружив незаурядные способности мальчика, он направил его учиться в Петербургскую Академию художеств. Захаров завершил курс с серебряной медалью. Стал известным живописцем, за портрет Ермолова, выполненный в 1843 году, Захаров был удостоен звания академика. На портрете Ермолов изображен как человек своей эпохи, а вернее, как человек и эпоха, то есть личность столь же грандиозная, как Кавказские горы за его спиной, а эпоха — столь же грозная, как черное грозное небо над ними.

Трудно сказать, можно ли вполне полагаться на слова современника о Захарове, что «Брюллов считал его лучшим после себя портретистом». Однако портрет «проконсула Кавказа» — произведение впечатляющей художественной силы — получил успех в обществе, и с него было выполнено несколько литографий. Считают, что Петр Захаров мог быть знаком и с Лермонтовым и даже написал его прекрасный портрет в мундире лейб-гвардии Гусарского полка. По свидетельству современника, бабушка поэта, Елизавета Алексеевна Арсеньева, заказала портрет внука в 1834 году, сразу по производстве его в корнеты. Ныне портрет хранится в Институте русской литературы в Петербурге, однако авторство его не считается бесспорным.

Перед схваткой с барсом Мцырн испытывает «жажду борьбы и крови», причем испытывает неожиданно для себя, ибо прежде, говорит он, «рука судьбы вела меня иным путем». Чеченец, ставший русским художником, — это судьба, и рукой судьбы тут послужил сам Ермолов; может быть, не слишком доброй рукой, так как аул Дады-юрт был уничтожен именно по его приказу. Портрет генерал-художник подписал так, как и обычно это делал: «П. Захаров, из чеченцев». С трех лет не слышавший родной речи выросший в русской семье и воспитанный в лоне русской культуры, он упорно выводил всякий раз на законченном полотне: чеченец. Родина бывает только одна.

В ходе военной операции в Дады-Юрте в русский плен попал еще один двухлетний малыш — Озебай Айбулат. Его взял на воспитание прапорщик Нижегородского драгунского полка барон Михаил Карлович Розен,

После Кавказа он служил в Польше. В Варшаве мальчика крестили и нарекли по имени восприемника — великого князя Константина. Под этим именем Константин Михайлович Айбулат-Розен вошел в историю русской поэзии. Его романтической лирике были свойственны восточные мотивы стихотворение «Смерть» часто перепечатывалось и даже приписывалось Лермонтову.

«Смотреть на истину прямыми глазами»

*П. З. Экзаров (Чеченец).
Художник Р. П. П. 1843 г.*

Предлагая своему лицейскому другу «поговорить о бурных днях Кавказа», Пушкин едва ли предполагал, что их бесконечная череда растянется на десятилетия кровавой Кавказской войны. Рыскающий в горах воинственный разбой еще долго тревожил русскую литературу, подвергая вполне реальной опасности пленения ее лучших представителей.

В июле 1828 года А. С. Грибоедов, назначенный министром-резидентом в Персию, совершил переезд по Военно-Грузинской дороге. Только случайность уберегла его от нападения горцев и возможного плена. За несколько верст до станции Коби, как вспоминает его спутник и второй секретарь посольства Карл Аделунг, «нас встретил майор Челяев со свитой примерно в 10 человек казаков и грузин; он был знаком с Грибоедовым раньше; узнав об его приезде, вышел его

приветствовать... После того как мы прошли верст 5 по очень трудной дороге, встретились нам несколько осетин, которые отозвали Челяева в сторону и что-то сказали ему на ухо. Мы узнали, что в трех верстах отсюда собрались 300 осетин, чтоб напасть на проезжающих; люди, которые сообщили нам это известие, были разведчиками. Несмотря на это предупреждение, Грибоедов решил ехать дальше, но, уступив в конце концов просьбам и мольбам Челяева, вернулся, с тем чтоб продолжить путь "а другой день»".

Декабрист Александр Бестужев был переведен из сибирской ссылки рядовым в войска Кавказского корпуса. «Зачинщик русской повести», как назвал его Белинский, сумел здесь вернуться к литературной деятельности и опубликовал под псевдонимом Марлинский многие увлекательные повести. Полный новых впечатлений, он в первом же кавказском очерке делится наблюдением, сделанном в горном краю: «Там над головою путника вьется разбойник воздуха — орел, там рыщет разбойник лесов — волк и разбойник гор — черкес; припав за камнем, готовит им и себе добычу». Перу Бестужева принадлежит и «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», составленный как можно заключить, на основе реальных событий. Объясняя склонность горцев к грабительским набегам, писатель приходит к выводу, что «хищничество есть единственная их промышленность, единственное средство одеться и вооружиться. Скалы родные дают ему скудную пищу, стада - грубую одежду, но ему хочется иметь винтовку с насечкою.

Кафтан с галуном; хочется купить прекрасную жену и пить густую бузу или вино — и как вы хотите, чтобы человек храбрый от привычки, потому что он осужден от колыбели выбивать свое существование у грозной природы. Чтобы человек сильный, и к этому всему нищий, не хотел присвоить себе все, что ему по силам? На грабеж идет он как на охоту, и добыча, взятая им из зубов опасности, для него и плата за труд, и слава за подвиг, и приманка на будущие набеги»³⁹.

Считается, что Бестужев погиб в июне 1837 года при высадке русскими десанта на мысе Адлер. Однако тело **его** после боя найдено не было, и, по существующему предположению, он окончил свои дни, томясь в горском плену.

Как сообщает дагестанский краевед Булач Гаджиев, «несколько сот солдат, не выдержав армейской жизни, в разное время перешли на сторону Шамиля»⁴⁰. Наиболее желанной боевой добычей для горцев были русские офицеры. В стихотворении «Валерик» Лермонтов приводит предсмертный бред раненого капитана («Спасите, братцы, — тащат в горы...»). Передающий, видимо, вполне реальный боевой эпизод. Сам Лермонтов также подвергался опасности пленения. Вот что сообщал он другу в письме о своих кавказских делах: «.. Два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы. Я, одни офицер нашего полка и черкес (мирный, разумеется), и чуть не попались шайке лезгин». Позднее в его странствиях был еще случай, когда поэт едва ушел от настигающей его погони. По рассказу журналиста и издателя А. А. Краевского, Лермонтов подарил ему свой кинжал, которым однажды отбивался «от трех горцев, преследовавших его около озера между Пятигорском и Георгиевским укреплением. Благодаря превосходству своего коня поэт ускакал от них. Только один его нагонял, но до кровопролития не дошло. — Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами на перегонку, увертываться от них, избегать перерезывающих ему путь»⁴¹.

Рассказ этот подтверждают и воспоминания кавказского офицера П. И. Магденко. попутчика в одной из поездок поэта. Но его словам, Лермонтов «указывал нам озеро, кругом которого он джигитовал, а трое черкес гонялись за ним, но он ускользнул от них на лихом своем карабахском коне»⁴².

Осенью 1843 года два месяца в плену у горцев провел приятель Лермонтова — Михаил Глебов (секундант на последней дуэли поэта). Нет худа без добра: история эта, а также удачный побег Глебова наделали много шума и способствовали, как полагают, его быстрой служебной карьере: в чине ротмистра гвардии он попал в адъютанты к самому наместнику Кавказа князю Воронцову.

В июне 1853 года нападению чеченцев подвергся фейерверкер 4-го класса граф Лев Николаевич Толстой. На пути из крепости Воздвиженской в Грозную группу офицеров, в которой были Толстой и его чеченский кунак Садо Мисирбиев, отделилась от основного отряда. Попытка избежать монотонного движения в колонне окончилась печально: атака конных чеченцев была, как всегда, внезапной и молниеносной. Толстой и Садо поскакали в сторону Грозной и сумели оторваться от погони. Остальные повернули к отряду, но лишь один офицер успел спастись. Двое других серьезно пострадали: И Л. Полторацкий получил несколько сабельных ударов, а Г.Д. Щербачев вскоре скончался от тяжелых ран. О происшествии Толстой записал в дневнике «Едва не попался в плен, но в этом случае вел себя хорошо...»⁴³.

Трудно сказать, какой неповторимый опыт приобрел бы в чеченской неволе будущий автор «Казачков» и «Хаджи-Мурата». Во всяком случае описанная ситуация явно напоминает ту, когда пленниками гор оказались его Жилин и Костылин.

Вслед и Пушкиным своих «Кавказских пленников» написали Лермонтов и Лев Толстой. Сбросив «обветшалые лохмотья» романтизма, оба они, участники бесконечной кавказской драмы, изображали войну такой, какой видели сами —

«в крови, в страданиях, в смерти». Оценивая стихотворение «Валерик», запечатлевшее сцены тяжелого сражения в Чечне, Белинский писал, что отличительный характер поэзии Лермонтова заключается «в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину».

В «Хаджи-Мурате» Толстого есть горькие и честные строки о ненависти чеченцев к русским. Отметим, однако, и другое: в нашей классике русский пленник всегда обязан своей вновь обретенной свободой горянке. Реальность непримиримой войны была намного страшнее, но, даже понимая это, авторы «Пленников» переписывали исход жестокого сюжета по-своему так, как им подсказывало сердце.

Примечания

1. Баталин Ф. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды Ч. I — СПб., 1861. — С.22. 2 Центральный Государственный Военно-Исторический АРХИВ.Ф.52.0П 1./194.д.91.л 39
3. Рапорт генерала от кавалерии Тормасова военному ми-нистру М Б. Барклаю де Толли. 15 января . 1810 г. Известия. 2000 - 2 марта. — С 9.
- 4 Мордовцев Д Л Собрание сочинений Т. 48. — СПб, 1902 - С. 119.
5. Потто В.А. Кавказская война Т 2 - Ставрополь Кавказский край. 1994. — С 54.
6. Там же. С. 56.
7. Бестужев-Марлинский Сочинения в двух томах. Т. I. — М.: ГИХЛ. 1958. — С. 624-625.
- Я Торнау. Воспоминания о Грузин // Русский вестник. — 1869. — № 1. — С. 9.
9. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. — Л.: Наука. 1978. С 253
- 10 белинский В. Г. Полное собрание сочинения. Т. XI. — М: АН СССР, 1956. —С. 159.
- II Там же. С. 132.
- 12 Белинский В. Г. Полное собрание сочинения Т VII — С. 373
13. Там же Т XI -С 137.
- 14 Там же. С. 139.
- 15 Там же С 178.
- 16 Бестужев-Марлинский Указ.соч. Т2 -с 639. 17. Эсадзе С. . Штурм Гуниба и пленение Шамиля — Тифлис, 1909. - С 56-57.
- 18 Кавказский сборник. Т. XXXII. 4 1 — Тифлис. 1912 —С 49-50.
19. Дюма Кавказ — Тбилиси Мерани. 1988. — С 31. 97
21. Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина, — Наука, 1975. — С. 200.
22. Филин М. Д. Люди императорской России. Из архивных розысканий. — М: НКП «Интелвак», 2000. — С. 141-144
23. Декабристы, 86 портретов. — М., 1906. — С. 277.
24. Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. — С. 380-381.
25. Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. — М: Искусство 1980. — С. 320.
26. Пятигорск в исторических документах. 1803-1917 я — Ставрополь, 1985. — С. 65.
27. Литературное наследство. Т. 60. Кн. I — М.. 1956. С.271.
28. Там же. С. 276.
29. Записки А.П.Ермолова. 1798-1826. — М.: Высшая школа, 1991.—С. 416-417.

30. Дюма А. Указ. соч. — С. 132.
31. Мухаммед Тахир (аяь Карахи). Три имама. — Махачкала, 1990. — С. 80.
32. Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. — С. 57.
33. Записки А. П. Ермолова. 1786-1826. — С. 386.
34. Там же. С. 392.
35. Там же. С. 338-339.
36. Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. — С. 99.
37. Давыдов Д. В. Сочинения. — М.: ГИХЛ, 1962. — С. 494.
38. Мецераков В. Жизнь и деяния Александра Грибоедова, — М.: Современник, 1989. — С. 421.
39. Русские повести и рассказы А. Марлинского. Ч. 8. Изд. 2. — СПб., 1837. — С. 203-204.
40. Гаджиев Б. Буйнакск в истории и легендах. — Махачкала, 1961.—С. 27.
41. Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество.— М.: Современник, 1987. —С. 304.
42. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература. 1989. — С. 390.
43. Гусев П. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. — М.: Изд. АН СССР, 1954. — С.437.

Глава 9

«С СВИНЦОМ В ГРУДИ ЛЕЖАЛ НЕДВИЖИМ Я...»

Имени этого человека в хрониках Кавказской войны всегда сопутствует эпитет «храбрый». Ранений у него было больше, чем наград. При штурме Варшавы, еще молодым офицером, он потерял глаз. На Кавказе получил пули в ногу, голову и в грудь навывлет. В Севастополе — две контузии и еще одну рану. Его наградили золотым оружием с надписью «За храбрость». Но более памятной, чем все ордена и награды, была для него маленькая серебряная медаль за Ахульго. Звали этого человека Мориц Христианович Шульц.

Путешествуя по Кавказу, знаменитый писатель Александр Дюма не упускал случая порасспросить кого-нибудь из бывалых кавказцев, с тем чтобы заполучить еще одну невероятную историю для своих путевых записок. В Ха-сав-Юрте судьба свела его с молодым офицером — сыном генерала П. Х. Граббе, командовавшего в 1839 году штурмом «орлиного гнезда» Шамиля — крепости Ахульго.

По рассказам ветеранов, дополненным молодым Граббе, Дюма составил картину небывалого сражения, разгоревшегося в день решительного приступа. «Сей день, — пишет Дюма, — был днем кровавой сечи, какой ни орлы, ни коршуны, парившие над вершинами Кавказа, никогда еще не видывали. Противники буквально плавали в крови; лестницы, с помощью которых влезали на стены, были составлены из трупов. Не слышно было воинственной музыки для ободрения сражающихся, она умолкла. Хрипение умирающих заменяло ее»¹.

Присутствие музыкантской команды в этой гигантской мясорубке, в которой обе стороны сражавшихся потеряли несколько тысяч человек, можно отнести к пылкой

фантазии французского беллетриста, но в том, что при Ахульго состоялась одна из самых грандиозных битв Кавказа, войны, сомневаться не приходится.

В бою принимал участие и тридцатитрехлетний штабс-капитан генерального штаба Мориц Христианович Шульц. Имя этого храброго, толкового офицера, дослужившегося потом и до генеральских погон, могло бы, пожалуй, затеряться в кавказских хрониках, если бы не одно особое обстоятельство, отметина судьбы: Шульц стал прототипом или, в данном случае позволительно сказать, протогероем лермонтовского «Сна».

Прежде чем поведать читателю этот драматический эпизод из его боевой судьбы, попробуем восстановить картину отчаянного штурма высокогорной твердыни Шамиля, благо в нашем распоряжении имеется такой подробный и достоверный источник, как «Описание военных действий 1839 года в северном Дагестане», составленное полковником Милютиным. Напомню, что Дмитрий Алексеевич Милютин, товарищ Лермонтова по Московскому университетскому пансиону, человек блестяще одаренный и оставивший свой след в военной истории России. Двадцать лет он провел на посту военного министра и окончил карьеру в звании генерал-фельдмаршала. А под Ахульго получил пулю в правое плечо и орден Святого Владимира. Блокада и осада Ахульго продолжались восемьдесят дней, военные действия достигли на этот раз тех мест, замечает Милютин, «куда до этого времени еще никогда русское оружие не проникало; они сопряжены были с такими затруднениями естественными и с таким упорным сопротивлением со стороны неприятеля, какие прежде едва ли встречались...»².

М. Х. Шульц

Что же представляло собой это горное гнездо? Ахульго — не один аул, а два — Старый и Новый, занимавшие вершины двух почти отвесных утесов, разделенных глубоким ущельем реки Ашильты. Несколько бревен, переброшенных над пропастью, служили единственным мостом, по которому сообщались между собой жители аулов. Оба скалистых утеса, огражденные кругом отвесными и каменистыми обрывами, образуют как бы полуостров, огибаемый с трех сторон рекою Койсу. Над Новым Ахульго высится почти отвесно остроконечная вершина, на которую можно было взобраться только

поодиночке. Здесь горцами была возведена неприступная Сурхаева башня. «...Вся местность вокруг обоих Ахульго чрезвычайно сурова и дика, — пишет Милютин, — горы каменистые, бесплодные, как будто все в трещинах. Горные потоки во многих местах низвергаются в пропасти с отвесных уступов».

Шамиль собрал в Ахульго около четырех тысяч своих приверженцев, из которых более тысячи имели прекрасное вооружение. Человек сто самых отчаянных мюридов заперлись в Сурхаевой башне. Силы русских состояли из нескольких батальонов регулярных кавказских полков, усиленных казаками и конной милицией. По горным перевалам к стенам Ахульго были доставлены три десятка артиллерийских орудий.

Общая численность войск превышала десять тысяч человек. Руководил осадой генерал Граббе (в прошлом адъютант Ермолова), поклявшийся своим именем ("граб" по немецки значит «могила»), что возьмет Шамиля живым или мертвым. За голову имама было обещано сто червонцев.

Кольцо глухой блокады сомкнулось вокруг Ахульго 12 июня. По ночам саперы вели осадные работы, артиллерия без усталости беспокоила неприятеля, в передовых

секретах были собраны лучшие стрелки. Первые попытки штурма не увенчались успехом, а только принесли ощутимые потери. Вскоре Сурхаева башня была разрушена русскими ядрами. Атака, предпринятая 17 августа, заставила Шамиля выкинуть белый флаг, а потом и выдать аманатом (заложником) сына Джемаладдина.

Переговоры, на которые ушло несколько дней, не дали результата, и Граббе отдал приказ к решительному штурму. Описывая события этого дня, Милютин изменяет своему сухому и точному стилю. «Трудно изобразить все сцены этого ужасного, фантастического боя,- восклицает военный историк. — Горцы, несмотря на неминуемую гибель, ни за что не хотели сдаваться и защищались с иступлением: женщины и дети с камнями или кинжалами в руках, бросались на штыки или в отчаянии кидались в пропасть на верную смерть...»

Ахульго пал. Над вершинами скалистых утесов развивались русские знамена. Граббе доносил в рапорте: «28 августа был днем развязки экспедиции против Шамиля; я считаю дело конченным, хотя бы... возмутитель и успел спастись. Нет более ему веры в горах; нет более для него пристанища ни на утесах, ни в ущельях; нигде не может он найти место недоступнее бывшего гнезда его Ахульго и приверженцев храбрейших тех, которые жертвовали собою за него. Партия его истреблена вконец..»³

Но цели своей русские все же добились: Шамилю с семьей и горсткой преданных мюридов удалось укрыться в пещере на берегу реки Койсу, а потом ночью совершить побег, пробившись с боем через русские посты. Он ушел, оставив в руках гяуров старшего сына и потеряв во время прорыва жену Джавгарат. Ушел, растаял без следа, как пороховой дым среди скальных уступов.

Что касается Шульца, то под Ахульго он получил несколько пуль. В день последнего сражения, указывая путь штурмовой колонне, он был тяжело ранен в грудь навылет. В горячке боя о нем не сразу вспомнили, и он еще долго лежал под палящими лучами среди павших. В минуты, когда сознание возвращалось к нему, он вспоминал о любимой девушке, оставшейся в России.

Граббе полагал наградить героя следующим чином. Но царь Николай I собственноручно начертал резолюцию о производстве Шульца в полковники. Его перевезли в госпиталь в Темир-Хан-Шуру, потом он лечился на водах в Пятигорске и за границей.

Вернувшись на Кавказ, Шульц встретил Лермонтова и рассказал ему свою историю. Это было в Ставрополе или Пятигорске (здесь сведения расходятся) и скорее всего в 1840 году. Лермонтов, переведенный тогда из гвардии в Тенгинский пехотный полк, участвовал в экспедициях в Чечне и Дагестане под командой генералов Граббе и Гала-феева, в памяти которых еще отчетливы были апокалиптические картины разрушенного боем Ахульго. О Шульце заставляет вспомнить строка лермонтовского «Завещания» («Скажи им, что навылет в грудь я пулей ранен был...»), написанного в это же время.

Несколько позднее, в январе 1841 года, в Ставрополе, в доме Грабе с Лермонтовым познакомился инженер Андрей Иванович Дельвиг, передавший в своих воспоминаниях подробности тех дней, имеющие некоторое отношение и к битве при Ахульго. «За обедом всегда было довольно много лиц, — пишет Дельвиг. — но в разговоре участвовали Грабе, муж и жена, Трескин. Лев Пушкин, бывший тогда майором, поэт Лермонтов, я и иногда еще кто-нибудь из гостей. Прочие все ели молча. Лермонтов и Пушкин называли этих молчаливых картиною галерею. Лермонтова я увидал в первый раз за обедом 6-го января. Он и Пушкин много острили и шутили с женою Грабе, женщиною небольшого ума и малообразованною Пушкин говорил,

что все великие сражения кончаются на «о», как - то: Маренго, Ватерлоо, Ахульго и т. д. Я тут же познакомился с Лермонтовым и в продолжение моего

пребывания в Ставрополе всего чаще виделся с ним и Пушкиным. Они бывали у меня, но с первого раза своими резкими манерами не всегда приличными остротами и в особенности своею страстью к вину, не понравились жене моей. Пушкин не чай с ромом, а ром с несколькими ложечками чая, и видя, что я вовсе рома не пью, постоянно угощал меня кахетинским вином... Лермонтов и Пушкин пришли меня проводить. Первый уверял, что по казачьим землям можно ездить только штаб-офицерам или с крестом на шее, иначе подвергнешься неприятностям со стороны казаков, и потому убеждал меня мой петличный Аненский крест надеть на шею. Конечно, я его не послушался»⁴.

Генерал П. К. Граббе. Литсография В. Тана

Сам Лермонтов в боях с горцами не получил даже царапины. Но видел вблизи и смерть, и кровь, буквально потоки крови, когда вода в горной реке становилась красной («мутная волна была тепла, была красна»). Граббе и другие командиры представляли его к наградам, в том числе и золотым оружием с надписью «За храбрость». Но ни в наградах, ни в любви Лермонтов не был так счастлив, как штабс-капитан Шульц... Свою историю Шульц рассказывал много раз, прибавляя уже и ту замечательную подробность, что Лермонтов использовал ее как поэтический сюжет. Возможно, время стирало в его памяти какие-то детали. Возможно, его слушатели добавляли потом что-то и от себя. Один из них, писатель А. Бежецкий передает, например, слова Лермонтова, сожалевшего, что он не попал в экспедицию под Ахульго. Более того,

Бежецкий приводит большой (в сорок строк) и **как** бы первоначальный вариант стихотворения, сочиненного Лермонтовым по рассказу Шульца

В долине Кавказа, где скалы
Толпою теснятся кругом.
Лежал он с зияющей раной,
Насмерть пораженный врагом..⁵

Здесь, несомненно, слышны отголоски «Сна» Но написал это стихотворение кто-то другой, находясь, вероятно, под сильным впечатлением от лермонтовского шедевра.

Услышанную от Шульца историю пересказывали потом генералы Степанов и Девель, встречавшиеся с ним во время турецкой войны 1877-1878 годов. Более известны воспоминания Шульца (тогда уже генерала) в пересказе Г. К. Градовского. Молодым офицером наш герой сделал предложение родителям любимой девушки, но получил отказ. Его сочли не слишком выгодным женихом. Но она обещала ждать.. Шульц отправился на Кавказ — заслужить чины и награды. За Ахульго он получил Георгиевский крест. Возвращаясь из-за границы, в Дрездене, возле Рафаэлевой Мадонны чудесным образом встретился со своей возлюбленной. Потом, на Кавказе, рассказал об этом Лермонтову. «Рассказал, — продолжает Шульц, — и Лермонтов спрашивает меня: — Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитых и раненых? — Что я чувствовал? Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими лучами солнца; но в полузабытьи мысли мои часто неслись далеко от поля сражения, к той ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился ее жених.

Лермонтов промолчал, но через несколько дней встречается меня и говорит:
— Благодарю вас за сюжет. Хотите прочесть?

И он прочел мне свое известное стихотворение: В полдневный жар а долине Дагестана...»⁴

С. В. Иванов. Иллюстрация к стихотворению
М. Ю. Лермонтова «Сон»

«Сон» — одно из последних стихотворений, созданных Лермонтовым. Его автограф находится в тетради, которая была у поэта на Кавказе в 1841 году. Возможно, Лермонтов написал его незадолго до роковой дуэли в Пятигорске. Но был ли здесь в это время Шульц? Ах, если бы это доподлинно знать... «Сон» часто называют самым многозначительным и загадочным стихотворением Лермонтова Д. С. Мережковский

видел в нем «воспоминание будущего», то есть мистическое пророчество

Лермонтовым своей собственной судьбы. В. С. Соловьев назвал его «сном в кубе», а

В.В. Набоков - "тройным сном" и считал, что "витки этих пяти четверостиший сродни переплетению пяти рассказов, составивших роман «Герой нашего времени»⁷. Но вернемся к нашему герою. До 1855 года он служил на Кавказе, в чине генерал-майора занимал пост коменданта Александропольской крепости. Это был, по словам современника, «весьма эксцентричный, но увлекательный и храбрый человек»⁸. Испросив отпуск якобы для лечения старых ран, он устремился в осажденный Севастополь, откуда привез новое ранение, две контузии и золотую саблю с бриллиантами и надписью «За храбрость». Потом был комендантом крепости Динамюнде, участвовал (в возрасте 70 лет) в русско-турецкой войне и окончил службу в чине генерала от кавалерии. Приведем еще одно воспоминание о Шульце — генерала Девеля, встречавшегося с ним при штабе Лорис-Меликове во время турецкой кампании: «Как теперь его вижу, небольшого роста, тоненький, с седой бородой, в конно-артиллерийском сюртуке, «Георгием» в петлице и «бриллиантовой» саблей сбоку, едущего в стороне от всех на небольшой светло-рыжей лошадке... Я подъехал к генералу Шульцу с целью обменяться событиями дня, и он вдруг меня спросил:

— Вы видели, как переносили раненного майора Гоппе?

На мой утвердительный ответ он возразил: — Черт знает, как при переноске беспокоят раненного и советую вам, если вас ранят, то лежите спокойно.

Я удивился и из уважения к старику-генералу не возражал.

— А на Ахульго, — продолжал он, — я был ранен грудь навылет и целую ночь пролежал среди убитых и этому только обязан, что остался жив, — кровь сама собой остановилась. В Пятигорске, где я лечился от ран, я рассказал Лермонтову про свою рану и посоветовал ему, так же как и вам, не позволять себя трогать, если он будет ранен в экспедиции против горцев. А через несколько дней он мне прочел свое чудное стихотворение, написанное им по поводу моего рассказа...»⁹.

В военных записках «Под Карсом», принадлежащих перу ветерана кавказских битв генерала П. Ф. Степанова, приводится еще один вариант истории Шульца, рассказанной им самим. Новых подробностей Степанов не сообщает, но называет Шульца спартанцем и восхищается тем, как этот «среднего роста, тщедушный старик, притом израненный, равнодушно и без ущерба здоровью, переносил все невзгоды походной жизни, тяготившей и молодых людей»¹⁰.

Медаль «За взятие штурмом Ахульго»

В 1964 году «Военно-исторический вестник», издаваемый в Париже Обществом ревнителей русской военной старины, посвятил М. Х. Шульцу небольшую статью. Интересно, что в этом же номере помещен и очерк Л. С. Пенькова «От Темир-Хан-Шуры до Ахульго». Автор посетил места бывших сражений в 1914 году и вот что увидел тогда на горных уступах: «Напрасны были мои поиски обнаружить какие-либо остатки грозной твердыни Шамиля. Все было взорвано и уничтожено при взятии Ахульго... Вероятно, сам Шамиль, как трезвый реалист, вполне сознавал, что защита Ахульго была безнадежна. В течение нескольких недель

20 русских орудий поливали снарядами гору вдоль и поперек. При скученности защитников на небольшой площади им было невозможно устоять. Да, защитники Ахульго при штурмах оказывали безумную храбрость и геройство. Участники взятия Ахульго свидетельствовали, что даже женщины, переодевшись в мужское платье, становились с оружием в РУках рядом с мужчинами на завалах...». Даже семьдесят пять лет спустя после штурма земля Ахульго была усеяна нулями и картечью...

За Ахульго Шульц получил в награду не только Георгиевский крест. Была установлена и серебряная **медаль** на георгиевской ленте — единственная, насколько нам известно, за всю шестидесятилетнюю историю Кавказской войны медаль, посвященная отдельному сражению. На одной ее стороне значилось: «За взятие штурмом Ахульго 22 авг. 1839 г.» Другую украшал вензель Николая I. Не берусь судить, можно ли отнести к боевым наградам Шульца стихотворение Лермонтова. Если да, то эта награда, как и все остальные, была оплачена кровью...

Храбрец Шульц передавал слова Лермонтова о том что он сам хотел бы пройти через испытания, выпавшие на долю нашего героя: «Какая жалость, что я не попал под Ахульго, это, говорят, была удивительная экспедиция.. Ах, я желал бы все испытать. Конечно, я пережил бы, так же, как и вы, тяжелые минуты, но все-таки желал бы их Кто знает, какие бессмертные творенья мог оставить нам поэт, пройди он через адское пламя, полыхавшее на вершинах Дагестана. Но Ахульго — не Бородино, и дальнее зарево этой битвы теперь едва различимо в исторических потемках. Нерукотворным же памятником ее героям навсегда остался лермонтовский «Сон».

Примечания

1. Дюма А Кавказ. — Тбилиси. 1988. — С. 59.
2. Здесь и далее: Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. — СПб., 1850.— С. 1,2. 72.118,119.
3. Кровяков Н. Шамиль. — М 1940. —С. 40.
4. Дельвиц А. И. Мои воспоминания. Т. I. — М-. 1912. — С 297-298.
5. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников — М.: Художественная литература, 1989. — С. 606.
6. Там же. С. 392.
7. Новый мир — 1988.— >44. —С. 190.
8. Русско-турецкая война за Кавказом в 1853 и 1854 гг.

Их записок генер. от инфант. М. Я. Ольшевского Русская старина. — 1884. — Октябрь. — с. 175.

9. *Топорков Ю* Мориц Христианович фон Шульц, современник Лермонтова // Военно-исторический вестник (Париж).

- 1964. — № 24. — С. 24.

10. *Городецкий С.* Lermontiana || Кавказское слово. — 1919.

- 10 августа.—№ 163.

11. *Пеньков Л- С.* От Темир-Хан-Шуры до Ахульго // Военно-истерический вестник» (Париж). — 1964. — Л» 24. — С. 15.

12. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.. Художественная литература, 1989. — С. 605-606.

Глава 10

«ОН РАНЕН БЫЛ В БОЮ У ЛЕСА...»

Об одном стихотворении, приписанном М. Ю- Лермонтову

Отправляясь в 1858 голу в Россию, знаменитый французский романист Александр Дюма обещал читателям своего журнала «Монте-Кристо» подвести их к «скале, к которой был прикован Прометей», и «посетить стан Шамиля, этого другого титана, который в своих горах борется против русских царей»¹. Популярность Дюма в России была невероятной. Его встречали так, что в одном из писем той поры писатель сравнивал великолепное русское гостеприимство с золотыми рудниками Урала. Даже императорский фарфоровый завод выпускал изящные фигурки, изображавшие персонажей романа «Три мушкетера».

Александр Дюма

Особый интерес вызывал роман Дюма о России — «Записки учителя фехтования», где речь шла о восстании декабристов, и книга, разумеется, находилась под строгим запретом. Княгиня Трубецкая передает следующий эпизод: однажды, когда они с императрицей с увлечением склонились над страницами романа, чтение было прервано неожиданным появлением Николая 1. Княгиня Трубецкая быстро спрятала книгу под подушку, но движение не ускользнуло от глаз царя.

«Император приблизился и, остановившись против своей августейшей половины, дрожавшей больше по привычке, спросил:

-Вычитали?

— Да, государь.

— Хотите, я вам скажу, что вы читали?

Императрица молчала

— Вы читали роман Дюма «Записки учителя фехтования».

— Каким образом вы знаете это, государь?

— Ну, вот! Об этом нетрудно догадаться. Это последний роман, который я запретил»².

Российская столица встретила писателя как самого дорогого гостя. «Петербург принял г. Дюма с полным русским радушием и гостеприимством... да и как же могло быть иначе? — писал в Петербургской жизни» И. И. Панаев. — Господин Дюма пользуется в России такую же популярность, как и во всем мире между любителями легкого чтения, а легкие чтцы составляют большинство в человечестве...»

Вернувшись во Францию, Дюма выпустил семь томов путевых впечатлений — «В России» и «Кавказ». Однако обещания, данного своим читателям, писатель не сдержал: о встрече с Шамилем там нет ни строчки. Впрочем, образ грозного имама, и ряд драматических эпизодов Кавказской войны отразились на страницах этих книг, представляющих собой увлекательное повествование, полное приключений, встреч, исторических экскурсов, легенд и разнообразных сведений, иногда достоверных, иногда -рожденных смелой фантазией французского романиста.

Из Петербурга Дюма отправился в Москву, а оттуда через Нижний Новгород по Волге в Астрахань и дальше — в Кизляр, которому он посвятил первую главу своего "Кавказа" Путевым заметкам предшествует вступление — довольно пространный очерк кавказской истории, от Прометея до Шамиля, причем здесь переданы и подробности событий, без которых французскому читателю была бы не ясна ситуация на Кавказе: возникновение мюридизма и гибель имама Кази-Муллы при взятии русскими войсками Гимр, убийство Гамзатбека и достижение Шамилем степени имама Дагестана и Чечни. «Всему миру и известно, — пишет Дюма. - какого непреклонного и упорного врага обрели русские в этом горском властителе»³.

Поездка Дюма проходила осенью 1858 года, когда исход долгой борьбы был уже предрешен и кольцо русской осады постепенно сжималось вокруг имама. «Шамиля окружают и стесняют все более и более, надеясь, что он будет задушен в каком-нибудь узком ущелье. По прибытии в Хасав-Юрт, мы находились в полумиле от его аванпостов и в пяти милях от его резиденции»⁴. Как видим, прогноз Дюма не слишком расходится с тем стратегическим планом, какой избрало русское командование на Кавказе: в августе 1859 года последнее горное гнездо Шамиля, неприступный Гуниб, было блокировано войсками, и с первыми попытками штурма имам, после мучительных колебаний, сдался наместнику Кавказа князю Барятинскому. Составить себе представление о русской стратегии Дюма мог из бесед с командирами гарнизонов и полков, да и простыми офицерами, никогда не упуская случая расспросить их (а потом и записать) о самых ярких и памятных событий горной войны.

В Шемахе писатель познакомился с офицером, пробывшим пять месяцев в плену у горцев. За него требовали выкуп в двенадцать тысяч рублей, потом снизили до семи, из которых три с половиной тысячи собрали родные и сослуживцы, остальные добавил граф М. С. Воронцов "Этот офицер. — пишет Дюма, мог дать подробные сведения — точные и неоспоримые — о Шамиле, которого хорошо знал. Я не мог не уступить такому искушению». Рассказ бывшего пленника имама, переданный Дюма, стал одной из самых интересных глав в его книге - «Шамиль, его жены и дети». Вот несколько самых примечательных мест оттуда: «С первого взгляда можно угадать в нем человека высшего достоинства, человека, созданного повелевать.

Рост высокий, лицо короткое, спокойное, важное, чаще имеющее меланхолический вид. Впрочем, черты его лица доказывают, что они могут выражать самую сильную энергию Цвет лица его бледный, резко обозначающий брови и почти черные глаза, которые, по азиатскому обычаю (наподобие отдыхающего льва), он держит полузакрытыми; у него рыжая, лоснящаяся борода, красные губы, маленькие правильные тубы...

Его обычный костюм составляет черкеска из зеленого или белого лезгинского сукна. На голове он носит папаху из белой, как снег, овчины. Папаха обвита тюрбаном

из белой кисеи, конец которой висит сзади. Верхняя половина папахи покрыта красным сукном с черной верхушкой. Он красиво сидит на коне и смело преодолевает даже наиболее трудные места, способные вызвать у самых, важных всадников головокружение. Отправляясь на сражение, он вооружается кинжалом, шашкой, двумя заряженными пистолетами и одним заряженным ружьем. При нем постоянно находятся два мюрида — каждый с двумя заряженными пистолетами и одним ружьем; в случае смерти одного из них новый мюрид заступает его место. Шамиль отличается чрезвычайно высокой нравственностью и строго наказывает других за слабости.

Рассказывают историю, которая подтверждает изложенное выше. Бездетная вдова - татарка, и, следовательно, совершенно свободная в своих поступках, жила с лезгином, обещавшим на ней жениться. Она забеременела; Шамиль, узнав об этом, велел отрубить голову обоим. Я видел у кавказского наместника князя Барятинского секиру, использовавшуюся в этой экзекуции...»3. (Секира Шамиля, всегда возимая за ним как символ высшей власти, имела вид длинного лунообразного топора с резными украшениями вдоль обуха. Была отбита у Шамиля при отступлении его к Гунибу и впоследствии в качестве почетного трофея хранилась в Военно - историческом музее в Тифлисе.)

Пока Дюма проводил время в переездах и беседе во Франции распространились слухи о его смерти. Сам писатель узнал об этом из номера «Петербургских ведомостей» и, чтобы развеять их, послал из Баку подробное письмо о своих делах на Кавказе поэту и романисту Жозефу Мери. Со свойственным ему остроумием Дюма сообщает, что не так глуп, чтобы расстаться с жизнью столь преждевременно». Кавказский хребет он назвал мостом Магомета и не преминул рассказать о стычке с горцами: "Мы перерезали территорию Шамиля и дважды имели случай обменяться ружейными выстрелами со знаменитым предводителем мюридов. С нашей стороны убиты три татарина и один казак, а с его стороны — пятнадцать черкесов...»6. (Заметим, что Дюма, подобно многим авторам того времени, слово «татары» употребляет как одно из общих названий кавказских тюркоязычных народов, а «черкесами» тогда часто называли вообще горцев.)

В книге «Кавказ» о схватке с мюридами нет ни слова. Встреча с отрядом грозного имама, произойди она на деле, могла иметь совсем другие последствия. Видимо, Дюма преувеличил, поддавшись собственной необузданной фантазии или став жертвой невинной мистификации, которую разыграли его провожатые. Дело тут вот в чем.

А. П. Оленин, служивший в то время на Кавказе, рассказал о пребывании Дюма в Чир-Юрте. Когда писатель отправился в дальнейший путь, его провожали командир Нижегородского драгунского полка князь А. М. Дондуков-Корсаков и группа молодых офицеров. Неожиданно появились конные чеченцы, и завязалась перестрелка. «Дюма словно преобразился, — пишет Оленин. — Во весь опор вынесся он с нами вперед туда, где завязалась лихая перестрелка. То наскакивая, то удаляясь, горцы перестреливались с нашими. Вскоре горцы, обмениваясь последними выстрелами, усаkali восояси. У нас убитых не оказалось-»7.

Однако прошло много лет, и собирателю кавказской старины В. Д. Карганову удалось добыть сведения, раскрывающие подлинный смысл этого тревожного происшествия. Вполне достоверные сведения о нем сообщил М. П. Хаккель, бывший личный секретарь князя Дондукова-Корсакова. Перестрелка оказалась розыгрышем: «У первой опушки князю пришла мысль позабавиться симуляцией нападения горцев, для чего было послано несколько солдат-драгун в лес разыграть стычку с воображаемым Шамилем. После перестрелки романисту рассказали разные небылицы о сражении в лесу и, в подтверждение, показали ему какие-то лохмотья, обмоченные в крови **барана**, заколотого к обеду»8.

Так или иначе, путешествие продолжалось. Кстати, Дюма проявил интерес к кавказскому оружию и одежде. Известен фотоснимок, где писатель позирует в черкеске и папахе, с кинжалом и шашкой. Посетив Баку, Шемаху и ряд других достопримечательных мест, Дюма встретил новый 1859 год в Тифлисе, а потом из Поти на пароходе «Сюлли» отбыл в Марсель.

Русская пресса не обошла вниманием визит знаменитого романиста, не упуская случая дать волю иронии. В 1858 году в Петербурге вышел в свет альбом карикатур Н. Степанова «Знакомые», в котором несколько рисунков были посвящены путешествию Дюма по России. Есть сюжет, обыгрывающий неосторожное обещание писателя встретиться с Шамилем. Дюма крепко держит за одежду отбивающегося от него Шамиля, а тот молит о пощаде «М-г Дюма, оставьте меня в покое, я спешу отразить нападение русских». Но Дюма до этого нет дела, он отвечает: «Об этой безделице можно подумать после, а теперь мне нужно серьезно переговорить с вами: я приехал сюда, чтобы написать ваши записки в 25 томах и желаю сейчас же приступить к делу». (Дюма, действительно, отличался необычайной писательской плодовитостью: вышедшее во Франции в середине прошлого века полное собрание его сочинений насчитывало 301 том, причем он работал в самых разнообразных жанрах — вплоть до поваренной книги.)

Графиня Ростопчина. Литография XIX в.

Путешествие Дюма по России и Кавказу, как ни парадоксально, стало фактом русской литературы: в одной из статей о нем упоминает Ф. М. Достоевский. На выход в свет путевых записок Дюма он откликнулся едкой иронией: иной парижский путешественник, «пожалуй, напишет свое путешествие в Париже еще прежде поездки в Россию- продаст его книгопродавцу, и уже потом придет к нам — блеснуть, пленить и улететь... Схватив первые впечатления в Петербурге, выучив мимоходом русских бояр (Les boyards) вертеть стол, он решается, наконец изучить Россию основательно, в подробностях, и едет в Москву... Затем путешественник едет далее, восхищается русскими где вместе с русскими пластунами стреляет черкесов, сводит знакомство с Шамилем и читает с ним «Трех мушкетеров»⁹.

С той далекой поры, когда Дюма совершил свою увлекательную поездку, минуло полтора столетия. Закончилась Кавказская война: Шамиль был покорен и обречен на почетный плен в России. Встреча писателя с грозным имамом не состоялась и едва ли могла состояться. Но ожидание ее будило фантазию Дюма, придавало особую остроту его впечатлениям, которые для нас сохранило в кавказских записках его счастливое перо.

Да, вернувшись во Францию, Дюма выпустил три тома путевых записок под общим названием «Кавказ». В главе, названной «Цитаты», писатель поместил несколько понравившихся ему стихотворений Лермонтова в своих переводах. Все они хорошо известны русскому читателю в оригинале. Все, кроме одного, — стихотворения «Раненый». Это не могло быть случайностью или ошибкой. Дюма был отлично осведомлен о русских литературных делах. В Дербенте он интересов судьбой опального декабриста и писателя Александра Бестужева-Марлинского, некогда отбывавшего здесь годы подневольной солдатчины, а потом во Франции выпустил увлекательный роман "Султанетта", представлявший собой перевод-переделку повести

Бестужева «Аммалат-Бек». Что касается Лермонтова, то еще в 1855 году в журнале Дюма «Мушкетер» печатался перевод «Героя нашего времени», а в России в его распоряжении оказался прекрасный очерк жизни и творчества русского поэта, присланный ему Евдокией Ростопчиной. С Додо, как звали ее друзья, Лермонтов был знаком с юности. Посвящал ей стихи. Ее имя он упомянул в последнем письме из Пятигорска к бабушке своей Е. А. Арсеньевой: «Напрасно вы мне не послали книгу графини Ростопчиной; пожалуйста, тотчас же по получении моего письма пошлите мне ее сюда в Пятигорск...»¹⁰. Они особенно сблизились в последние годы, и вряд ли кто-то еще из друзей поэта мог бы нарисовать столь живой и психологически достоверный его портрет.

Послание Ростопчиной с рассказом о Лермонтове Дюма полностью поместил в своей книге, посвятив ему отдельную главу — «Письмо». В ее записках есть одна деталь, отчасти объясняющая, почему Дюма перевел и напечатал «Раненого», без колебаний приняв его за лермонтовский шедевр. Ростопчина сообщает о поэте, что, находясь на Кавказе, «каждый раз только он оканчивал, пересматривал и исправлял тетрадь своих стихотворений, он посылал ее к своим друзьям в Санкт-Петербург. Эта пересылка была причиной того, что мы должны оплакивать потерю некоторых из его лучших сочинений. Тифлисский курьер, часто преследуемый чеченцами или кабардинцами, подвергаясь опасности упасть в поток или в пропасть, переправляясь вброд, где иногда для спасения самого себя он бросает вверенные ему пакеты, утратил две или три таких тетради Лермонтова. В частности, это случилось с последней, которую Лермонтов послал, было, к своему издателю, но она затерялась, и у нас остались только наброски стихотворений, содержащихся в этой тетради»¹¹.

Всего в книге Дюма содержится восемь его переводов лермонтовских стихотворений («Дары Терека», «Дума», «Спор» и другие) и сверх того еще одно — «Le blessé» («Раненый»), публикацию которого знаменитый романист предварил особым замечанием: «Мы выписали из одного альбома стихотворение, которого нет в собрании сочинений Лермонтова...». И это отсутствие Дюма объяснил, ссылаясь на слова Ростопчиной о потерянной тетради «возможно, оно составляло часть той, последней посылки, которую потерял курьер»¹².

Предполагают, что этот рукописный альбом мог принадлежать Ростопчиной. И действительно, уезжая на Кавказ, Лермонтов подарил ей альбом и вписал туда посвященное ей стихотворение —

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены...

(Графине Ростопчиной. 1841)

Но этот альбом до нас не дошел. Другого же альбома, откуда Дюма мог выписать «Раненого», да и вообще русского оригинала этого стихотворения тоже никому обнаружить не удалось. Какие же есть основания считать неизвестный нам исходный русский текст лермонтовским?

Первый биограф поэта П.А. Висковатый, редактируя первое полное собрание его сочинений (1889), поместил стихотворение (во французском переводе Дюма) в разделе приложений и сделал осторожное предположение: «Между стихотворениями нашего поэта мы такого знаем, и откуда мог его получить Дюма нам неизвестно. Характер стихотворения, пожалуй, и подходит к поэзии Лермонтова, и мы думаем, не есть ли этот перевод только весьма вольное подражание стихотворению Лермонтова «Завещание»¹³.

Самое интересное, что Висковатый предлагает свой стихотворный (обратный!) перевод с французского: Как зверь подстреленный, у леса он лежал. Вокруг безмолвная природа. Сочилась кровь - он тихо умирал Без ласки теплой и ухода.

А думы в даль летят - минуты сочтены;
И в нем сильнее тоска и муки —
Он знает, что забыт, хоть ею полны сны.

Хоть к ней простер хладеющие руки. Высказывалось и прямо противоположное мнение, и высказал его глубокий и тонкий исследователь Б. М. Эйхенбаум. В комментариях к полному собранию сочинений Лермонтова, выпущенному издательством "Academia" в 1936 году, он пишет, что «предположение Висковатова неправдоподобно: стихотворение, приведенное у Дюма, не имеет ничего общего с "Завещанием"¹⁴

Там же дается подстрочный перевод французского текста: «Видите ли вы этого раненого, который в судорогах лежит на земле? Он умрет здесь, у пустынного леса, и никто не облегчит его страданий; но кровь из его раны сочится с удвоенной силой и боль сердца особенно жестока потому, что, погружаясь в воспоминания, он знает, что забыт»¹⁵.

На этом история «Раненого» не кончается: нам известны еще по крайней мере два интересных перевода этого стихотворения на русский язык. Но об этом несколько ниже. А теперь попробуем ответить на главный вопрос: есть ли основания считать исходный текст лермонтовским? Рассмотрим три мотива, характерных для Лермонтова и отчетливо присутствующих в тексте «Раненого».

Время и место

В стихотворении «Раненый» не обозначены конкретные признаки времени и места, у Лермонтова же там, где стихотворный сюжет разворачивается в реальном внешнем пространстве, оно всегда имеет четкие топографические ориентиры. Действие, как правило, и начинается с обозначения обстоятельств времени и места: Между Машуком и Бешту, назад Тому лет тридцать, был аул... (*Аул Бастунджы. 1833-1834*) В полдневный жар в долине Дагестана... (*Сон, 1841*)

Особенно характерно в этом отношении стихотворение «Валерик»: автор-рассказчик, едва начав повествование о боевых действиях, прерывает себя, чтобы обозначить место событий:

Раз — это было под Гехами —
Мы проходили темный лес...

Поэту нет дела, что его читатель никогда до этого не слышал и никогда больше не услышит название горского селения Гехи, он навсегда вписывает его в свой текст, имея в виду какую-то понятную только ему художественную цель. Определение времени и места события сопровождается у Лермонтова и другими уточняющими приметами внешнего мира, из которых можно выделить столь любимые им, художником, цветовые признаки. Здесь и «чета белеющих берез», и старинная башня, что стоит «чернея на черной скале» там, «в глубокой теснине», «во мгле», где вообще, кажется, никакой цвет различить нельзя. Для краткости обратимся лишь к одному кавказскому батальному стихотворению — «Як вам пишу...» («Валерик»):

Кругом белеются палатки...
Люблю я цвет их желтых лиц...
...один мюрид
В черкеске красной ездит важно.
Конь светло-серый весь кипит...
Сейчас, смотрите: в шапке черной...
Мы проходили темный лес...
...пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес... Скликались дико голоса Под их зелеными шатрами...
...мутная волна Была тепла, была красна... Окрестный лес, как бы в тумане. Синел
в дыму пороховом...
(Валерик. 1840)

Представлен почти весь спектр, только вместо голубого — лазурно-яркий и не хватает экзотических оранжевого. В фиолетового, отсутствие которых понятно и восполняется замечательным набором: белый, черный, светло-серый. Объемы «Валерика» и «Раненого» несравнимы, но «Раненый» для Лермонтова слишком беден и бледен.

Ранение. Рана. Кровь

Весьма характерный для Лермонтова мотив, однако реализуемый у него несколько иначе, нежели в переводном тексте Дюма: описание ранения, если и не детальное, то всегда имеющее ряд уточняющих указаний: С свинцом в груди лежал недвижим я; Глубокая еще дымилась рана. По капле кровь точилась моя...*(Сон, 1841)*
Скажи им, что навывлет в грудь Я пулей ранен был...*(Завещание. 1840)*

...Он умирал:
В груди его едва чернели
Две ранки: кровь его чуть-чуть
Сочилась...
(Валерик 1840)

То же и в прозе. Рассмотрим три самых известных трагических эпизода из трех частей «Героя нашего времени»: смерть Бэлы, смерть Грушницкого и смерть Вулича. Казбич поразил Бэлу ударом кинжала. Об этом **мы** узнаем со слов Максима Максимыча: «Бедняжка, она **лежала** неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей: хоть бы в сердце ударил — ну, так уж и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину самый разбойничий удар!»

О Грушницком Вернер сообщает в записке Печорину, что «тело привезено обезображенное, пуля из груди вынута». Вулича казак ударил «шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца». В «Раненом» ничего подобного нет.

Одиночество, забвение и душевные муки, связанные с ними

Здесь само собой напрашивается сравнение «Раненого» с лермонтовским «Сном», ибо не вызывает сомнения сходство внешней ситуации, нарисованной в том и другом стихотворении: некто, раненый и забытый, находится в пустынной местности, испытывая физические и душевные муки.

Но «Раненый» этой ситуацией исчерпан до дна—весьма неглубокого, как в смысле поэтических средств, так и в смысле психологизма. Чем же принципиально отличен от него «Сон»?

В восьми первых строках Лермонтов создает ту же исходную ситуацию — создает сильными, яркими ударами кисти и поразительная жадность к подробностям бытия, пожалуй, даже подводит его, ибо герой «Сна» успевает подметить и почувствовать слишком много (даже противоречиво много) для смертельно раненого человека: место и время события, причем время с точностью до часа — полдень; природные условия в текущий момент («жар», «солнце жгло»); рельеф и цвет окружающего горного ландшафта («уступы скал», «желтые вершины»); характер грунта («на песке»).

О себе герой сообщает, что ранен пулей в грудь, причем пуля не прошла навылет; что рана глубокая и дымящаяся, кровотечение из нее незначительное («кровь сочилась») и он успевает почувствовать каждую потерянную ее каплю; что следствием ранения явилось тяжелое бессознательное состояние («лежал недвижим», «спал я мертвым сном»).

Но самое главное, впрочем, даже не это. Если в «Раненом» изображенная ситуация представляет собой конечную художественную цель, то для «Сна» это всего лишь исходный момент, за которым происходят главные события сюжета. Причем — и это принципиально важно — действие теперь устремляется в иные сферы, весьма удаленные по обстоятельствам времени и места от исходных.

Для Лермонтова это весьма характерный прием построения лирического сюжета: рисуя то, что реально присутствует перед нами, он переходит к изображению того, что реально отсутствует и что составляет, собственно, художественную цель его медитативной лирики. И именно это разнит исследуемые тексты так глубоко, что не оставляет, кажется, сомнений в принадлежности их. если не разным авторам, то. во всяком случае, разным способам поэтического мышления. «Раненого» больше не включают в собрания сочинений Лермонтова. Но такова, видимо, магия поэзии, что соприкоснувшись однажды с великими именами, это стихотворение продолжает жить своей особой судьбой. Записки Дюма на русском языке выходили дважды: в 1861 году в Тифлисе и там же в 1988, когда издательство "Мерани" выпустило прекрасно иллюстрированную книгу дополненным переводом и необходимыми комментариями.. Подготовил эту книгу М. И. Буянов, предложивший еще один перевод «Раненого»:

Узрели ль вы несчастного.
Что в корчах пал на землю
Пред лесом опустевшим?
Никто не облегчит его печали,
А кровь сочится из больного сердца.
И он ушел в свои воспоминанья.
Поняв, что всеми позабыт давно¹⁶.

В 1989 году московский поэт Ал. Бакалеев выполнил вольный стихотворный перевод с французского, который мы предлагаем суду читателя:

Он ранен был в бою у леса Шальною пулею черкеса. Прошла навылет в левый бок. Судил ему так русский бог. Земля чужая кровь впитает, И смерть над ним уже витает. Но что страшнее смертной муки. Никто к нему не тянет руки. Нет, он не пулею убит, А тем, что здесь один забыт.

Древние говорили, что книги имеют свою судьбу. Кто знает, не найдется ли тот рукописный альбом, в котором автор «Трех мушкетеров» впервые увидел эти стихи? В истории «Раненого» есть еще непрочитанные страницы...

Примечания

1. Дурьлин С. Дюма-отец и Россия. Т. 31-32. // "Литературное наследство". - С 520. 2. там же. С. 516.
- 3 Дюма А. Кавказ. — Тбилиси, 1988 — С, 30.
- 4 Там же. С. 61. 5. Там же. С 132.
- Б. Дурьлин С. Указ соч. Т. 31-32. — С. 551.
7. Там же. С. 554.
8. Там же.
9. Там же.
10. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах Т. 4. — М. Художественная литература 1976 — С. 463-464.
11. Дюма А. Указ. соч. — С. 173. 12 Там же. С. 175.
13. Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т. 1. — М Издание В.Ф. Рихтера. 1889. - С. 358.
14. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений. Т. 2.

Глава 11

«ВСЕ КАРТИНЫ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ, КОТОРЫХ Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ..»

В ноябре 1840 года, вернувшись из тяжелой двадцатидневной экспедиции по Чечне. Лермонтов писал из крепости Грозной своему другу Алексею Лопухину: «Может быть когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, **которых** я был свидетелем».

Рассказать "долгие труды" и "все картины" поэт не успел, хотя и намеревался писать большой роман или даже трилогию "из кавказской жизни". Лермонтов с честью носил мундир русского офицера. Окончив недолгий, оборванный пулей, воинский путь, в скромном звании поручика Тенгинского пехотного полка, он достиг небывалых высот в русской батальной поэзии. За строками таких непревзойденных лермонтовских шедевров, как «Завещание», «Валерик» и «Сон» стоил его драматическая боевая судьба.

«Если будет война, клянусь Вам Богом, буду всегда впереди»

Друг детских игр, троюродный брат Лермонтова **Аким Шан- Гирей** вспоминал, что юный Мишель «лепил из крашеного воску целые картины». Иногда сюжетами этих картин служили эпизоды победоносных сражений **Александра Македонского** с персами. По другим воспоминаниям, среди детских игр Лермонтову нравились те, «которые имели военный характер. Так. в салу у них было устроено что-то вроде батареи, на которую они бросались с жаром, воображая, что нападают на неприятеля»¹.

Эти военные пристрастия опирались, несомненно, на родовую память будущего поэта. Его дальний предок, основатель рода Лермонтовых в России, шотландец **Георг Лермонт** служил в качестве ландскнехта (наемника) у поляков, но в 1613 году при осаде города Белого был взят в плен и счел за лучшее перейти в ряды московского

войска, на «государеву службу». Офицерами русской армии были отец, дед, прадед и прапрадед поэта. Дед по матери Михаил Васильевич Арсеньев, в память о котором Лермонтов получил свое имя, был капитаном гвардии, многие из его братьев - офицерами, а брат Никита имел чин генерал-майора. Один из братьев бабушки Лермонтова, урожденной Столыпиной, Александр был адъютантом Суворова и оставил записки о нем. Ее брат Николай дослужился до генерал-лейтенанта, брат Дмитрий - до генерал-майора. Брат Афанасий, которого Лермонтов очень любил и называл "дядюшкой", был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», участвовал в Бородинском сражении. Кстати, гувернерами Мишеля были отставные наполеоновские гвардейцы: сначала Жан Капе, а потом капитан Жандро, последнего мальчик «особенно уважал».

Сам Лермонтов, не окончив курса в Московском университете, в 1832 году поступил в петербургскую Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Размещалась она на набережной реки Мойки у Синего поста. Отсюда юный поэт писал Марии Лопухиной: «До сих пор жил для литературной карьеры, столько жертв принес своему неблагодарному кумиру, и вот теперь я — воин. Быть может, это особая воля providения; быть может, зтот путь кратчайший и если он не ведет меня к моей первой цели, может быть, приведет к последней цели всего существующего: умереть с пулею в груди — это лучше медленной агонии старика. А потому, если будет война, клянусь вам Богом, буду всегда впереди»

Испытать себя в настоящем бою поэту предстоит еще не скоро, а пока он с успехом постигает воинское искусство. «Лермонтов был довольно силен, — вспоминает его товарищ А. Меринский, — в особенности имел большую силу в руках и любил состязаться в том с юнкером Карачинским, который известен был по всей школе **как** замечательный силач...» В очередной раз, когда друзьями на спор гнули шомполы гусарских карабинов, в залу вошел директор школы генерал Шлиппенбах. За порчу казенного имущества оба силача отправились на сутки под арест. Лермонтов крепко держался в седле, хотя однажды и поплатился за свою удаль. «Сильный душой, он был силен и физически. — продолжает Меринский, — и часто любил доказывать свою силу. Раз, после езды в манеже, будучи еще, по школьному выражению, новичком, подстрекаемый старыми юнкерами, он, чтоб показать свое знание в езде, силу и смелость, сел на молодую лошадь, еще не выезженную, которая начала беситься и вертеться около других лошадей, находившихся в манеже. Одна из них ударила Лермонтова в ногу и расшибла ему ее до кости. Его без чувств вынесли из манежа. Он проболел более двух месяцев...»2.

Класс фехтования был обязателен для всех юнкеров, за которыми оставался только выбор оружия — эспадрон или рапира. Судьба распорядилась так, что противником поэта в учебных поединках часто становился его будущий убийца. «Я гораздо охотнее дрался на саблях, — признается Н. Мартынов. — В числе моих товарищей только двое умели и любили так же, как я, это занятие: то были гродненский гусар Моллер и Лермонтов. В каждую пятницу мы сходились на ратоборство, и эти полутеатральные представления привлекали много публики из товарищей...»3

В четырнадцать лет Лермонтов написал небольшое стихотворение «Война» — по поводу русско-турецкой войны 1828-1829 годов. Правда, здесь отчетливо слышны отголоски пушкинской «Войны» 1821 года, да и посвящено оно, скорее, не конкретным военным событиям, а тем чувствам, которые владели юношей, мечтавшим побыстрее отправиться "в поля кровавой мести" и "ловить венок небренной славы". Тема эта, в несколько ином виде, нашла продолжение и в «Княгине Лиговской», где в кабинете Жоржа Печорина на персидском ковре «развешаны были пистолеты, два

турецких ружья, черкесские шашки и кинжалы, подарки сослуживцев, погулявших когда-то за Балканом».

«Вот затрещали барабаны...»

М. Ю. Перминов. Гравюра по картине маслом Р. О. Вудмана
(по другой версии — Г. З. Захарова)

Почти на всех портретах Лермонтов изображен в военной форме. Таким же он предстает и в памятниках, сооруженных в Пятигорске и Петербурге, Москве и Пензе, многих других городах. Принято считать, однако, что ни один портрет Лермонтова, взятый отдельно, не дает реального представления о его внешнем облике. Современники находили, что на портретах Лермонтов "польщен". Художник же М. Е. Меликов, хорошо знавший поэта с детства, признавался, что «никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица» и что, по его мнению, «один только К. П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды...»⁴.

Сам Брюллов высказался по этому поводу довольно сдержанно, если не сказать прохладно. «Физиономия заслоняет мне его талант, — признавался великий мастер. — Я, как художник, всегда прилежно следил за проявлением способностей в чертах лица человека, но в Лермонтове я ничего не нашел».⁵

Надо полагать еще большие трудности вызвала бы у скульптора попытка передать в материале «неправильности фигуры поэта. Суммируя впечатления современников, можно сказать, что Лермонтов был невысокого роста «приземистый», с несоразмерно большой головой и широким туловищем, кривоногий, в чем, вероятно, сказывались и последствия тяжелой травмы, полученной в манеже: правая нога была тогда сломана ниже колена, "и ее дурно срастили". По словам Шан-Гирея, в Школе Лермонтов носил прозвание Маешки, от М-г Маеух горбатого и остроумного героя давно забытого плутовского французского романа. Отмечают также его гордую, непринужденную осанку и «необыкновенную гибкость движений».

В ноябре 1834 г. Лермонтов был выпущен из Юнкерской школы корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк, стоящий в Царском Селе. Гусары несли караульную службу во дворце, участвовали в придворных празднествах и церемониях. О встрече с поэтом в Царскосельском парке рассказал художник Меликов: «Живо помню, как, отдохнув в одной из беседок сада и отыскивая новую точку для наброска, я вышел из беседки и встретился лицом к лицу с Лермонтовым после десятилетней разлуки. Он был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашел значительную перемену. Я видел уже перед собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной теплотой. Казалось мне в тот миг, что ирония, скользившая в прежнее время на губах поэта, исчезла... Заметно было, что он спешил куда-то. как спешил всегда, всю свою короткую жизнь»⁶

Еще недавно, мечтая об офицерских эполетах. Лермонтов представлял свою будущую «восхитительную» жизнь, как череду «чуждачеств, шалостей всякого рода и

поэзии, залитой шампанским». Что касается шалостей и чудачеств, то есть здесь и доля истины, и доля гусарской бравады. Если говорить о поэзии, то вместо шампанского лучше вспомнить «железный стих, облитый горечью и злостью». Как вскоре стало ясно, взрыв подобных эмоций у Лермонтова обладал разрушительной силой, неожиданной даже для автора, и мог вызвать при дворе состояние шока. Так, за стихотворение «Смерть поэта» пришлось расплачиваться ссылкой. Самиздатовские списки тогда быстро разошлись по столице, чему содействовал Святослав Раевский — друг поэта, посвященный во все его литературные дела. Автора «непозволительных стихов» государь посчитал помешанным. Изъяв бумаги, Лермонтова посадили под арест в Главном штабе. Дело вообще могло кончиться плохо. Солдатский мундир в подобной ситуации уже довелось примерить московскому студенту Александру Полежаеву. Во избежание худшего Лермонтов вынужден был «сдать» Раевского, о чем сам же потом поведал в письме к пострадавшему другу: «Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет, и что если я запрусь, меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать — но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойным своей дружбы... Кто б мог ожидать!...»

Лермонтова было велено перевести тем же чином на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. Покидая Петербург, поэт передал с Раевским в «Современник» свое «Бородино» — первое стихотворение, которое он сам решил отдать в печать, и, если бы его поэтическая карьера на этом пресеклась, то и того бы достало, чтобы каждый из нас теперь мог без труда процитировать строки о сожженной пожаром Москве и отступивших басурманах. Описав главную национальную битву, подробности которой были известны ему лишь по рассказам, Лермонтов отправился к полям новых сражений, где теперь ему самому предстояло пролить кровь, свою или чужую. «Вот затрещали барабаны...» — это были барабаны судьбы.

«Я сделался ужасным бродягой...»

На Кавказе, как всегда, шла война. Горцам, собранным Шамилем под знамена гавата, противостояли силы Отдельного Кавказского корпуса. Штаб корпуса находился в Тифлисе. На Северном Кавказе войска были сосредоточены на Азово-Моздокской укрепленной линии, состоящей из ряда крепостей и казачьих станиц; впоследствии линия получила название Кавказской. Участливые хлопоты родни достигли генерал-майора В. Д. Вольховского, лицейского друга Пушкина, а в то время — начальника штаба Кавказского корпуса. Бывалый кавказец рассудил по-своему и решил отправить молодого офицера за Кубань — понюхать порошу. «...Два, три месяца экспедиции против горцев могут быть ему бесполезны. — полагал Вольховский, — это предельно прохладительное средство, а сверх того — лучший способ загладить проступок.

Государь так милостив...»⁷. Последовало, разумеется, и официальное распоряжение: в Ставрополе Штабом войск Кавказской линии был получен рапорт Вольховского «об отправлении в действующий за Кубань отряд Нижегородского драгунского полка прапорщика Лермонтова»⁸.

В дело вмешался случай: в дороге Лермонтов простудился и лето провел не за Кубанью в жарких стычках, а на горячих водах в Пятигорске. Сезон на водах выдался на редкость удачным, а в литературном смысле даже перспективным: молодой поэт познакомился в Пятигорске с Белинским, и тот впоследствии мог по личным наблю-

дениям судить о реалистических достоинствах «Княжны Мери». Кстати, те же ванны принимал здесь тогда и штаб-ротмистр Отдельного Кавказского корпуса Лев Пушкин.

В Пятигорске Лермонтов познакомился с Белинским. Вот как это передает в своих мемуарах их общий знакомый Н. М. Сатин: «Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать... В одно из таких посещений он встретился с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба — уроженцы города Чембара (Пензенской губ.).

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидро; взяв его и перелистав, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать шуточками это явно сердило Белинского, который начал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души ссыпал разными шутками.

— Да я вот что скажу вам об вашем Вольтере. — сказал он в заключение — если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры. Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел Лермонтов разразился хохотом..."9

Окончив курс лечения на водах, поэт с наступлением осени отправился на побережье Черного моря, в свой эскадрон. Но боевые действия были уже остановлены, и войска готовились к встрече императора Николая. «...Я приехал в отряд слишком поздно. — с огорчением сообщал Лермонтов другу. — ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два, три выстрела я сделался ужасным бродягой, а право я расположен к этому роду жизни». 29 сентября в укреплении Ольгинском он получил предписание следовать в свой полк и подорожную до города Тифлиса»

Той осенью Лермонтов исколесил весь Кавказ - изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани», был в Тифлисе, в Кахетии и Азербайджане, а возвратный путь на север проделал по Военно-Грузинской дороге Перевод назад, в гвардию, поэту выхлопотал Жуковский, в то время воспитатель наследника престола. Подводя итог затянувшейся кавказской одиссеи, Лермонтов заметил в письме к Другу: «Здесь, кроме войны, службы нету», и справедливость этих слов ему впоследствии довелось в полной мере испытать на собственном опыте. Он еще очень молод (ему только 23 года) и полон планов, хочет ехать в Мекку, в Персию или проситься в экспедицию в Хиву с генералом Перовским. Ехать все же пришлось под Новгород — к новому месту службы. Впрочем, ненадолго: бабушка выпросила возвращение любимого внука в Петербург, в родной лейб-гвардии Гусарский полк.

«Мы странствовали с ним в горах Востока...»

Лермонтов с детства, с увлечением перечитывая Бестужева, и в свои первые стихи переносил образы и строки его стихотворений. «Белеет парус одинокий...» — ведь эта строка впервые вылилась именно у Бестужева. А когда в 1832 году в «Московском телеграфе» была напечатана его повесть «Аммалат-Бек», юный Мишель создал к ней несколько рисунков. Впечатление от повести было сильным. Вот начало одной из глав: «Дико-прекрасен гремучий Терек в Дарьяльском ущелии... Чернея от

гнева, ревет и роется, как лютый зверь, под вековые громады: отрывает, рушит, катит вдалеку их обломки». Может быть, здесь истоки известных лермонтовских строк:

Терек воет дик и злобен,
Меж утесистых громад....

Их кавказские пути-дороги во многом совпадают: Ставрополь, Пятигорск. Ольгинское, Тамань, Тифлис. Ссылный декабрист был однажды прикомандирован к Тенгинскому пехотному полку, поручиком в котором позже служил Лермонтов. Лето 1835 года Бестужев провел в Пятигорске, на водах, а Лермонтов приехал сюда два года спустя. Кажется, он ищет встречи с автором знаменитого «Аммалат-Бека». Или с теми, кто хорошо знает его. В Тифлисе — это Мирза Фатали Ахундов: Бестужев перевел с фарси его поэму на смерть Пушкина, а Лермонтов позже записал с его слов сказку «Ашик-Кериб». Близкий, верный друг Бестужева по Пятигорску доктор Н. В. Майер изображен под именем Вернера в лермонтовском романе. Когда А. Ф. Смирдин издал первый том альманаха «Сто русских литераторов», там был помещен портрет Бестужева в бурке. И Лермонтов, попав на Кавказ, создает свой портрет и, разумеется, в бурке! Увы, встреча не состоялась: пока Лермонтов принимал ванны в Пятигорске, Бестужев погиб при высадке нашего десанта на мысе Адлер. Как писатели они бесконечно далеки друг от друга, но оба преданы душой Кавказу, оба пролили здесь свою кровь.

Александр Бестужев-Марлинский

Да, влияние знаменитого беллетриста развеялось, как ружейный дым. Создавая образ Грушницкого в «Княжне Мери», Лермонтов уже иронизирует над теми, кто принимает позу героев Марлинского. Белинский отмечал, что Грушницкий принадлежит к числу тех молодых людей, которые «страх как любят сочинения Марлинского, и чуть зайдет речь о предметах сколько-нибудь не житейских говорить фразами из его повестей». Имя Марлинского Лермонтов дважды упоминает в очерке «Кавказец» и тоже, как можно почувствовать, с несколько ироническим оттенком особенно когда говорит о пристрастии молодых офицеров кавказских полков к кинжалам и буркам. Развязка же этих заочных

отношений оказалась неожиданной и трагичной. Отставной майор Гребенского казачьего полка, любивший щегольнуть — в лучших традициях Марлинского — кавказским оружием и нарядом, не вытерпев бесконечных издевок, послал пулю в сердце насмешнику-реалисту.

Но тогда на Кавказе Лермонтова ждала другая встреча, одна из самых важных в его жизни. В 1837 году рядовым сюда попал и Александр Одоевский, «заглавный наш поэт», как Лермонтов, а, так сказать, из глубины сибирских руд, из далекого Ишима, но в тот же самый полк. Нижегородские драгуны стояли в Кахетии, и часть пути поэты проделали вместе.

Я знал его - мы странствовали с ним В горах Востока... и тоску изгнания Делили дружно... вспоминал впоследствии Лермонтов. Одоевский был на 12 лет старше, но, видимо, горы и поэзия особым образом действуют на душу. Одоевского любили все, кто его знал. Но никто не понимал так, как Лермонтов. В стихотворении посвященном памяти друга, он запечатлел ...и блеск лазурных глаз, И звонкий детский смех, и речь живую, И веру гордую в людей и жизнь иную.

Во время летней экспедиции 1839 года, находясь в укрепленном лагере Псезуапе (ныне поселок Лазаревское). Одоевский умер от приступа кавказской лихорадки, так тогда называли малярию. Известие об этой смерти застало Лермонтова уже в Петербурге. Невероятным образом, проникая мысленным взором за тысячи верст, он описал в стихотворении «Памяти А. И. О-го» кончину того, кого называл когда-то «мой милый Саша». Описал настолько достоверно в деталях и так близко к реальным обстоятельствам, что не понявший поэтическую природу этого явления Г. И. Филипсом, участник той же экспедиции, счет необходимым в своих поздних мемуарах поэта «поправить»: -Не могу понять, как мог Лермонтов в своих воспоминаниях написать, что он был при кончине Одоевского: его не было не только в отряде на Псезуапе, но даже и на всем восточном берегу Черного моря»¹⁰.

Да, не было. Но это не имело значения для того, кто мог заглянуть и за грань еще не сбывшегося. В стихотворении содержится невольное предсказание, могилу друга Лермонтов называет «неизвестной»:

И вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты...

Зимой, когда горцы отбили укрепление у русских, могила Одоевского была раскопана и не сохранилась.

«Я пустился в большой свет»

В 1835 году товарищ Лермонтова по Юнкерской школе князь Александр Барятинский, командуя сотней черноморских казаков, участвовал в боях за Кубанью, где и получил тяжелое пулевое ранение в бок. Чудом остался жив и привез с Кавказа первую боевую награду — золотую саблю с надписью «За храбрость». Успехи Лермонтова в этом смысле были, как видим, гораздо скромнее. Но пока он колесил по дорогам Кавказа, в печати появилось его «Бородино». Теперь вышла «Песня... про купца Калашникова», следом за ней «Тамбовская казначейша». Вернувшись в столицу, Лермонтов, по его выражению, «пустился в большой свет». Его принимали в лучших салонах Петербурга, и хорошенькие женщины выпрашивали у него стихи. Приведу свидетельство И. С. Тургенева, наблюдавшего на вечере в доме княгини Шаховской быстро вошедшим в славу поэтом: «На Лермонтове мундир лейб-гвардии гусарского полка: он не снял ни сабли, ни перчаток — и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривал на графиню. Она мало с ним разговаривала и чаще обращалась к сидевшему рядом с ним графу Шувалову, тоже гусару. В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смутного лица, от его больших

и неподвижных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовывался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых, широких плечах возбуждала ощущение неприятное; но присущую мощь тотчас сознавал всякий... Внутренне Лермонтов, вероятно, скучал и глубоко; он задыхался сфере, куда его втокнула судьба".¹¹

Служака из Лермонтова получился неважный. "Ученье и и маневры. — признавался он. - производят только усталость». За допущенные (то ли по небрежности, то ли намеренно) нарушения он дважды подвергался аресту. Как-то раз наш корнет появился на разводе с короткой чуть ли не игрушечной саблей. Шеф гвардейского корпуса великий князь Михаил велел сабелку снять и дал поиграть ею маленьким великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам, а Лермонтова отправил на 15 суток гауптвахты. В другой раз поэт поплатился арестом за неформальное шитье на мундире. «Просился на Кавказ, - пишет он в это время Марии Лопухиной,- отказали, не хотят даже, чтобы меня убили".

Сидя под арестом, Лермонтов написал картину «Вид Кавказа». Душою он часто уносился к «синим горам» и память кавказских странствий стала выплескиваться на бумагу «Дары Терека», «Демон» и «Мцыри», одна за другой выходят повести «Бэла», «Фаталист» и «Тамань». Готовятся к печати книги: «Стихотворения» и «Герой нашего времени».

Большой крови Лермонтов еще не видел, и война в романе проходит только приглушенным фоном. Мужские персонажи здесь в большинстве офицеры Кавказского корпуса. О Максиме Максимыче мы знаем, что служить он начал еще при Ермолове, получив при нем два чина за дела против горцев. Лет десять он стоял с ротой в Чечне, в крепости за Тереком, у Каменного Брода. С Грушницким главный герой успел побывать в экспедиции; в действующем отряде тот получил ранение пулей в ногу. В Пятигорске у источника Печорин замечает, что «несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, бледные, грустные». Боевые действия не затрагивают, разумеется, района Горячих или Кислых вод, но дыхание близкой войны ощутимо и здесь: это и казаки на сторожевых вышках в степи и пикетах, и часовые на валу кисловодской крепости, да и убитого на поединке Грушницкого условлено отнести «на счет черкесов». Тема оружия то и дело мелькает на страницах «Героя», играя важную роль в ряде ключевых эпизодов, да и кончается все повествование рассуждением Максима Максимыча об особенностях черкесских винтовок и шашек.

Имея в виду современные читательские запросы, роман можно бы представить и как «криминальное чтиво: все-таки четыре убийства (Бэлы, ее отца — старого князя, Грушницкого и Вулича), ряд покушений (главного героя, например, сначала хотят утопить в Черном море, потом подло, то есть практически безоружного, застрелить на дуэли, а когда это не удастся. Грушницкий грозит зарезать его ночью из-за угла, и, наконец, пуля пьяного казака в «Фаталисте» срывает ему с плеча эполет). Молодую женщину похищают, и склоняет к сожительству, потом похищают вновь и убивают ударом кинжала. Еще контрабанда, кражи, подслушанные заговоры, погони... К тому же повествование построено так, что автор-рассказчик как будто проводит следствие: опрашивает очевидцев, раскалывает «компромат, в виде интимных записок героя, а при личной встрече с ним составляет его словесный портрет. Цензура роман пропустила, вымарав только несколько строчек, где автор имел слишком смелое суждение о вещах потусторонних. В апреле **1840 года** первые томики «Героя» появились на книжных полках Петербурга.

Памятное лето 1837-го Белинский провел в том же Пятигорске, и, сообразно впечатлениям, написал оттуда семь писем, по объему почти не уступающих «Княжне Мери». И когда в рецензии на роман он замечает, что "бывшие там удивляются

непостижимой верности, с какою обрисованы у г Лермонтова даже малейшие подробности», то имеет в виду прежде всего самого себя. Проницательнее же всех из критиков оказался вдруг Фаддей Булгарин, в «Северной пчеле» сразу назвавший «Героя» лучшим романом на русском языке. Говорят, что злодея "подогрела" бабушка поэта, Е. А. Арсеньева, послав ему свеженький томик и пятьсот рублей ассигнациями впридачу.

«Едва мы успели скрестить шпаги»

*Княжна Мери на прогулке.
Гравюра по рис. В. В. Верещагина. 1863 г.*

На первых же страницах своего пятигорского дневника, набрасывая психологический абрис Грушницкого, Печорин предрекает уже и роковую развязку их отношений: «Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать». Дальнейшее развитие событий претворяет этот прогностический тезис в жизнь или, в данном случае лучше сказать, в смерть. Антагонизм героев по ходу сюжета достигает высшей, буквально экстремальной степени. «Нам на земле вдвоем нет места...» — говорит Грушницкий за мгновение до того, как с пулею в груди навсегда исчезнуть с уступа отвесной скалы. Дуэль (как действие) была для прозы тех времен ситуацией почти неизбежной, обойтись без нее в «Герое» Лермонтов не мог. Но поединок с Грушницким лишь частный случай той круговой конфронтации, которая и составляет

сущность отношений Печорина с другими персонажами романа.

В "Тамани" он выдерживает опасную схватку с ундиной в лодке, когда ее сильный толчок едва не сбрасывает его в море. Действия противоборствующих сторон или, словами героя, «отчаянная борьба» достигает здесь «сверхъестественных усилий».

*Дуэль Печорина с Грушницким. Иллюстрация М. А. Зина
к повести М. Ю. Лермонтова «Княжна Мери»*

Из удовольствия, как говорит Печорин, подчинять своей воле все, что его окружает, он затевает и свой притворный роман с Мери, легко переиграв в психологическом поединке наивную московскую княжну. Дикарка Бэла — пленница русского офицера и находится в русской крепости. Поступки Печорина тут более всего напоминают правильную осаду. Согласно комментарию Максима Максимыча, «долго бился с нею Григорий Александрович». Потом, этот странный спор о предопределении с

Вуличем. метафизический поединок, когда один из противников ставит на кон двадцать червонцев, а другой собственную жизнь. Разве что доктор Вернер не захвачен конфронтацией, но он — доверенное лицо героя, его секундант. Да Максим Максимыч, заведомо отдавший себя воле победителей: «Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться».

Враждебные отношения Печорина и Красинского в неоконченной "Княгине Лиговской" также, предположительно должны были разрешиться дуэлью. В

«Маскараде», «Казначейше» и «Штоссе» поединок ведется за карточным столом. О «Калашникове» за очевидностью ситуации можно, кажется, только упомянуть. Одна из самых впечатляющих сцен в поэме "Мцыри" - бой с барсом.

Бой Мцыри с барсом. Рис. А. Ломоносов

Противники, человек и зверь, принадлежат разным мирам, но "упоение в бою" уравнивает их. Звериный статус барса несколькими штрихами легко дезавуирован («Он застонал, как человек...», «Он встретил смерть лицом к лицу...»). Мцыри в то же время осознает себя в схватке более зверем, чем человеком:

Я пламенел, визжал, как он:
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я...

В череде испытаний, посланных автором своему герою, бой с барсом — высшее, самое драматичное, хотя эпизод, кажется, и не предопределен логикой сюжета: это поединок в чистом виде, турнирный или, если угодно,

даже ритуальный. Вся изложенная картина наводит на мысль уже о способе художественного мышления Лермонтова, корнящемся в свойствах его личности. Перескакивая через многочисленные признания современников о несносном, трудном, дурном характере поэта, напомним читателю лишь одно, принципиально важное, высказывание А. И. Герцена: «В отличие от Пушкина Лермонтов никогда не искал мира с обществом, в котором ему **приходилось**: он смертельно враждовал с ним - вплоть до своей гибели».

В частной жизни Лермонтов был столь же неуступчив. Во время поединка молодой Барант нанес ему незначительную царапину на груди или ниже локтя (сведения расходятся). В объяснительном письме на имя командира лейб-гвардии Гусарского полка Н. Ф. Плаутина сам Лермонтов рисует дело так: «Так как господин Барант почитал себя обиженным, то я предоставил ему выбор оружия. Он избрал шпаги, но с нами были также и пистолеты. Едва успели мы скрестить шпаги, как у моей конец переломился, а он мне слегка оцарапал грудь. Тогда взяли мы пистолеты

Мы должны были стрелять вместе, но я немного опоздал. Он дал промах, а я выстрелил уже в сторону...» Сидеть под арестом на этот раз пришлось в Ордонанс-гаузе, а потом и на Арсенальной гауптвахте. Барант, вздумавший вдруг оспорить слова Лермонтова о выстреле в воздух, был приглашен поэтом для личных объяснений и под угрозой нового поединка признал себя совершенно удовлетворенным.

Современник передает рассказ Н. П. Коллюбакна, кавказского знакомого Лермонтова (впоследствии генерала, а в то время молодого офицера; многие видят в нем прототип Грушницкого): «Коллюбакин рассказывал, что их собралось однажды четверо, отпросившихся у Вельяминова недели на две в Георгиевск, они наняли немецкую фуру и ехали в ней при okazji, то есть среди небольшой колонны, периодически ходившей из отряда в Георгиевск и обратно. В числе четверых находился и Лермонтов. Он сумел со всеми тремя своими попутчиками до того перессориться на дороге и каждого из них так оскорбить, что все трое ему сделали вызов,

он должен был наконец вылезть из фургона и шел пешком до тех пор, пока не при-
искали ему казаки верховой лошади, которую он купил. В Георгиевске выбранные
секунданты не нашли возможным допустить подобной дуэли: троих против одного,
считая ее за смертоубийство, и не без труда уладили дело примирением, впрочем,
очень холодным»¹².

Знаменитый бретер Руфин Дорохов (его историю записал А. В. Дружинин)
поведал, как при первом знакомстве с Лермонтовым дело у них тоже едва не дошло до
дуэли: «На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень
крупно, — мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьет и смотрит
на меня насмешливо»¹³.

За дуэль с французиком де Барантом генерал-аудитор-риат склонялся к
разжалованию Лермонтова в рядовые, с 257 лишением чинов и дворянства, но — «на
все есть манера, как сказано в «Герое». Столь суровый приговор - лишь повод
проявить монаршее милосердие Из Петербурга поэта выслали снова, вторично
исключив из гвардии особенно унижительно, его, кавалериста, на этот раз отправили в
пехоту, тем же чином. «Счастливого пути, господин Лермонтов,-бросил вдогонку царь
Николай,- пусть он очистит себе голову..."

Примечания

1. М И) Лермонтов в воспоминании современников,
М Художественная литература . 1989 —С 35. 70
- 2 Там же. С 168.170 3. Там же С. 490.
4. Там же. С. 74.
5. Там же. С. 511.
- 6 Там же С. 74-75.
7. *Захаров В А* Летопись в жизни и творчества М. Ю Лермонтова. — М.: Русская
панорама. 2003. — С. 252.
8. Там же. С. 250. 9 М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников
С 250-251.
10. Воспоминания Г И Филипсона — М. 1885. — С.203
11. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников.-Указ. изд. - С. 296.
12. Там же. С 356-357.
13. Там же. С 328.

Глава 12

«Я ВОШЕЛ ВО ВКУС ВОЙНЫ...»

После ахульгинского погрома, когда Шамиль чудом избежал пленения или
смерти, жаркое пламя газавата с новой силой стало разгораться в Чечне. «Ловкие
действия Шамиля. — читаем в кавказских хрониках, — являвшегося с чрезвычайной
быстротой всюду, откуда уходили войска наши, и с успехом увлекавшего за собою
толпы плохо умиранных горцев», вынудили наше командование предпринять новые
наступательные шаги.

«Штыки горят под солнцем юга»

На правом фланге Линии действовал Лабинский отряд под командой генерала Засса, на левом — был сформирован Чеченский отряд генерала Галафеева, базировавшийся в крепости Грозной. «Если ты будешь мне писать, — сообщает Лермонтов Алексею Лопухину. — то вот адрес: «на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Голофеева, на левый фланг». В составе Чеченского отряда поэт выступил в свою первую экспедицию. Покинув лагерь близ Грозной в первых числах июля 1840 года, Галафеев пересек Сунжу, прошел Ханкальское ущелье и с боями продвинулся к Гойтинскому лесу. Затем последовал переход к Урус-Мартану и селению Гсхи, где вскоре и произошли главные боевые события предпринятой операции. На своем пути войска уничтожили ряд чеченских селений. «А чтобы произвести большое мораль-нос влияние на край. — доносил в рапорте Галафеев. — то они направлены были через гсхинский лес...»¹. Похожей фразой, кстати, начинает описание военных действий и Лермонтов в своем «Валерике»:

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес...

Четырнадцать лет назад этими же местами проследовал и Ермолов. «Чрез Гихинский лес нашел я проход весьма трудный. — вспоминает он в «Записках», — большие и старые деревья, между коими множество валежнику дорога тесная и излучистая, представляли неприятелю удобства обороны, и я конечно потерпел бы урон...»³

Каждый шаг вперед здесь давался потом и — кровью. Движение осуществлялось порядком, который на армейском жаргоне называли «ящиком»- артиллерия и обоз в центре, пехота несколькими цепями шла по обеим сторонам, предупреждая нападение противника с флангов; смешанные, более подвижные отряды кавалерии и пехоты составляли авангард и арьергард. «Моральное влияние» возымело незамедлительный результат; в темном гехинском лесу Галафеева ждала засада. В течение трех дней чеченцы, собрав значительные силы, готовились встретить врага. В местах, удобных для обстрела, устраивались завалы из срубленных деревьев. 11 июля у переправы через реку Валерик вспыхнул кровопролитный бой, развивавшийся по обычной в таких случаях схеме: осыпав русскую колонну градом пуль, горцы укрывались за стволами деревьев. В ответ следовал орудийный залп, и начинался штурм завалов, чреватый большими, потерями для атакующих. Кончалось все жестокой рукопашной схваткой, практически резней, о чем, собственно, и сообщает Лермонтов своим читателям:

«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко.
Как звери, молча, с грудью грудь.
Ручей телами запрудили...

Произведением, в котором наиболее полно и ярко отразились боевые впечатления поэта, навсегда осталось большое стихотворение «Валерик». Это, как сообщает, Лермонтовская энциклопедия, «развернутое описание походной жизни и военных действий на Кавказе, кровопролитного боя на р. Валерик между отрядом генерала Галафеева с чеченцами 11 июля 1840, в котором участвовал Лермонтов. Обе стороны понесли большие потери, но существенного военного успеха достигнуто не было...»

Бой под Валериком. 11 июля 1840 г. Литография XIX в.

В доверительном письме другу поэт вопреки запрету военных властей («описывать экспедиции не велят») приводил некоторые подробности дела, страшные картины которого спустя долгое время все еще стояли перед его глазами: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 - 600 тел осталось на месте - кажется, хорошо! Вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела пахло кровью...»

Работая над стихотворением "Валерик", Лермонтов выбросил оттуда многие строки, рисующие жуткие подробности сражения. Вовсе не потому, что щадил будущего читателя, а в поисках точного образа, чтобы в привычной уже обыденности войны передать весь ужас происходящего.

Пытаясь утолить жажду, герой "Валерика" хочет зачерпнуть воды из горной реки, но «мутная волна была тепла, была красна...» Военный историк приводит рассказ офицера -артиллериста Константина Мамацева, попавшего в ходе боя в опасную ситуацию: «Мамацев с четырьмя орудиями оставлен был в арьергарде и в течение нескольких часов один отбивал картечным огнем бешеные натиски чеченцев. Это было торжество хладнокровия и ледяного мужества над дикою, не знающей препон, но безрассудною отвагою горцев. Под охраной этих орудий войска вышли наконец из леса на небольшую поляну, и здесь-то на берегах Валерика грянул бой, составляющий своего рода кровавую эпопею нашей кавказской войны... Выйдя из леса и увидев огромный завал, Мамацев со своими орудиями быстро обогнул его с фланга и принялся засыпать гранатами. Возле него не было никакого прикрытия. Оглядевшись, он увидел, однако, Лермонтова, который, заметив описанное положение артиллерии, подоспел к нему со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперед, исчез за завалами».

Судя по всему. Мамацев обрисовал события довольно точно, ибо и в официальных военных сводках о Лермонтове сказано, что «офицер этот, не смотря ни на какие опасности исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы".⁴

В валерикском сражении погиб Владимир Лихарев — декабрист, переведенный из Сибири рядовым в Куринский полк. «В последнем деле, где он был убит, — свидетельствует декабрист Н. И. Лорер, — он был в стрелках Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение приходило к концу, и оба приятеля шли рука об руку, споря о Канте и Гегеле и часто, в жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навывлет, и он упал навзничь. Ожесточенная толпа горцев изрубила труп так скоро, что солдаты не успели на выручку останков товарища-солдата"⁵

Ранение в бою получил и Сергей Трубецкой, будущий секундонт дуэли Лермонтова с Мартыновым. В целом же действия Галафеева в Чечне признавались неудачными. Так, генерал Филиппсон впоследствии писал, что «эти походы доставили

русской литературе несколько блестящих страниц Лермонтова, но успеху общего дела не помогли»⁶.

Загадка лермонтовской акварели

Лермонтов рисовал всю свою жизнь. Если полистать альбомы, хранящие его рисунки, можно увидеть, как много места занимают среди них сцены войны. Здесь и уланы, и конные егеря, казаки, вооруженные горцы, бесконечные схватки, перестрелки, засады, эпизоды сражений. Младший товарищ поэта по Юнкерской школе князь Николай Манвелов запомнил «по содержанию многие рисунки **Лермонтова**, отличавшие собственно интимное настроение его: его личные планы и надежды в будущем, или мечты его художественного воображения. К этой категории рисунков относятся многочисленные сцены из военного быта и преимущественно на Кавказе, с его живописною природою, с его типическим населением, с боевой жизнью в том крае».⁷

«Здесь, кроме войны, службы нету», — признавался Лермонтов в письме с Кавказа в 1837 году, когда впервые побывал в действующих войсках. В дальнейшем, уже непосредственно участвуя в боях и походах, он не раз становился свидетелем жестоких столкновений, отразившихся в его картинах и рисунках. Валерик оставил в душе поэта мучительный, саднящий след. Об этом говорят и строки стихотворения «Валерик» — пронзительные, залитые кровью, каких еще не было в русской поэзии, и три его рисунка, запечатлевшие картины сражения. Лермонтов создал своеобразный триптих, изображавший начало боя 11 июля 1840 года, момент решительной рукопашной схватки и похороны убитых утром следующего дня.

Центральное место занимает, несомненно, акварельный рисунок «Эпизод из сражения при Валерике». На переднем плане — группа горцев. Отступая под натиском русских, они выносят с поля боя тело убитого товарища, рисунок выполнен вскоре после экспедиции, на Кавказских водах, куда Лермонтов приехал в кратковременный отпуск. Именно здесь, в Пятигорске или Кисловодске, он вместе с художником Григорием Гагариным и создал свой маленький акварельный шедевр. Причем Гагарин сделал только раскраску; что подтверждается его подписью на акварели. Приводим ее в переводе с французского языка: «Рисунок Лермонтова, раскрашенный мною во время пребывания в Кисловодске». Следует дата сражения: "11 июля 1840". Загадка же акварели заключается в том, что на заднем плане совершенно отчетливо и узнаваемо открываются очертания горы Бештау.

летописях»⁸.

Бештау на тюркских языках означает «пять гор». Гора дала название Пятигорску. Когда в 1830 году поселение Горячие воды было преобразовано в город, командующий на Кавказе генерал И. Ф. Паскевич из трех предложенных названий — Новогеоргиевск, Константиногорск и Пятигорск — выбрал последнее «по уважению, что гора Бештов, к подошве которой прилегает предназначенное для сего города место, известна под сим именем и в древних российских

Эпизод из сражения при Валерике. 11 июля 1840 г.
Рис. М. Ю. Лермонтова, раскрашенный Г. Г. Гагариным

Лермонтов увидел и полюбил Бештау еще в детские годы. Десятилетним ребенком он впервые изобразил эту гору на акварельном рисунке. Здесь, правда, однообразный лесной массив у ее подножия превратился под его кистью в озеро с парусной лодкой. Еще один рисунок выполнен в 1837 году — этот вид на Бештау открывается с дороги в Железноводск. Название Бештау упомянуто в романе «Герой нашего времени» и ряде поэм Лермонтова. Для него Бештау — это суровый и задумчивый властелин родной земли. Вот строки из поэмы «Измаил-Бей» рисующие характерный ландшафт Пятигорья: Кругом, налево и направо. Как бы остатки пирамид,

Подъемлясь к небу величаво, Гора из-за горы глядит; И дале царь их пятиглавый. Туманный, сито-голубой. Пугает чудной вышиной.

Но как мог Бештау попасть на валерикскую акварель? Замысел рисунка возник у поэта еще раньше, во время экспедиции. В походном альбоме своего сослуживца по Кавказу князя Петра Урусова он сделал набросок, по композиции весьма схожий с будущей акварелью. Здесь также, изображена группа отступающих горцев. Но беглый черновой набросок лишен фона. Вернувшись к своему замыслу уже в Пятигорске, Лермонтов не стал воспроизводить по памяти вид гор в Чечне близ Валерика или создавать произвольный горный рельеф. Он перенес сюда знакомые с детства очертания крутых вершин Бештау, которые и видел тогда перед собою.

Гагарин высоко ценил Лермонтова как художника, сделал для себя несколько копий с его рисунков, а вместе они выполнили еще одну акварель — «Схватка. Эпизод из Кавказской войны». В дальнейшем Гагарин не раз сопровождал русские войска как художник-любитель. Отличившись в одном из сражений, он привлек внимание императора Николая I. По высочайшему распоряжению «в награду личной храбрости и хладнокровного мужества» Гагарин получил владимирский крест и был причислен поручиком в лейб-гвардии Гусарский полк. Стоит добавить, что, работая над большим полотном «Сражение при Ахатли», Гагарин перенес туда группу горцев с валерикской акварели.

В пятигорском музее Лермонтова хранится картина Гагарина «Кузница в Тифлисе». По мнению знатоков кавказской старины, здесь изображена мастерская знаменитого оружейника Геурга (Геурка Элиарова). Считается, что он владел фирменным секретом прочной стали, и его клинки особенно славились на Кавказе.

Лермонтов упомянул его имя в черновиках стихотворения «Поэт»:

В серебряных ножнах блистает мой кинжал
Геурга старого изделия...

Таких сближений с Лермонтовым у Гагарина немало. В советское время в картинной галерее Грозного находилось его прекрасное полотно с видом на Бештау — с той «с примерно точки, что и на валерикском рисунке поэта. Местонахождение лермонтовского шедевра известно, он хранится в Государственном Русском музее. О судьбе гагаринской картины теперь остается только гадать. Князь Гагарин жил долго, был дважды женат и **пережил** Лермонтова больше чем на полвека. Он многое успел сделать в искусстве, занимал пост вице-президента **Академии** художеств. Удачно

сложилась и военная карьера: Гагарин дослужило до высоких чинов, в качестве генерал-адъютанта, состоял в свите Александра II. Лермонтову же так и не суждено было увидеть «Валерик» напечатанным.

В заключительных строках стихотворения он высказал заветное и, по-видимому, глубоко выстраданное желание, логическая формула которого состоит из двух взаимодополняющих и в то же время взаимоисключающих частей:

И беспробудным сном заснуть
С мечтою о близком пробуждении..

Первое, как мы знаем, исполнилось, к несчастью, слишком скоро. Исполнилось ли второе — этого мы не узнаем уже никогда.

Рисунок из чеченского альбома

В галафеевской экспедиции у Лермонтова был с собой походный альбом, теперь его условно называют «Чеченским». Обычного книжного формата, куда заносили заметки на память, стихотворные экспромты, дружеские шаржи, пейзажные зарисовки. Листы плотной белой бумаги исписаны торопливой лермонтовской рукой. Беглые записи, черновые автографы стихотворений, рисунки. После смерти поэта Чеченский альбом хранился у его родственника П. П. Шан-Гирея, потом попал в руки к биографу Лермонтова — В. Х. Хохрякову, собравшему уникальную коллекцию лермонтовских реликвий. И, наконец, в 1870 году поступил от него в Публичную библиотеку в Петербурге. На внутренней стороне обложки карандашная надпись, видимо, рукою Хохрякова: «Этот альбом употреблялся Лермонтовым во время экспедиции Галафеева в Малую Чечню в 1840 г.».

Генерал-адъютант князь Г. Г. Гагарин. Автография XIX в.

Листаем страницу за страницей. В руках исследователя такой альбом не просто любопытная вещица, передающая колорит и вкус давно минувшей эпохи. Это важный документ, равноценный свидетельству очевидца. Если в человеческой памяти время безжалостно стирает подробности и детали давних событий, то незначительная, казалось бы, запись на страницах альбома, беглый рисунок, краткая помета — все это позволяет с документальной точностью восстановить события многолетней давности.

Вот черновой набросок стихотворения «Сосна» ("На севере

дальнем стоит одиноко...»). Рядом рисунок сосны, пальма. Карандашный текст предисловия к роману «Герой нашего времени», стихотворение "Последнее новоселье" Невольно привлекают внимание рисунки, выполненные Лермонтовым на Кавказе: вечные его всадники, отряды, передвижение войск, перестрелки и сцены сражений. Есть и незамысловатые пейзажные зарисовки, от которых почему-то

веет щемящей тоской. Пустынные чеченские предгорья и затерянные среди ущелий селения горцев. Вероятно, поэт набросал их где-нибудь на походных биваках,

отдыхая душой среди короткого затишья. Несколько **страниц** остались незаполненными их не успело коснуться гениальное лермонтовское перо.

Получив отпуск, поэт захватил альбом с собою на Кавказские воды, где провел с друзьями несколько дней. Это подтверждается двумя рисунками с видом Пятигорска и его окрестностей. Первый из них, изображающий всадников — военного и даму в амазонке, довольно известен. Иногда он используется как иллюстрация к «Герою нашего времени» (Печорин и княжна Мери), хотя точного соответствия сцене, изображенной на рисунке, в романе нет. Лермонтов зарисовал отрезок дороги, следы которой можно обнаружить и поныне. На заднем плане открывается вид на немецкую колонию (ныне район поселка Иноземцево) с четко просматривающейся башенкой кирхи. Вспоминаются строки из журнала Печорина: «я выехал на дорогу, ведущую из Пятигорска в немецкую колонию— Дорога идет между кустарниками, опускаясь в небольшие овраги, где протекают шумные ручьи под сенью высоких трав... в это время показалась на дороге шумная и блестящая кавалькада: дамы в черных и голубых амазонках, кавалеры... впереди ехал Грушницкий с княжною Мери».

Вид пятигорского бульвара. Рис. М. Ю. Лермонтова. 1840 г.

Тогда же Лермонтов выполнил и другой пятигорский рисунок — вид на Горячеводскую долину и городской бульвар. Исследователи графического наследия поэта уделили лишь несколько кратких замечаний А. Михайлова определила его как «вид какого-то городка на Кавказе», более конкретно и точно пишет о рисунке Н. П. Пахомов: «Легкий, еле заметный набросок пятигорского бульвара

с цепью гор сзади. На бульваре намечено несколько групп гуляющих: на переднем плане семейство штатского, на втором плане группа, военных. Справа и слева - домики».9

Беглые, почти стершиеся лермонтовские штрихи. Рисунок поэта переносит нас во времена, когда, по воспоминанию современника, Пятигорск... был маленький, но довольно чистенький и красивый городок. Расположенный в котловине гор, при реке Подкумке, он имел десятка два прихотливо прорезанных » различных направлениях улиц, с двумя-тремя сотнями обывательских, деревянных, большей частью одноэтажных домиков, между которыми там и сям выдвигались и гордо смотрели солидные каменные казенные постройки...»¹⁰.

На переднем плане — бульвар, обсаженный липками и группы гуляющих. Такую же картину Лермонтов видел здесь и в 1837 году, когда провел на водах все лето. Заглянем в журнал Печорина: «Опустясь в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно подымавшихся в гору... Подымаясь по узкой тропинке к Елизаветинскому источнику, я обогнал толпу мужчин, штатских и военных...» Правее изображено двухэтажное здание. Это одно из первых каменных казенных строений в Пятигорске - «Дом для неимущих офицеров», строительство которого было завершено в 1832 году. Здесь находили приют раненые и больные офицеры Отдельного Кавказского корпуса - Лермонтов же мог бывать здесь, посещая канцелярию пятигорского коменданта (ныне — корпус курортной поликлиники). Сразу же за ним — невысокие домики. По архивным планам города установлено, что это

усадьба подполковницы Толмачевой. Место интересно и памятно тем, что здесь в 1832 году останавливался композитор А. А. Алябьев. В начале XX века здесь возведено здание пятигорского театра. Еще выше, в самой глубине Горячеводской долины (именно так издавна называется эта часть города), когда-то находилась усадьба и двоюродной бабки Лермонтова — генеральши Е. А. Хастатовой. Здесь юный Мишель с бабушкой гостили летом 1825 года.

Продолжим мысленно путь по бульвару в Елизаветинскому источнику. «Наконец, вот и колодезь, — читаем в журнале Печорина. На площадке близ него построен домик с красной кровлею над ванной, а подалее галереи где гуляют во время дождя». На рисунке зги строения отмечены легкими штрихами. "Домик с красной кровлею" на свете представлял собой, по свидетельству Ф. Баталина, деревянное строение из вертикально утвержденных досок, обмазанное снаружи глиною и выбеленное, очень неуклюжее на вид»¹¹. В конце сороковых годов XIX века вид источника неузнаваемо изменился, когда была построена красивая каменная галерея.

Влево от площадки источника поднимается склон Машука с едва обозначенной Эоловой арфой, а правее — знакомые контуры Горячей горы. Привлекает внимание одна деталь — флашток на самой высокой ее точке. Известно, что сооружен он был именно в сезон 1840 года, когда Лермонтов и выполнил свой рисунок. Как сообщают документы тех лет, это была «мачта, на коей вывешивается флаг для означения времени употребления ванн..»¹². Ни флашток, ни деревянная беседка, построенная позже на его месте, не сохранились, и вершина Горячей горы, откуда открывается замечательный вид на город и долину Подкумка, ныне представляет собой пустынную каменистую площадку.

12 сентября Лермонтов написал из Пятигорска Алексею Лопухину: «Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню...» Впереди снова была война.

«Я получил в наследство отборную команду...»

Вернувшись в крепость Грозную, отряд Галафеева вскоре совершил поход в Северный Дагестан. «С тех пор как я на Кавказе, — замечает Лермонтов. — я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался все время по горам с отрядом».

В конце сентября Галафеев выступил из Грозной к реке Аргун. Во время похода получил ранение Руфин Дорохов. «Он считался храбрым и отличным кавказским офицером — вспоминает современник. — носил имя, известное в русской военной истории; и, подобно Лермонтову, страстно любил кавказский край...»¹³. Будучи намного старше Лермонтова. Дорохов имел скромный чин унтер-офицера, так как за участие в дуэлях и буйное поведение не раз лишался офицерских погон. Поначалу их отношения едва не довели до поединка, но жизнь под чеченскими пулями быстро сблизила их. Старый кавказский рубака, Дорохов имел под началом «команду охотников», которую, выбыв по ранению из строя, передал Лермонтову.

« Я получил в наследство от Дорохова, которого ранили отборную команду охотников, состоящую из ста казаков. — разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, - сообщает поэт, — и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что — ни будь дадут...»

Желанная награда давала бы надежду на прошение и. отставку, о чем Лермонтов уже подумывал, мечтая целиком посвятить себя литературе. Его «летучая сотня»

отличилась в боях за шалинским лесом и при переправе через Аргун. Конец осени прошел в новых походах по Чечне. Человек, чья легендарная храбрость не только не требовала сравнений, а сама служила известным мерилom. Руфин Дорохов высоко оценил воинскую отвагу поэта: «Славный малый - честная прямая душа - не сносить ему головы. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Какое -то черное предчувствие мне говорило, что он будет убит... Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и **храбр** — не сносить ему головы».

*М. Ю. Лермонтов. Гравюра по рисунку
К. А. Горбунова. 1841 г.*

Первый биограф Лермонтова профессор П.А. Висковатый, собравший по рассказам очевидцев немало ценных сведений, приводит подробности боевой биографии поэта, характеризующие его как командира и офицера «Раненый во время экспедиции Дорохов поручил отряд свой Лермонтову, который вполне оценил его и умел привязать к себе людей, совершенно входя в их образ жизни. Он спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности похода»¹⁴.

Воспоминания же враждебно настроенного Л. В. Россильона звучат совсем в ином тоне, но и здесь мы найдем интересные детали: «Лермонтов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не признавали

огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовского отряда. Длилось это недолго, впрочем, потому что Лермонтов нигде не мог усидеть, вечно рвался куда-то и ничего не доводил до конца»¹⁵

В терминах тех времен действия лермонтовской сотни иначе, чем «партизанской войной», назвать было трудно. По существу же, это была особая штурмовая группа, прообраз современного спецназа, с широким диапазоном боевых задач. Условия горной войны диктовали при этом и выбор оружия и способы ведения боя. Внешняя бесшабашность («сброд», «головорезы») на деле оборачивалась прекрасной подготовкой к бесконечным рукопашным схваткам.

Успешно перенятые у противника боевые качества — подвижность, быстрота и неотразимый натиск — обеспечивали действиям «летучей сотни» максимальный эффект. В документах о представлении Лермонтова к награде говорилось, что «ему была поручена конная команда из казаков - охотников, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встречала неприятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала в бегство сильные партии»¹⁶.

Выбор командира оказался психологически оправданным. «Я пошел во вкус войны, — признавался поэт, — и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными». Как тут не обратиться еще раз к рассказу Константина Мамацева, рисующего драматический эпизод осеннего боя в Чечне: «Последний арьергардный батальон, при котором находились орудия... слишком поспешно вышел из леса, артиллерия осталась без прикрытия. Чеченцы разом изрубили боковую цель и кинулись на пушки. В этот миг Мамацев увидел возле себя Лермонтова, который

точно из земли вырос с своею командой. И как он был хорош в красной шелковой рубашке с косым расстегнутым воротом, рука сжимала рукоять кинжала. И он, и его охотники, как тигры, сторожили момент, чтобы кинуться на горцев...»¹⁷.

«Злой чечен ползет на берег...»

Жизнь пограничных казачьих станиц Лермонтов видел **и** в детские годы, и в более зрелую пору, когда «изъездил Линию всю вдоль» во время первой кавказской ссылки. Существует предание, что именно здесь, в станице Червлёной, Лермонтов написал свою «Казачью колыбельную песню». В хате, где поэт остановился на постой, он услышал, как молодая казачка напевает над колыбелью. Присев к столу, Лермонтов тут же набросал стихи, ставшие впоследствии народной песней:

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег.
Точит свой кинжал...

По тем же впечатлениям Лермонтов написал и стихотворение ««Дары Терека», названное Белинским «поэтической апофеозой Кавказа». По строю и звучанию оно близко гребенскому казачьему фольклору. Волны Терека приносят в дар старцу Каспию «кабардинца удалого» — воина, погибшего на поле битвы, я потом и «дар бесценный» - труп молодой казачки, окровавленной жертвы какой-то неизвестной нам любовной трагической истории:

По красоте молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один по всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою...

Дважды повторив формулу о злом чеченце, Лермонтов следует скорее народной поэтической традиции, а вовсе не стремится подчеркнуть непримиримость к извечному врагу. Напротив, в «Бэле» он преклоняется перед «способностью русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить», о чем он позже (и более подробно) расскажет в очерке «Кавказец». В Червлёной происходит и действие его повести «Фаталист», открывающейся фразой из журнала Печорина «Мне как-то раз случилось прожить две недели на левом фланге, тут же стоял батальон пехоты...» Едва обозначенная сюжетная линия, связывающая героя романа и хорошенькую казачку Настю, тут же и обрывается. Повесть о гребенских казаках написал годы спустя совсем другой русский офицер. Близость враждебного населения передана здесь лишь легким штрихом — незатейливой репликой; уговаривая казака-убийцу покориться, старый есаул восклицает: «Побойся Бога! Ведь ты не чеченец окаанный ". Равно и наш бывалый офицер из очерка «Кавказец» выражается в том же духе: «Чеченцы, правда, дрянь...»

«Чеченский след» в поэзии Лермонтова не всегда очевиден. В стихотворении «Валерик» он сам называет имя своего кунака-чеченца Галуба, но это, по-видимому,

условный персонаж, в черновом автографе есть и другие варианты (Юнус и Ахмет). Чеченская тема звучала бы здесь сильнее, но многие строки Лермонтов из окончательного текста вычеркнул: Чечня восстала вся кругом: У нас двух тысяч под ружьем. Не набралось бы... Уж раза три чеченцы тучей Кидали шашки наголо....

Чтобы попробовать истолковать слова «окаянный» и «дрянь» более расширительно, имея в виду представления не только гребенских староверов и Максим Максимычей, а русское общественное сознание в целом, обратимся к книге Платона Зубова «Картина Кавказского края». Она вышла в Петербурге в 1835 году, то есть примерно в то время, когда и происходят события, описанные в «Фаталисте» "народ сей, — замечает автор о чеченцах — отличается от всех горских племен особенным стремлением к разбоям и хищничеству, алчностью к грабежу и убийствам, коварством, воинственным духом, смелостью, решительностью, свирепством, бесстрашием и необузданною наглостью»¹⁶.

Сходную характеристику обнаружим и капитальной «Истории войны и владычества русских на Кавказе» Н. Ф. Дубровина: «Грязные душою и телом, чуждые благородства, незнакомые с великодушием... корыстолюбивые, вероломные и в высшей степени исполненные самолюбия и гордости — таковы были чеченцы...»¹⁹.

Приведем еще мнение человека, не только непосредственно осведомленного в кавказских делах, но и чрезвычайно авторитетного для самого Лермонтова, — мнение Алексея Петровича Ермолова, чья внушительная фигура в последние годы все отчетливее проступает из исторического далека: "ниже по течению Терека живут чеченцы, самые злейшие из разбойников, нападающие на линию. Общество их весьма малоллюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимались дружественно злодеи всех прочих народов, оставляющие землю свою по каким-либо преступлениям. Здесь находили они сообщников, тотчас готовых или отмщевать за них, или участвовать в разбоях, а они служили им верными проводниками

в землях, им самим не знакомых. Чечню можно справедливо назвать гнездом всех разбойников»²⁰.

Сам Лермонтов едва ли разделял подобные взгляды. Изображая «тревоги дикие войны», он умел увидеть происходящее и глазами тех, с кем судьба свела его в непримиримой схватке. Старик-чеченец, поведавший ему историю Измаил-Бея, абрек Казбич и пленный юноша Мцыри - эта череда лермонтовских персонажей-чеченцев говорит о его глубоком интересе к народу, находящемуся в смертельной вражде с его собственной родиной.

«Скажи им, что навyleт в грудь я пулей ранен был...»

В который раз Кавказ остался за спиной, и его ледяные вершины растаяли в туманном далеке: Лермонтов возвращался в Петербург. Хлопоты бабушки о переводе его в гвардию были успешны лишь отчасти, перевести — не перевели, а дали отпуск на два месяца. В столице он появился, как пишет сам, «на половине масленицы», то есть» в первых числах февраля 1841 года. Тут же, словно нарочно к приезду, вышла вторая книжка «Отечественных записок» с необъятной статьей Белинского «Стихотворения М.Ю. Лермонтова», увенчанной странным предсказанием о том недалеком уже времени, когда имя Лермонтова в литературе «сделается народным именем и гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах...» Пророка бессмертия и записывая поэта в классики, Белинский упустил, кажется, из виду, что классики живыми не бывают, а если и бывают то именно недолго, и слова ворона - критика о недалеком уже времени - приобретают здесь зловещий оттенок. Впрочем, в том же номере помещено и одно из

вершинных лермонтовских стихотворений, в названии которого — «завещание» — теперь очевидна та же мрачноватая символика.

А пока время беззаботно течет в никуда. Дальний родственник и приятель поэта Михаил Лонгинов рассказывает об этих днях: «Однажды, часу во втором, зашел я в известный ресторан Леграна, в Большой Морской. Я вошел в бильярдную и сел на скамейку. На бильярде играл с маркером небольшого роста офицер, которого я не рассмотрел по своей близорукости. Офицер этот из дальнего угла закричал мне: «Здравствуй. Лонгинов» и направился ко мне; тут узнал я Лермонтова в армейских эполетах с цветным на них полем. Он рассказал мне об обстоятельствах своего приезда, разрешенного ему для свидания с «бабушкой».

Он был тогда на той высшей степени апогея своей известности, до которой ему только суждено было дожить. Петербургский «Beau-monde» встретил его с увлечением; он сейчас вошел в моду и стал являться по приглашениям на балы..."²¹.

Кавказ действительно куда-то отступил. Он начал писать повесть «Штосс», из петербургской жизни, в духе будущей «натуральной школы», но с привкусом литературной игры, в мистических тонах, с уходом в запредельное и неподдающимся окончательной разгадке оборванным движением сюжета. «Однажды он объявил, — вспоминала Евдокия Ростопчина, — что прочитает нам новый роман под заглавием - "Штосс", причем он рассчитал, что ему понадобится, по крайней мере, четыре часа для его прочтения. Он потребовал, чтобы собрались вечером рано и чтобы двери были заперты для посторонних. Все его желания были исполнены, и избранники сошлись числом около тридцати: наконец Лермонтов входит с огромной тетрадью под мышкой, принесли лампу, двери заперли. и тем начинается чтение; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутник заманил нас первой такой какой-то ужасной истории, начатой им только накануне, написано было около двадцати страниц, а остальное в тетради была белая бумага. Роман на том остановился и никогда не был окончен»²².

Так или иначе, «Штосе» — последнее прозаическое произведение Лермонтова, волей-неволей — его литературное завещание, судя по сохранившимся наброскам плана, действие должно было завершиться гибелью главного героя, и то, чего не успел поведать нам неисправимый автор-шутник, за него досказала жизнь: белая бумага. Его судьбы, как к предполагалось, была заполнена кровью и главный герой упал лицом в машукскую траву. Говорить о возможной военной карьере Лермонтова трудно даже предположительно. Он собирался выйти в отставку, издавать свой журнал и писать большой роман о кавказской истории. Двое из его однокашников, повоевав на Кавказе, закончили ратный путь в звании генерал -фельдмаршала. Многие дослужились до генеральских погон.

Лермонтов же так и остался в нашей памяти в скромном звании поручика Тенгинского пехотного полка. Несмотря на оказанные отличия, боевых наград он удостоен не был, хотя и представлялся своими командирами к ордену святого Владимира 4 степени. Представление снизили до ордена святого Станислава 3 степени, но не дали и этого. "Из валерикского представления меня здесь вычеркнули,- сообщил

поэт из Петербурга другу на Кавказ — так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук». Князь В. С. Голицын представлял его к награде золотой саблей с надписью «За храбрость», но с тем же успехом.

"Вкус войны", о котором Лермонтов, явно бравируя, писал другу, оказался солоноватым от крови и безмерно горьким. Она накладывает на душу свой мертвящий отпечаток, и герой «Валерика» наблюдает ее чудовищные сцены уже «без

кровожадного волнения", просто как представление или «трагический балет» и с горечью замечает

Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали...

*М. Ю. Лермонтов на смертном одре. Гравюра В. В. Мана.
По оригиналу Р. К. Шведе. 1841 г.*

Впоследствии же, передавая в доверительной беседе события того давнего страшного дня, Лермонтов пережил состояние, близкое к нервному срыву. «Помню его поэтический рассказ о деле с горцами, где ранен Трубецкой... вспоминает современник. — Его голос дрожал, он был готов прослезиться. Потом ему стало стыдно, и он, думая уничтожить первое впечатление, пустился толковать, почему он был растроган, сваливая все на

нервы, расстроенные летним жаром. В этом разговоре он был виден весь»¹³.

Земной путь поэта оказался коротким и трудным. Саднящее чувство внутренней боли сопровождало его до самой могилы. «Что же мне так больно и так трудно?» — спрашивал он себя накануне роковой дуэли. Герцен писал, что у Лермонтова «стих иногда режет, делает боль, будит нашу внутреннюю скорбь».

В стихотворении «Завещание», написанном по боевым впечатлениям 1840 года, можно увидеть предсказание Лермонтовым своей собственной судьбы:

Наедине с тобою, брат.
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят.
Мне остается жить!..
А если спросит кто-нибудь
Ну, кто бы ни спросил.
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был...

Пораженный Белинский пытался понять, в чем же заключается впечатляющая сила этих строк. В стихотворении писал он «голос не глухой и не громкий, а холодно спокойный; выражение не горит и не сверкает образами, но небрежно и прозаично...» Возможно, поэта уже томило предчувствие близкого конца, а может быть и то, что самая горькая проза, облеченная в его стихи, сама по себе становилась пророчеством.

Примечания

1. Кавказский сборник. Т. XXXII. Ч. 1. — Тифлис, 1912.

— С. 427-428.

2. Записки А. П. Ермолова. 1798-1826. — М.: Высшая школа, 1991.—С. 422.

3. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. — С. 336.
4. Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова — М.-Л.: Наука, 1964. — С. 135.
5. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — Указ изд. — С. 395
6. Воспоминания Г. И. Филипсона//Русский архив.— 1884.
— Кн. 1. —С. 370.
7. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — Указ. изд. — С. 185.
8. Пятигорск в исторических документах. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1985. — С. 105
9. Литературное наследство. Т 45-46 —М. 1948 —С. 144, 148,221.
10. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников — МГИХЛ. 1964. —С. 315.
11. Бамалин Ф. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. Ч. I. — СПб.. 1861. — С. 187.
12. Государственный Архив Ставропольского края. Фонд 65 Опись 1. Дело 45. Лист 3.
13. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. — С. 327.
14. Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. — М.. 1891. — С. 342.
15. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. — С. 586.
16. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах Т. 9. — М.: Воскресенье. 2001. — С. 232.
17. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников -М.: Художественная литература, 1989. — С. 337.
18. Zubov P. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель: в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. III. — СПб.. 1835. —С. 173.
19. Дубровин Я История войны и владычества русских ... Кавказе. Т. 1. Ч. 1. — СПб., 1871. — С. 420.
20. Записки А. П. Ермолова. 1798-1826. — Указ. изд. — С. 285
21. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников — М.: Художественная литература, 1989. — С. 195-196.
22. Там же. С. 363.
23. Там же. С. 382.

Глава 13

СМЕРТЬ ЗЕЛИМХАНА

*Абрек Зелимхан убит.
26.09.1913 г. Почтовая открытка*

В последних числах сентября 1913 года российские газеты сообщили сенсационную новость: в Чечне, в дальних окрестностях аула Шали, застрелен неуловимый абрек Зелимхан Гушмазукаев. Теперь это имя почти забыто, а когда-то его называли абреком абреков, в народе о нем слагали песни, а представители власти проклинали его всякий раз, когда он уходил невредимым из расставленных ему ловушек и сетей.

Разбирая архив старого пятигорского краеведа Л. Н. Полбокого, я обратил внимание на пожелтевший от времени фотоснимок: распростертое на мешковине тело поверженного абрека. Рука все еще сжимает бесполезный теперь браунинг, тут же винтовка-трехлинейка, кинжал, израсходованный патронташ... Вот что мне удалось узнать об изломанной судьбе этого человека.

Зелимхан происходит из чеченского аула Харачой Веденского округа, год его рождения назвать трудно, в следственных документах 1901 года ему значится 28 лет. Первым «делом»

Зелимхана было ограбление русского купца Носова, у которого начинающий абрек забрал только 60 рублей, чтобы купить надежную трехлинейку. На его дальнейший, полный опасных приключений путь роковым образом повлияло все же другое: у его младшего брата Солтамурада увели невесту, вспыхнула вражда, быстро окончившаяся кровавой разборкой. Зелимхан, его отец, брат и другие родственники были осуждены. Зелимхан бежал и стал вести жизнь абрека, то есть разбойника и скитальца, о которых в народе говорят: «Свинцом засевают, подковой косят, шашкой жнут». Вспомним, кстати, и лермонтовского Казбича — в оценке Максима Максимыча: «Говорили про него, что он любит таскаться за Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья...»

Зелимхан дважды ограбил почту на дороге в Шатой, а потом собственноручно застрелил того, кого считал виновником своих несчастий - помощника начальника Веденского округа полковника Добровольского. Громкая известность Зелимхана неожиданно поднялась на гребне драматических событий 1905 года. Волнения горцев, прокатившиеся по Северному Кавказу, были жестоко подавлены: в воскресенье 10 октября в Грозном солдаты Ширванского полка расстреляли 17 чеченцев. Ответ на это Зелимхана был столь же жесток: ровно через неделю он остановил пассажирский поезд у станции Кадиярт. «Он сделал то, — пишет о нем Дзахо Гатуев, — что надо было сделать простому абреку: он ограбил пассажиров поезда. Он сделал еще и то, что надо было сделать абреку, который вырастал в народного героя родовой кровнической Чечни — он расстрелял семнадцать пассажиров поезда.

Зелимхан никогда не грабил чеченцев, а остальных только богатых. Брал заложников с целью выкупа, совершал дерзкие грабительские налеты в Кизляре, Владикавказе и Грозном, потеряв в этих горячих делах отца и брата. Очередной жертвой Зелимхана стал полковник Галаев, боровшийся с абречеством путем

фамильных высылки: в Сибирь семьями высылали всех заподозренных в связи с Зелимханом. Так, Галаев арестовал семейства, приходившиеся тому родственниками по женской линии. Зелимхан писал полковнику, просил освободить невиновных, предупреждал и грозил мстью. «Если я, Зелимхан Гушмазукаев, буду жив, я ж заставлю тебя, как собаку, гадить в доме и сидеть в доме с женой. Трус ты! В конце концов, проститутка, - убью тебя, как собаку».

Он пришел и убил. В крепостном парке в Ведено. С расстояния в 400 шагов послал первую пулю в ствол дерева, а когда Галаев повернул голову на звук выстрела, вторую пулю всадил ему точно в висок. Зелимхан писал не только Галаеву, но и генерал-губернатору Терской области Михееву и даже председателю Государственной Думы. Неграмотный по-русски, он диктовал свои послания в надежде объяснить высоким чинам все те несправедливости, которые творили над ним власти и которые непоправимо толкнули его на путь мщения и злобы. Иногда эти письма содержали и предупреждение о предстоящих налетах. Войсковому старшине Кизлярского отдела Вербицкому Зелимхан заранее сообщил, что готовит нападение на город, и вновь выполнил свое обещание, причем это дело стало одним из самых громких в разбойничьей биографии Зелимхана.

Его конный отряд численностью в 60 человек вошел в Кизляр среди бела дня. Сам Зелимхан, нашив для маскировки полковничьи погоны, ехал впереди. Целью нападения были кладовые казначейства. Однако казначей Копытко в последнюю минуту сумел выбросить ключи в окно, и был застрелен Зелимханом. Услышав выстрелы, караулившие на улице абреки открыли беспорядочную пальбу. В этот день Кизляр лишился 19 горожан. А Зелимхан перебил охрану и ушел за Терек, не потеряв ни одного человека. В двух хурджилах налетчики унесли то, что смогли забрать - новенькой медной монеты на пять тысяч рублей.

В 1909 году в Терской области для противодействия Зелимхану был сформирован «временно-охотничий отряд» (по существу — карательный), усилия которого пропадали, впрочем, напрасно: Зелимхан по-прежнему оставался неуловимым. В сентябре 1910 года под командой князя Андроникова был собран внушительный кулак из частей Дагестанского конного, Ширванского, Самурского, Апшеронского и

Абрек Зелимхан. Убит 26 сентября 1913 г.

Почтовая открытка

www.abrek.at.ua

Кизляро - Гребенского полков с пулеметной командой и взводом саперов. Зелимхан был надежно блокирован с юга: из Тифлиса и Телави к перевалам выдвинулись гренадеры и драгуны. За голову абрека было обещано 18 тысяч рублей, но взять удалось только его семью - женщин и детей. Операция окончилась для властей полным шоком: в засаде у моста через реку Лесу князь Андроников был застрелен, штабс-ротмистр Данагуев тяжело ранен.

В сентябре 1911 года на горной дороге в районе Ботлиха Зелимхан напал на инженерную комиссию, сопровождаемую командой Дагестанского полка. Здесь он рассчитывал взять в плен зятя наместника Кавказа и обменять его потом на свою жену Бици и дочь Зезык. но этот план не удался. В перестрелке был убит ротмистр Долидэ

и ранен полковник Чикалин. В Грозном Зелимхан взорвал несколько бомб, полученных им от анархистов. Натиск властей усилился, и Зелимхан начал терять самых отчаянных своих товарищей: Саламбека Гасаоджева вынудили сдаться, и он был повешен, Аюба Тамаева изрешетили пулями. И сам Зелимхан не раз ходил по краю. Однажды чудом спасся, бросив коня и оружие и скользнув по травянистому склону на дно пропасти. В другой раз он был окружен в Старо-Сунженском ауле тремя ротами Дагестанского полка, но и тут ушел самым невероятным образом: «Зелимхан кинулся на улицу, занятую командой поручика Епифанова. Зелимхановский ореол святости, слухи о его заговоренности оказались действительными не только для Чечни. Завидев Зелимхана, солдаты побежали... Зелимхан смешался с ними, Зелимхан перегнал их. Перегоняя, заметил блестящие погоны офицера. Убил его. Убил рядового». (Из книги Дзахо Гатуева «Зелимхан».)

Старо-Сунженский аул каратели предали огню. В окрестностях Харачоя Зелимхана обложили в пещере среди неприступных скал и держали под обстрелом роты пехотинцев. Ответным огнем Зелимхан убил двух казаков. Тогда пещеру решили поразить из полевого орудия, но пока занимались его доставкой, оказалось, что абрека в пещере уже нет, заметны были лишь следы крови на скалах... Он собирался уехать в Турцию и отгула прислать свою фотокарточку начальнику Терской области, но судьба распорядилась иначе: фотографию убитого Зелимхана вскоре напечатали многие газеты. В ночь на 27 сентября 1913 года больной Зелимхан был предательски выдан властям, окружен и убит в долгой ночной перестрелке.

Газета «Отклики Кавказа» поместила статью журналиста-большевика А. Михеева «Убит герой»: «...Не верится, что убит Зелимхан. Мы видим в нем героя. В свое время он отказался идти в военные министры к персидскому шаху, сказав: "Не хочу против народа". Он любил свободу, был храбр, благороден... Он шел к жене и детям, когда его убили... Те, кто ловил его, - черные люди. Они останутся безвестными. О них ни сказок не расскажут, ни песен о них не споют. А о Зелимхане будет сложена поэма, может быть опера. Пушкин и Лермонтов восхищались такими горцами... И не хочется верить смерти Зелимхана!...» Песни о Зелимхане в народе, действительно, слагали, смелое же пророчество автора об опере не оправдалось, а вот фильм о герое гор сняли: в двадцатые годы киностудией «Восток-кино» была выпущена художественная кинокартина «Зелимхан» — по одноименной повести Дзахо Гатусва. Известно, что писатель долго изучал архивные документы, встречался с теми, кто знал Зелимхана. Как выяснилось, число горцев, высланных с Родины за связь с дерзким абреком, приближалось к тысяче. Гатуев писал о том, как Зелимхан ждал революцию. Но кто же мог знать, что новая жизнь принесет новые беды: сам Дзахо сгинул в кровавой пучине 37 года, а чеченцев потом высылали уже не по тысяче человек... Увы, и в наши дни история Кавказа пишется не только чернилами.

В коллекциях любителей кавказской старины и в наши дни можно увидеть дореволюционные открытки, посвященные Зелимхану. Интерес к легендарному абреку время от времени возникает вновь: в 1971 году в Грозном вышла книга М. А. Мамакаева «Зелимхан». Еще четыре года спустя в Орджоникидзе выпустил «Рассказы литераторов» Девлет Гиреев. В очерке «Пленник абрека» он поведал читателям старую историю, которую передавали из уст в уста. Вероятно, она давно бы забылась, если бы не была связана с именем человека, оставившего глубокий след в истории русской культуры. Речь идет о Федоре Ивановиче Шаляпине, совершившем в сентябре 1910 году автомобильную поездку по Военно-Грузинской дороге. Зелимхан же, рассчитывая перехватить подполковника Вербицкого, устроил в Дарьяльском ущелье засаду и изрядно перепугал пассажиров восьмиместного «Бенца». Вербицкого среди них не оказалось» зато был Шаляпин, причем удостоверить свою личность за

отсутствием паспорта ему пришлось, исполнив среди отвесных скал знаменитую песню «Хасбулат удалой...» Великое искусство настолько тронуло Зелимхана, что он не смог сдержать своих чувств и даже прослезился.

Кем же он был на самом деле, этот герой из Харачоя - благородный бунтарь, чеченский Робин Гуд или просто разбойник с большой дороги? Видимо, и то, и другое, и третье. Имя его давно стало историей, я у каждого народа свои песни и свои герои.

Абрек Зелимхан убит. 26.09.1913 г. Почтовая открытка Зелимхан дважды ограбил почту на дороге в Шатой, а потом собственноручно застрелил того, кого считал виновником своих несчастий, — помощника начальника Веденского округа полковника Добровольского.

Глава 14

«ДУМАЮ ЗАСЕСТЬ ПИСАТЬ В ТЕГЕРАНЕ»

О двух несостоявшихся поездках Сергея Есенина.

В судьбе Есенина с Кавказом связано не меньше, **чем** у Пушкина и Лермонтова. «Загадочный туман» кавказских странствий манил и его. Он полюбил Баку и был очарован Грузией. Мечтал увидеть купола Константинополя и подышать воздухом Шираза. Певца бескрайних заснеженных просторов России пленяла «голубая родина Фирдуси», и он, подобно лермонтовскому Печорину, стремился совершить путешествие в Персию.

«Хочется куда-нибудь уехать...»

Есенинская география, то есть «проникновение по планете», охватывает весьма значительные пространства, которые он к тому же всегда пытался расширить поэтическим воображением. В автобиографическом очерке 1923 года Есенин замечает: «За годы войны и революции судьба меня толкала из стороны в сторону. Россию я исколесил вдоль и поперек, от Северного Ледовитого океана до Черного и Каспийского морен, от Запада до Востока — Китая, Персии и Индии».

В стихах Есенина упоминаются Монголия и Индия, и сказочная провинция Ирана — Хорасан, и «золотые пески Афганистана», города Шираз, Константинополь и Багдад. В данном случае можно понять, что тема эта была для него важной, если в письмах и заметках о себе он постоянно подчеркивал и уточнял места своего пребывания. В «Автобиографии» 1923 года он сообщает, что в 1919-1921 годах «ездил по России: Мурманск, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи, Кавказ, Персия, Украина и Крым. В 22-м году вылетел на аэроплане в Кенигсберг. Объездил всю Европу и Северную Америку».

Александр Дункан и Сергей Есенин

В «Автобиографии» 1924 года — новые уточнения. Есенин пишет, что с 1918 года «началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918-1921 гг. . За эти годы я был в Туркестане, Кавказе, в Персии, в Крыму, в Бесарабии, в Оренбургских степях, на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках. 1921 г. я женился на А. Дункан и уехал в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании». Судя по всему, Кавказ и долгожданная Персия, как и вообще "золотая дремотная Азия", были ему несравненно ближе, чем цивилизованный Запад. Обращаясь к поэтам Грузии говорил о себе:

Я — северный ваш друг! И брат!
Поэты - все единой крови
В поступках, , в помыслах
И в слове.

«Хочется куда-нибудь уехать, да и уехать некуда», — восклицал поэт в одном из своих писем¹. Он мечтал поехать в Персию, но мечта не сбылась. Хотел увидеть Константинополь, однако не попал и туда. Но горечь, которая чувствуется в его словах, вызвана, может быть, совсем не этим. Скорее всего, он имел в виду вовсе не страну или город, а вообще свою жизнь, ибо уехать от самого себя, действительно, некуда.

«И больше всех лишь ты, Кавказ...»

Поталорск. Домик Дунканов. Гравюра Л. Хитчинского

Стихи Есенина появились в газетах Ростова и Екатеринодара еще до революции. Когда же он сам впервые побывал на Кавказе — неизвестно. Вероятно, это произошло в 1918 или 1919 году, когда судьба его «толкала из стороны в сторону». Во всяком случае, в письме к Евгению Лившиц в августе 1920 года, написанном с дороги из Кисловодска в Баку, поэт сообщает: «Я здесь второй раз в этих местах...»

О поездке на Юг в 1920 году он долго вспоминал, как о

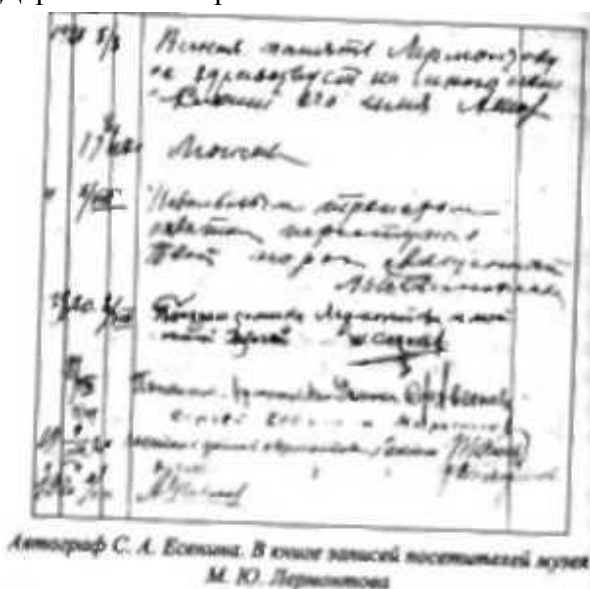
«чудеснейшем путешествии». В первых числах июля Есенин и Анатолий Мариенгоф вместе со своим другом Григорием Колобовым, получившим командировку и отдельный вагон на Северный Кавказ, выехали из Москвы. На литературных вечерах в Ростове и Таганроге читали стихи. Побывал Есенин и в Новочеркасске, но там выступление не состоялось из-за разгромной статьи в местной газете. Из Ростова подались дальше, и после Тихорецкой произошел известный эпизод с жеребенком. Вот как это событие сохранилось в памяти Мариенгофа: «Мы высунулись из окна. По степи, вперегонки с нашим поездом, лупил обалдевший от страха перед паровозом рыжий тоненький жеребенок. Зрелище было трогательное. Надрываясь от крика, размахивая штанами и крутя кудлатой своей золотой головой, Есенин подбадривал и

погонял скакуна. Версты две железный и живой конь бежали вровень. Потом четверо Есенин ходил сам не свой»².

В Пятигорске друзья заглянули в "Домик Лермонтова" Уходя, Есенин черкнул в книге записей посетителей: «Сергей Есенин и Мариенгоф»³. Возможно, **что именно** пятигорские впечатления отразились потом в его стихотворении «На Кавказе»:

И Лермонтов, тоску **леча**,
Нам рассказал про Азамата.
Как он за лошадь Казбича
Давал сестру заместо злата.
За грусть, и желчь в своем **лице**
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен...
Есенин еще не раз вспоминал
Лермонтова в своих стихах.

В разговоре мог без усилия привести на память его любое четверостишие, в поэму «Мцыри» знал наизусть целиком. Позже, уже находясь в Грузии, он поднялся к описанному Лермонтовым монастырю «Джварис сагдари», более известному теперь под названием «Мцыри». Вскоре друзья продолжили путешествие на юг. Окрестная природа оставила поэта равнодушным. «Сегодня утром мы из Кисзоводска выехали в Баку, — писал он с дороги. — и, глядя из окна вагона на эти кавказские пейзажи, внутри сделалось как-то тесно и неловко. Я здесь второй раз этих местах и абсолютно не понимаю, чем поразили они тех, которые создали в нас образы Терека. Казбека, Дарьлла и все прочее....»

Через Дербент и Баку Есенин впервые попал Тифлис, где провел несколько дней. О встрече с ним в эту пору расе шал в своих записках А. И. Гербстмаи «Я сначала не поверил, что встретился с Есениным: он выглядел совсем по -мальчишески, был навеселе, ею разговор не совпадал с моими представлениями О знаменитом поэте... Во втором часу ночи поэта начали уговаривать прочесть стихи. Он, как мне показалось, несколько кокетливо отказывался вначале, потом согласился. Читал Есенин изумительно: очень эмоционально, всем телом жестикулируя, особенно руками и головой Мои сомнения

полностью рассеялись. Я был потрясен...»⁴.

На обратном пути друзья вновь заехали в Пятигорск Мариенгоф слет в тропической лихорадке. Есенин один отправился в Москву с красноармейским эшелоном. В 1924 году поэт исколесил Кавказ от Каспийского моря до Черного С Москвой распрощался надолго: «Уезжаю гола на два», — уверял он в одном из писем. В перфедовым в пятидесятые годы и передавшего его рассказ об этом удивительном случае. «В один прекрасный день, друзья пошли в «Бакинский рабочий». Есенину

причитался за стихи какой-то гонорар. Пришли к Чаги ну: так, мол, и так, распорядись... А тот упирается: нет, дескать, денег в кассе. «Ах, нет? Ну, ладно!» Друзья выходят на улицу, встают под окнами редакции. Есенин поет частушки, а Эрьзя с есенинской шляпой в руках обходит ничего не оставалось делать, как позвать Есенина и выдать ему гонорар...»⁸.

Воспоминания бакинского приятеля поэта — Василия Болдовкина воскрешают еще один лермонтовский эпизод, случившийся с Есениным в Тифлисе: «Сергей говорил о своей поездке в Тифлис и Батум, говорил о грузинских поэтах, особенно тепло он отзывался о Паоло Яшвили. Рассказывал о тифлисских похождениях, о ресторане «Аветика», где он в кругу грузинских писателей читал выдержки из «Демона» Лермонтова, и когда он в шутку произнес слова: «Бежали робкие грузины», то грузинские товарищи на него немного обиделись.

— Не хотел я этой обиды, я только хотел пошутить, — говорил Сергей с мальчишеским задором»⁹.

Что касается творческих итогов Анатолия Мариенгофа, то он издал в 1951 году пьесу «Рождение поэта», посвященную кавказской ссылке М. Ю. Лермонтова. Сказалось ли в этом давнее посещение лермонтовского музея в Пятигорске, судить теперь трудно, но во всяком случае он не преминул передать туда экземпляр своей книги со следующей надписью: «Музею «Домик Лермонтова». С теплом. Автор. 27 апреля 52».

«Корабли плывут в Константинополь...»

Заветной, но неосуществленной мечтой Есенина был древний Царьград — Константинополь. Он был предполагаемой, но не достигнутой целью «чудеснейшего путешествия» 1920 года. «Есенину хотелось, как говорил Мариенгоф, побывать в Батуме, чтобы на фелюге добраться до Турции: он мечтал взглянуть на Константинополь»¹⁰.

С тем же дальним замыслом приехал Есенин в Тифлис н осенью 1924 года, откуда вскоре писал Анне Берзинь: «Я Вас настоятельно просил приехать. Было бы очень хорошо, н на неделю могли бы поехать в Константинополь или Тегеран. Погода там изумительная н такие замечательные шали, каких Вы никогда в Москве не увидите». Позже, уже живя в Батуми зимой 1924-1925 годов, поэт с берега устремлял свой взгляд над бескрайним простором — к Босфору:

Корабли плывут
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль,
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую тоску.
Каждый день
Я прихожу на пристань.
Провожая всех.
Кого не жаль,
И гляжу все тягостней
И пристальней
В очарованную даль...

Кнут Гамсун, посетивший этот тропический городок до Есенина, находил, что «в жизни в Батуме есть нечто южноамериканское»¹². Есенин рвал мандарины с дерева, со Львом Повицким пил грузинское вино и от тоски играл на бильярде. Днем, когда

солнышко , я оживаю, - пишет он в Батуми Галине Бениславской. — Хожу смотреть, как плавают медузы. Провожая отъезжающие в Константинополь, пароходы и думаю о Босфоре».

О серьезности намерений Есенина побывать на турецком берегу говорят воспоминания журналиста и писателя Николая Вержбицкого: «В начале декабря 1924 года мы с Есениным отправились в Батум. До этого поэт настойчиво просил меня достать документы на право поездки в Константинополь. Кто-то ему сказал, что такое разрешение, заменяющее заграничный паспорт, уже выдавалось некоторым журналистам. А свое намерение съездить в Турцию Есенин объяснял сильным желанием повидать «настоящий Восток» (по-видимому, это было новым вариантом его старого замысла посетить одну из стран Ближнего Востока, подогретого чтением персидских лириков и уже осуществляемым циклом «Персидские мотивы»). Один из членов Закавказского правительства, большой поклонник Есенина, дал письмо к начальнику Батумского порта с просьбой посадить нас на какой-нибудь торговый советский пароход в качестве матросов с маршрутом: Батум — Константинополь — Батум»¹³.

Матроса из Есенина почему-то не получилось. Известен еще случай, когда он и его приятель художник Костя Соколов могли уйти в чужие воды контрабандой: «...Они » Батуми с Есениным спьяна очутились в трюме итальянского парохода, и их хотели отвезти в Геную, а они, дураки, отказались. Забирали их как кокаинистов»¹⁴.

Константинополь прогорел так же, как потом и Персия, и Есенин вынужден был с грустью констатировать в стихах: «Никогда я не был на Босфоре...» Позже он писал Вержбицкому: «В Константинополь я думал так съездить, просто ради балагурства. Не выйдет — жалеть не буду...»

Между прочим, намерение уйти за границу, и именно через Константинополь, высказывал в свой одесский период и Пушкин. Задетый отказом властей предоставить ему отпуск, он пишет в начале января 1824 года брату Льву: «Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича (то есть Александра I. — *Н. М.* о своем отпуске чрез его министров — и два раза воспоследовал всемилоостивейший отказ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, в Зимнем дворце, что напротив Петропавловской крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть Константинополь. Святая Русь мне становится нестерпимее».

«Проклятая Персия»

Есенин читал персидских классиков в переводах. В цикле стихотворений «Персидские мотивы» он упомянул Саади, Хайяма и Фирдоуси. Красота, пронзительная лиричность, парадоксальный смысл восточной поэзии пленили его. Рассказывают, что Есенин «хотел посмотреть сады Шираза и подышать воздухом, каким дышал Саади»¹⁵.

Трудно, пожалуй, назвать другое столь же неизменное, почти навязчивое желание, владевшее поэтом в последние годы, нежели его стремление попасть в Персию. Он так часто, так упрямо твердил об этом, что, например, Георгий Иванов уверовал в реальность этой поездки и обмолвился в предисловии к парижскому изданию стихотворений Есенина: «Было путешествие в Персию...»¹⁶.

В апреле-июне 1921 года состоялась поездка Есенина в Среднюю Азию (или, как тогда говорили, Туркестан). Поэт выехал из Москвы с Григорием Колобовым, имевшим шутовское прозвище Почем - Соль. Колобов занимал важный пост в НКПС — инспектора всероссийской эва-куационной комиссии; в его служебном вагоне Есенин совершил путешествие и жил во время пребывания в Ташкенте. По воспоминаниям В.

Вольпина, «приехал Есенин в Ташкент в начале мая, когда весна уже начала переходить в лето. Приехал радостный, взволнованный, жадно на все глядел, как бы впивая в себя и пышную туркестанскую природу, необычайно синее небо, утренний вопль ишака, крик верблюда и весь тот необычный для европейца вид туземного города с его узкими улочками и безглазыми домами, с пестрой толпой и пряными запахами. Дальнейший путь Есенина пролегал в Самарканд, Бухару и Полторацк (Ашхабад). В дороге он работал над главами драматической поэмы «Пугачев». Охватывая взглядом бескрайние прикаспийские степи, поэт стремился проникнуть мысленным взором еще дальше, на юг, к пределам Персии, где в самых недрах Азии намеревался укрыться потерпевший поражение Пугачев: Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде. Но затем то и злей над туманною вязью Деревянными крыльями по каспийской воде Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию. О Азия, Азия! Голубая страна...

Об этом же, кстати, в «Истории Пугачева» пишет и Пушкин: «Окруженный отовсюду войсками правительства, не доверяя своим сообщникам, он уже думал о своем спасении; цель его была: пробраться за Кубань или в Персию».

Путешествием своим Есенин остался доволен и даже радовался, «что плюнул на эту проклятую Москву», но в Персию, как и Пугачев, на этот раз не попал.

Зимой 1922 года последовала новая поездка. Считая связь Есенина с Дункан трагической ошибкой поэта, Мариенгоф пытался оторвать его от Айседоры. «Стали обдумывать, как вытащить из Москвы Есенина, — пишет он в «Романе без вранья». — Соблазняли и соблазнили Персией». Но в этот раз Есенин добрался только до Ростова. Сначала он намеревался ехать дальше, в Тифлис, но, поссорившись с Колобовым, вернулся в Москву. «Проклятая Персия», — заключил он в письме к Мариенгофу, подводя итог неудавшегося путешествия".

В период длительных кавказских странствий 1924-1925 годов. Есенин снова и снова искал возможность совершить паломничество *в свою* поэтическую Мекку. На этот раз его поманил Персией Петр Чагин. Редактор газеты «Бакинский рабочий», он познакомился с поэтом в Москве в феврале 1924 года. «Завязалась большая дружба, — вспоминает Чагин. — Он со своей стороны скрепил ее обещанием приехать в Баку. А я на его вопрос: «А Персию покажете?» — обещал и Персию показать, а если захочет, то и Индию!».20.

В письме к Галине Бениславской от 17 октября 1924 года Есенин, едва набросав слова приветствия, тут же переходит к самому важному: «Сижу в Тифлисе. Дожидаюсь денег из Баку и еду в Тегеран. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась». В этом же письме он упоминает Персию и то, что с ней связано, еще трижды: «Пишу мало. Думаю засесть писать в Тегеране». Говорит о намерении заехать в Батум «после Персии» и обещает «из Персии» написать подробней. И в следующем письме к ней, из Тифлиса от 22 октября 1924 года о том же: «Несколько времени поживу в Тегеране...»

Несколько времени ему пришлось пожить все же не в Тегеране, а в Батуми, но и там мысль о главной цели путешествия не покидала его. Намечавшуюся поездку в Ереван Есенин связывает с дальнейшим возможным продвижением на юг «Я должен быть в Сухуме и Эривани. Черт знает, может быть, я проберусь к Петру в Тегеран» (письмо П. И. Чагину от 14 декабря 1924 года).

Он уехал в Россию, домой, но, кажется, только затем, чтобы поскорее вернуться назад. «Я уезжаю на Кавказ, возможно, надолго», — вновь засобирался он, не пробыв в Москве и месяца. Вновь ему обманчиво забрезжил свет персидских путеводных звезд. «Наконец последний вечер. Завтра он уезжает в Персию, — пишет в письме С. А. Толстая. — Моя дорогая, ведь я же нормальная женщина — не могу же я не проститься с человеком, который уезжает в Персию?»²¹

На этот раз, в апреле 1925 года, возникла авантюрная идея лететь в Тегеран самолетом. В. И. Качалов видел Есенина в Баку в ночь перед предполагавшимся вылетом. За попом следовал «мальчик-тюрок, совсем черный, крошечный, на вид лет восьми, с громадной корзиной какого-то провианта, нужного Есенину, как потом оказалось, для путешествия в Персию. В эту ночь под утро он с компанией должен был улететь в Тегеран»²³.

В письме к Беннславской Есенин просит прислать денег для предстоящего перелета: «Главное в том, что я должен лететь в Тегеран. Аппараты хорошие. За паспорт нужно платить, за аэроплан тоже... Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились лучшие персидские лирики. И не даром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шуши, если он не пишет, значит, он не из Шираза». Последнее утверждение отлилось потом и в стихотворные строки: Что приятно уху, что — для глаза. Если перс слагает плохо песнь. Значит, он вовек не из Шираза.

По воспоминаниям В. А. Мануйлова (в последствии известного лермонтоведа), во время посещения Кубинки — шумного азиатского базара в Баку — они с Есениным «зашли к одному старику, известному любителю и знатоку старинных персидских миниатюр и рукописных книг. Он любезно принял русского поэта, угощал нас крепким чаем, заваренным каким-то особым способом, и по просьбе Есенина читал нам на языке фарси стихи Фирдоуси и Саади. Уже под вечер мимо лавки прошел, звеня бубенцами, караван из Шемахи или Кубы, заметно похолодало и наступило время закрывать лавку, а мы все сидели и рассматривали удивительные миниатюры, украшавшие старинную рукопись "Шахнаме»²³.

Есть и другие свидетельства, подтверждающие непреходящий интерес Есенина к Персии и ее великим поэтам. Тифлисский друг поэта Николай Вержбицкий познакомил его с тонким знатоком Востока Вениамином Поповым. «Попов не стремился к знакомству с Есениным, — пишет Вержбицкий. — Но когда я сообщил ему, что поэт с наслаждением читает и перечитывает Саади, Хайяма и Руми, он зашел к нам, и мы провели интересный вечер. Вениамин без конца рассказывал о Востоке, о Персии...»²⁴.

В своем стремлении совершить «последний бросок на кэг» — в Персию Есенин был удивительно настойчив. Автор «Анны Снегиной» написал большой стихотворный цикл «Персидские мотивы», хотя сам в Персии так никогда и не побывал, а только страстно мечтал туда попасть. Всякий раз его упорные попытки венчались неудачей, и он вынужден был с горечью признавать, что «Персия прогорела». Почему?

Золотая клетка

«Голубая да веселая страна», куда поэт так стремился душой, навсегда осталась для него недостижимой. О причинах этого поведал в своих записках человек, которому Есенин в знак дружбы посвятил «Персидские мотивы» и который так тщательно опекал поэта во время его пребывания в Баку. Звали этого человека Петр Иванович Чагин (настоящая фамилия Болдовкин), занимался он партийной и литературной работой и в то время (при Кирове) был секретарем ЦК КП Азербайджана.

Вспоминают, что «первый акт официального гостеприимства, оказанный Есенину в Баку, был одновременно трогательным и забавным. В случае обнаружения поэта вне дома, в болезненном состоянии, лицам, коим сим ведать надлежит, предписывалось бережно доставлять его в общежитие, где он жил тогда у Чагина»²⁵.

Об этом же говорит и В. И. Качалов, приехавший в Закавказье на гастроли: «Играем в Баку спектакль. Есенин уже не в больнице, уже на свободе. И весь город—

сплошная легенда об Есенине. Ему здесь «все позволено», ему все прощают. Вся редакция «Бакинского рабочего», Чагин, Яковлев, типографские рабочие» милиция — все охраняют его»²⁶.

Роковую роль в том, что Есенин оказался вдруг «невъездным», сыграл, однако не Чагин, а первый секретарь ЦК республики — Киров, не разрешивший Чагину выполнить обещание и показать поэту Персию и Индию. Сам Киров познакомился с ним в редакции газеты «Бакинский рабочий», когда Есенин читал там свои стихи. Позднее они встречались и в апреле 1925 года, когда в Баку торжественно принимали М. В. Фрунзе. Есенин «выведывал» (выражение Чагина) подробности боевой деятельности Кирова в гражданскую войну. «Киров, — пишет Чагин, — человек большого эстетического вкуса, в дореволюционном прошлом блестящий литератор и незаурядный литературный критик, обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной:

— Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, какие его могут подстеречь, и, боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай! Чего не хватает — довообразит. Он же поэт. Иллюзию Персии для Есенина Чагин создал, как умел: поселил поэта на одной из бывших ханских дач в Мардакянах, с роскошным садом, фонтанами и всякими восточными затеями. Летом Есенин жил здесь с женой Софьей Андреевной Толстой. «Мардакяны — это оазис среди степи, — писала она отсюда матери 13 августа 1925 года — Какие-то персидские вельможи когда-то искусственно его устроили. Теперь это маленькое местечко, вокзал узкоколейки, лавочки, бульвар, все грошовой и крошечный, старинный, прекрасная мечеть и всюду изумительная персидская архитектура. Песок, постройки из серого и желтого камня. Все в палевых, акварельных тонах, — тоне Коктебеля. Узкие, как лабиринты, кривые улицы, решетки в домах, арки. Мы часами бродим, так, куда глаза глядят...».

Недавно стали известны и воспоминания младшего брата Чагина — Василия Болдовкина, служившего дипкурьером и комендантом советского посольства в Тегеране. Знакомство их состоялось в Баку в сентябре 1924 года, продолжилось в Москве, вместе они побывали даже на родине Есенина в селе Константинове, на свадьбе двоюродного брата поэта. Что касается персидских устремлений Есенина, то по словам Болдовкина выходит, что «в выезде в Иран поэту было категорически отказано». По официальной версии, из соображений безопасности... Киров, в то время первый секретарь ЦК КП Азербайджана, очень тепло относился к поэту и не пустил его в Персию из добрых побуждений: у Есенина был трудный период, и Сергей Миронович опасался, что, вырвавшись из-под опеки, тот может натворить бед. Так или иначе, было решено задержать Есенина в Баку любой ценой...»^{1*}

Для Есенина эта цена оказалась, может быть, слишком высокой: воспоминания современников рисуют его в этот «трудный период» болезненно надломленным. Вот каким увидел его в Баку Александр Воронский — редактор «Красной Нови», крупный литератор, ему Есенин посвятил «Анну Снегину». В его воспоминаниях создан глубокий, психологически тонкий и точный портрет поэта. Отрывок, всего в несколько строк, впечатляюще передает совсем не идиллическую картину пребывания поэта в золотой клетке: «Есенин стоял, рассеянно улыбался и мямлил в руках шляпу. Пальтишко распахнулось и неуклюже свисало, веки были воспалены. Он простудился, кашлял, говорил надсадным шепотом и запахивал то и дело шею черным шарфом. Вся фигура его казалась обреченной и совсем ненужной здесь. Впервые я остро почувствовал, что жить ему недолго и что он догорает.

На загородной даче, опившийся, он сначала долго скандалил и ругался. Его удалили в отдельную комнату. Я вошел и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Все лицо его было залито слезами. Он комкал мокрый платок.

— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей, ни близких. Я никого и ничего не люблю.

По-видимому, и сам Есенин был отчасти в этом виноват. Василий Болдовкин, фиксируя его постоянный интерес к намечавшейся поездке («Я почувствовал, что Персия не дает ему покоя, тянет к себе»), отмечает в то же время в поведении Есенина и некоторую непоследовательность, не позволившую поэту довести задуманное дело до конца: «Оформление поездки в Персию затягивалось, да и сам Сергей выражал стремление к поездке только вечерами и ночами, а когда днем нужно было оформлять документы, то он откладывал это изо дня в день. Так и протекали день за днем. Я получил телеграмму о срочном выезде в Тегеран. Сергей же свою поездку не оформил, и мы расстались. На пристани он меня заверял, что обязательно через несколько дней выедет в Персию...»³¹

Чагина Киров забрал с собой в Ленинград, где собирался «продолжить шефство над Сергеем Есениным, а по сути дела, — заключает свои воспоминания Чагин, — продолжить животворное влияние партии на поэта и на его творчество»".

Осуществить это намерение, впрочем, было бы весьма затруднительно. Есенин говорил о себе: «Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду»". Так или иначе, через два с небольшим года после трагедии в «Англетере» на Троицком мосту в Ленинграде, с Кировым повстречался В. А. Мануйлов. Знакомы они были еще по Баку. «Зашел разговор о Есенине, — вспоминает Мануйлов, — Сергей Миронович очень тепло вспоминал своего тезку и с горечью сказал, что, если бы тогда в начале сентября 1925 г. удалось задержать Есенина и Софью Андреевну на два-три осенних месяца в Баку, может быть, декабрьской катастрофы не случилось бы.

— Уж мы за ним доглядели бы! — сказал Сергей Миронович

Однако судьба распорядилась иначе...» Киров, искренне полагавший, что партийный догляд способствует плодотворному творческому процессу, не сумел доглядеть и за собой и сгинул, загадочно застреленный в коридоре Смольного дворца. Надо отдать ему должное, гибель Есенина была для него глубоко личной потерей. «Не удержался. Видать, разбился о камень черствых людских сердец», — с горечью откликнулся Киров на смерть поэта, по-своему истолковав метафорическое значение известной всем есенинской строки".

«Свет вечерний шафранного края» — увы, это был только поэтический мираж. Пытаясь приблизиться к нему, Есенин оставался все так же бесконечно далек от него. Спасительное бегство не состоялось. Да и никакая Персия спасти Есенина уже не могла. А он все еще надеялся «куда-нибудь уехать». «Живу в Мардакянах, — писал он из Баку Анне Берзинь, — но тянет дальше. Куда — сам не знаю. Если очутюсь, где-нибудь вроде Байкала, не удивляйтесь...»³⁴ Но уехать от себя по-прежнему было некуда. «Он вернулся таким же, каким и уехал: усталым, нервным, крайне раздраженным», — вспоминала сестра Есенина Александра. Исход путешествия был уже предрешен.

Примечания

1. Тексты писем С. А. Есенина, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по книге: *Сергей Есенин. Собрание сочинений*. Т. 5. — М.: ГИХЛ, 1962.

2. *Мариенгоф А.* Роман без вранья. — Л.: Художественная литература, 1991. — С. 70.

3. Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова. Книга для записи впечатлений посетителей 1919-1924 гг. — №0-2917/5.
4. Белоусов В. Персидские мотивы. — М: Знание, 1968. — С. Ю.
5. Леонидзе Г. Я вижу этого человека / О Есенине. Стихи и проза писателей-современников поэта. — М.: Правда, 1990. — С. 170.
6. Аверкин С. Одним ударом Эрьзя мог отсечь все лишнее // Комсомольская правда. — 1996. — 5 ноября.
7. Кошечкин С. Весенней гулкой ранью... Эттоды-раздумья о Сергее Есенине. — М.: Детская литература, 1984. — С. 107.
8. Там же. С. 109.
9. Болдовкин В. Он всем нам родной // Слово. — 2003.. №2, — С. 87.
10. Белоусов В. Персидские мотивы. — М: Знание, 1968 — С. 9.
11. Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. Ч. 2. — М., 1970. — С. 153.
12. Гамсун К. В сказочной стране // Стрижамснт. Литературно-художественный альманах. — Ставрополь: Кавказский край, 1991—С. 472.
13. Вержбицкий Н. Встречи с Есениным. — Тбилиси, 1961.
— Цит. по кн.: Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. Ч. 2. — М., 1970 —С. 158.
14. Последняя жена Есенина // Новый мир. — 1995. — №10—С. 206.
15. Воронский А. Из воспоминаний о Есенине / О Есенине. Стихи и проза писателей-современников поэта. — М.: Правда, 1990. — С. 106.
- Ч.ЮишнП. Ф. Сергей Есенин. — М.: Изд. МГУ. 1969. — С. 48.
17. Вояппин В. И. Есенин в Ташкенте / Воспоминания о Сергее Есенине. — М., 1965. — С. 301-302.
18. Мариенгоф А. Указ. соч. — С. 98.
19. Там же. С. 99.
20. Жизнь Есенина — М.: Правда, 1988. — С. 359.
21. Последняя жена Есенина. — С. 199.
22. Жизнь Есенина. — М.: Правда, 1988. — С. 404.
23. Там же. С. 405.
24. Там же. С. 384.
25. Швейцер В. Песня / Воспоминания о Сергее Есенине.
— М., 1965. — С. 406.
26. Жизнь Есенина. — С. 404.
27. Там же. С. 401.
28. Никифорова Т. Г. ...Горько видеть жизни край. Сергей Есенин и Софья Толстая II Наше наследие. — 1995. — Кі 34. — С 64.
29. Полонский Л., Чеботарева В. Свет вечерний шафранного края//Труд. — 1995.—19 августа.
30. Жизнь Есенина. — С .403.
31. Болдовкин В. Он всем нам родной. — С. 87.
32. Жизнь Есенина. — С. 422.
33. Воронский А. Указ. соч. — С. 104.
34. Жизнь Есенина. — С. 422.
35. Прокушев Ю. Л. Сергей Есенин. Поэт. Человек. — М., 1973. —С. 218.
36. Неопубликованные письма А. М. Горького и С. А. Есенина //Литературная Россия.— 1965.—№40.
37. Есенина А. А. Это все мне родное и близкое / Воспоминания о Сергее Есенине. — М., 1965. — С. 71.

Научное издание

МАРКЕЛОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ **Поговорим о бурных днях Кавказа**

Заведующая редакцией Т.А.Денисова

Корректор Л.М.Лисицына

Компьютерная верстка О.Ю. Самариной

Изд-во Гелиос АРВ

Издательская лицензия ЛР №066255 от 29.12.1998 г.

107140, г. Москва Верхняя Красносельская ул., 16 тел/факс: (095) 264-44-39.

Подписано в печать 03.1105

